

А.И. ЖИЛЕНКОВ

СВЯТИТЕЛЬ ИОАСАФ И ПИСАТЕЛИ БЕЛГОРОДЬЯ: КОМПАРАТИВИСТИКА ТВОРЧЕСТВА

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ
«ОСНОВ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ»

БЕЛГОРОД
2012

УДК 82-97|17/18|(470.325)(078)

ББК 83.3(2...=Рус)я7

Ж 72

Рецензенты:

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской
и зарубежной литературы и методики преподавания
НИУ «БелГУ» *И.И. Кулакова*

кандидат филологических наук,
профессор кафедры гуманитарных наук БГИКИ *М.А. Кулабухова*

Жиленков А.И.

Ж 72

Святитель Иоасаф и писатели Белогорья: компаративистика творчества : учеб. пособие в помощь учителю «Основ православной культуры» / А.И. Жиленков. – Белгород: ИД «Белгород», 2012. – 120 с.

Учебное пособие нацелено на рассмотрение духовных традиций святителя Иоасафа, епископа Белгородского в литературе Белгородчины. Исторический период развития региональной литературы ограничен произведениями XVIII – XIX веков. В книгу вошли писатели и общественные деятели, чья жизнь и творчество оставили неизгладимый след в литературе Белгородчины и России: Г.С. Сковорода, М.С. Щепкин, А.В. Никитенко, Ю.Н. Говорухо-Отрок.

Издание адресовано учителям словесности и православной культуры школ, лицеев и гимназий, литературоведам, краеведам, студентам и аспирантам филологических факультетов и всем, кто интересуется вопросами православной культуры и истории русской литературы.

УДК 82-97|17/18|(470.325)(078)

ББК 83.3(2...=Рус)я7

© Жиленков А.И., 2012

© ИД «Белгород», 2012

Содержание

Духовное наследие святителя Иоасафа в литературе Белгородчины.....	5
Первая глава. Две «Брани...»: Иоасафа, епископа Белгородского и странствующего философа Г.С. Сковороды.....	7
Приложение к первой главе	14
Иоасаф (Горленко) «Брань честных семи добродетелей с семью грехами смертными, происходящая в человеке-путнике всегда, особенно в дни Святой Великой Четырехдесятницы, описанная по порядку ее седмиц поэтическим образом и ритмом».....	15
Сковорода Г.С. «Брань архистратига Михаила с Сатаною о сем: легко ли быть благим».....	52
Вторая глава. Автобиографизм записок святителя Иоасафа, «актера из крепостных» М.С. Щепкина и «профессора из крепостных» А.В. Никитенко.....	67
Приложение к второй главе	73
Иоасаф (Горленко) «Собственноручные записки о жизни своей епископа Иоасафа (Горленко), путешествие в свете сем грешника Иоасафа, игумена Мгарского».....	73
«Записки актера Щепкина».....	76
Никитенко А.В. «Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетель в жизни был. Записки. 1804-1824 гг.».....	86
Третья глава. Проповедническое слово Иоасафа и литературно-художественное слово Ю.Н. Говорухо-Отрока о любви...	98
Приложение к третьей главе	103
Иоасаф (Горленко) «Слово святителя Иоасафа Белгородского о любви к Богу».....	103
Говорухо-Отрок Ю.Н. «Легенда о Сатане».....	109
Список иллюстраций.....	118

Духовное наследие святителя Иоасафа в литературе Белгородчины

У истоков литературы Белгородского края стоит святитель Иоасаф. Его духовное наследие вдохновляло творчество тех писателей, для которых наши родные просторы стали и местом рождения, и местом творческих трудов, а также местом свершения духовных подвигов в утверждении православных ценностей.

Данная книга создавалась в юбилейное время – 305-летие со дня рождения и 100-летие канонизации святителя Иоасафа.

В центре пособия – актуальные проблемы изучения литературного наследия Иоасафа (Горленко), епископа Белгородского и Обоянского. Тема обусловлена историко-культурной значимостью его религиозной деятельности и литературного творчества.

Иоасаф (Горленко) – видный исторический и церковный деятель. Родился на Украине, в городе Прилуки Полтавской губернии, в казацкой семье. Учился в Киево-Могилянской духовной академии, в 1725 году принял монашеский постриг. Был настоятелем Мгарского Спасо-Преображенского монастыря в Полтавской губернии и наместником Троицко-Сергиевой лавры. С 1748 года – епископ Белгородский и Обоянский. «Иоасаф (Горленко) один из просвещенных людей своего времени, был знаком с философскими и политическими сочинениями выдающихся мыслителей древности. В его домашней библиотеке находились книги по истории, географии, медицине, астрономии и другим сугубо светским наукам. Был выдающимся просветителем своего времени, распространял в народе грамотность, уделяя большое внимание работе учебных заведений и делая церкви центром просвещения и воспитания».

Из сочинений святитель Иоасаф оставил автобиографию, стихотворный диалог «Брань семи добродетелей с семью грехами смертными», одно поучение (слово), несколько писем и окружных посланий.

Названные произведения представляют интерес не только как исторический источник, но и как культурно-эстетический феномен, отразивший религиозно-философское мировоззрение, церковное сознание, специфическое эстетическое видение своей жизни, детерминированное эпохой. «Произведение литературы раскрывается прежде всего в дифференцированном единстве культуры эпохи его создания, но замыкать его в этой эпохе нельзя: полнота его раскрывается только в большем времени». В помощь учителю предлагается рассмотрение связей духовного наследия Иоасафа (Горленко) и литературы Белгородчины в их историческом становлении.

Задачи выявления специфики традиционалистского мышления в произведениях Иоасафа (Горленко) и его восприятие в литературах Нового

времени определили методологию исследования в виде исторической поэтики. Эпохальные традиционалистские черты отражаются в художественном мышлении Иоасафа. В связи с этим важно было выявить не только идеологическое содержание произведений Иоасафа, но и специфическую содержательность их формы.

Наиболее значимые проблемы связаны с изучением традиционалистской субъектной сферы творчества Иоасафа, специфики словесной образности, повествовательной логики (сюжетостроения) и жанровой специфики, обусловленных средневековым художественным мышлением.

Данные задачи определили структуру пособия: аналитические статьи, посвященные творчеству Иоасафа (Горленко) и писателей XVIII – XIX веков, с последующим включением в качестве приложения самих текстов художественных произведений.

Содержание глав строится на сопоставлении произведений Иоасафа (Горленко) и представителей литературы Белгородчины: слобожанского странствующего философа Г.С. Сковороды, «актера из крепостных» М.С. Щепкина, «академика из крепостных» А.В. Никитенко, литературного критика, публициста и писателя Ю.Н. Говорухо-Отрока и митрополита Макария (Булгакова).

Историко-поэтический анализ сконцентрирован на идеологических, жанровых, композиционных и стилистических особенностях сопоставляемых явлений. В центре сопоставительного рассмотрения находится система православных ценностей, объединяющих всех названных деятелей культуры и литературы в рамках единого исторического периода, Нового времени.

Материалы предлагаемого пособия впервые вводят в практику школьного изучения дисциплины «Основы православной культуры» литературное наследие святителя Иоасафа (Горленко) в историко-поэтическом и регионоведческом аспектах.

Успешному изучению проблематики учебного пособия будут способствовать включенные в него тексты художественных произведений.

ПЕРВАЯ ГЛАВА

ДВЕ «БРАНИ...»: ИОАСАФА, ЕПИСКОПА БЕЛГОРОДСКОГО И СТРАНСТВУЮЩЕГО ФИЛОСОФА Г.С. СКОВОРОДЫ

Младшим современником Иоасафа (Горленко) был выдающийся религиозный мыслитель, поэт Григорий Саввич Сковорода (1722-1794). В их судьбах можно усмотреть много общего: это и время жизни – XVIII столетие, и место рождения – Малороссия, как тогда называли Украину, и казачье происхождение – Иоасаф из знатных, Сковорода из простых казаков, и образование – Киево-Могилянская академия; Г.С. Сковорода, кроме этого, в течение трех лет слушал лекции в университетах Венгрии, Австрии, Польши, Германии, Италии и владел, как и Иоасаф, латинским, греческим, немецким, еврейским языками; общим является так же и преподавательское поприще, которому отдали дань – Иоасаф там же в академии, в Киеве, а Сковорода – в Харьковском коллегиуме – оба учебных заведения давали духовное образование; и, наконец, общим было место святительского подвига Иоасафа и просветительской деятельности Г.С. Сковороды –

Слободская Украина (Слобожанщина), в которую тогда входили западные земли Белгородчины (в 1765 году по указу императрицы Екатерины II из вольных слободских полков была учреждена «Слободская Украинская Губерния Российской империи», переименованная потом в Харьковское Наместничество).

Харьковский коллегиум находился в то время в подчинении Белгородского епископа, однако едва ли Г.С. Сковорода мог лично знать Иоасафа, епископа Белгородского и Обоянского, умершего в 1754 году, так как приступил он к учительской должности в 1759 году и почти 10 лет с некоторым перерывом работал в коллегиуме вплоть до 1769 года, а после увольнения странствовал по Украине, проповедуя свое философское учение.

Великий русский мыслитель А.Ф. Лосев назвал Г.С. Сковороду «первым самостоятельным философом из русских», чья «система послужила как бы прототипом для систем последовавших за ним философов» [Лосев А.Ф. Г.С. Сковорода в истории русской культуры // Лосевские чтения. Материалы научно-теоретической конференции. – Ростов-на-Дону, 2003. – С. 3-8]. «Философ из народа» сравнивал себя с древнегреческим мудрецом Сократом, и, действительно, он во много напоминал того, как по учению, так и по образу жизни. Сковорода превратился в «ходячий коллегиум» и не стеснялся проповедовать свое учение по хуторам, базарам и ярмаркам. Г.С. Сковорода был многосторонне одарен: прекрасной памятью, поэтическими способностями, музыкальным слухом и голосом, игрой на инструментах, талантом к рисованию. Он проявил себя и как поэт, и как прозаик. Прекрасно образованный, отлично знавший историю философии, говоривший на нескольких языках, он преподносил свое учение в доступной, образной форме. Хотя многие люди насмехались и даже издевались над «чудаком-философом». О них Сковорода говорил: «О, доктора и философы! Мудрствуют: простой народ спит, – пускай спит, и сном крепким, богатырским; и всяк сон есть пробудный, и кто спит, тот не мертвечина и не трупище околешнее. Когда выспится, так проснется; когда намечтается, так очутится и забордствует». Рукописи свои Сковорода носил с собой в походной торбе, в которой всегда была Библия на еврейском языке, но ни одного из своих сочинений он так и не увидел опубликованным. Нищенство и аскетизм сгладили его мятежную неуспокоенность и уравнили парадоксальность его ума с извечной неоднозначностью мира. «Если не могу ни в чем любезному отечеству служить, то, по крайней мере, всеми силами стараться не быть никому ни в чем вредным». На страннический этап плодотворного творчества в жизни Г.С. Сковороды судьба отвела четверть века.

Литературно-художественное наследие Г.С. Сковороды объединяет около пятидесяти песен и стихотворений. Тридцать из них включались автором в сборник «Сад божественных песен». Ряд песен сопровождался философскими комментариями. Другая часть песен, написан-

ных на латинском языке, сохранилась отдельно от названного сборника. Около тридцати латинских стихотворений, песен, эпиграмм содержатся в письмах Сковороды к М. Ковалинскому, своему ученику в Коллегиуме, с которым всю жизнь был духовно сближен и который, в свою очередь, отблагодарил наставника за свое духовное с ним счастье, написав замечательную биографию.

В качестве писателя-прозаика Сковорода создал цикл басен под общим названием «Басни Харьковские», тридцать произведений, в которых продолжил традиционную басенную тематику и в то же время расширил идейные горизонты древнего жанра. В баснях Сковорода восхвалял дружбу, любовь, разум – общечеловеческие ценности, так же как и подлинную ценность человека, определяющуюся внутренними качествами, а не происхождением, титулами, чинами, богатством, внешней красотой. Главные качества человека – вера, разум, трудолюбие, честность, справедливость – проявляются в делах человека.

В баснях громко звучит одна из излюбленных тем Сковороды тема «сродного труда» – труда, основанного на познании человеком своих природных склонностей и способностей. Развитие их позволяет достичь общественной пользы и личного счастья каждому человеку. По мнению Сковороды, только «сродный труд» способствует совпадению частных интересов отдельного человека с интересами общества. «Несродный труд» является источником несправедливости и угнетения «сильными» «слабых». «Сродный труд» – источник земного счастья человека, его «духовного веселия», как говорил мудрец, «должность наша есть источник увеселения». Человек должен подметить свои природные способности и сообразно с ними избрать сродное с ним поприще («стать»).

«Басни» Сковороды имеют огромное художественное значение. Сам факт создания первого на Украине сборника басен, утверждение самостоятельности этого жанра было знаменательным явлением. Вместе с тем басни являются важным этапом на пути философского развития мыслителя. Они фактически примыкают к его философскому творчеству своим идейным содержанием, постановкой философских и этических проблем.

Философское наследие Сковороды состоит из 14 диалогов, 5 трактатов, переводов произведений Цицерона, Плутарха и др.

Общепринятое ныне в науке мнение сводится к тому, что «Сковорода вполне самостоятелен в своих философских исследованиях... он ортодокс, он чтит церковь и ее учение» [Лосев, с. 3]. Главным источником познания для Сковороды была Библия, в которой он ценил главным образом идею и негодовал на тех, которые «спят на Библии», толкуя ее букву. Не менее важной для Сковороды была идея необходимости самопознания. Он учил, что познавая себя, мы в то же время познаем и Бога и вообще истину, что в нас изначально заложены «зерна истины». Главным органом познания, по его мнению, является разум, который отождествлялся мудрецом с

душой и сердцем. Наука, необходимая для отыскивания истины, исследования всего существующего – и духовного мира, и материального – представляет собой, по его логике, соединение философии и богословия, знания и веры.

В своих богословских взглядах Г.С. Сковорода признает самую тесную связь Бога с миром и человеком, верит в загробную жизнь, верит в бессмертие души. Он называет Бога личным, духовно-нравственным существом со свободной волею (а не безличной сущностью, растворенной в природе, как понимали Бога пантеисты); Бог находится в постоянном отношении к миру и человеку, причем промысел Бога проявляется в существовании постоянных и определенных законов, по которым все совершается в природе. Сковорода верит в троичность лиц Бога и приписывает им свойства, о которых учит православная церковь.

В основе воззрений Г.С. Сковороды лежат нравственно-философские идеи:

- 1) необходимости веры в Бога и надежды на Него;
- 2) полного подчинения своей воли Богу, и понимание такого подчинения как высшей свободы воли;
- 3) значения самопознания для истинной нравственности и общественной деятельности;
- 4) понимания зла, как «созданных Богом благих вещей, но приведенных кем-либо в беспорядок»;
- 5) веры в то, что высшее благо заключено в Боге;
- 6) веры в невозможность разъединения религии и нравственности.

В творческом наследии святителя Иоасафа (Горленко) и Г.С. Сковороды присутствуют произведения, близкие как по форме, так и по содержанию: «Брань честных семи добродетелей с семью грехами смертными, происходящая в человеке-путнике всегда, особенно в дни Святой Великой Четырехдесятницы, описанная по порядку ее седмиц поэтическим образом и ритмом» (1737) Иоасафа и «Брань архистратига Михаила с Сатаной о сем: легко ли быть благим» (1783) Г.С. Сковороды.

Произведение Иоасафа было торжественно прочитано на Пасху 1737 года, когда он был преподавателем и экзаменатором Киевской Духовной академии, иеромонахом, в качестве приветственного слова в стихах собственного сочинения прибывшему в Киев новому правящему архиерею – архиепископу Рафаилу (Заборовскому).

Написано произведение на церковно-славянском языке. Рукописный текст «Брани...» иеромонах Иоасаф подарил архиепископу Рафаилу.

«Брань...» неоднократно переписывалась. Список, хранившийся в Церковно-археологическом музее Киевской Духовной академии, стал источником для первой публикации «Брани...» в 1892 году. Современный поэтический перевод был сделан преподавателем Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью), клири-

ком Николо-Иоасафовского собора Белгорода протоиереем Игорем Кобелевым. Книга, содержащая вступительные статьи, церковно-славянский текст поэмы и ее современный поэтический перевод была выпущена в свет в октябре 2002 года.

Произведению предпосланы, во-первых, прозаическое обращение автора к архиепископу Рафаилу, выдержанное в этикетном смиренном тоне, и, во-вторых, стихотворное обращение «К читателю» в форме акrostиха (стихотворения, в котором определенные, обычно начальные или конечные буквы образуют новое слово, фразу или имя): начальные буквы шести- и восьмистиший образуют имя автора – Иоасаф Горленко.

В «Брани...» дано изображение того, как в борьбе с пороками человек из-за самонадеянности делается достойным страстей и спасается от них только верой в Бога.

Композиция выстроена в виде глав, приуроченных к семи седмицам Великого поста и отдельным эпизодам из литургии.

Смысл произведения выражает извечный, универсальный выбор человека между добром и злом.

Г.С. Сковорода для заглавия также использовал слово «брань», которое в своем прямом древнерусском значении сводится к понятию «война», «битва», но домысливается еще и как «спор», «диспут», «диалог».

Участниками брани являются ратный начальник ангелов архангел Михаил и Сатана. «Сего убо ради сия книжечка изводит на поднебесный позор два сердца: ангельское и сатанское, борющиеся между собою. Сие два царства в каждом человеке деют вечную борьбу».

Автор подписывается «старцем Даниилом Варсавой», что не случайно, ибо Варсава с древнееврейского языка значит «сын Саввы» – отчество Сковороды; Варсава упоминается в книге деяний апостольских как один из семидесяти апостолов, а Даниил – «судья Божий», то есть открывающий от лица Бога волю Его – четвертый из больших пророков. Псевдоним прямо указывает на связь с Библией, тем самым освящая право писателя поднимать подобные темы.

Картина «Брани...» приходит к Сковороде как «видение» и выстраивается в своеобразный «философский» диспут или «мировоззренческий» диалог. Несомненно, и в этом проявляется незаурядная образованность автора, его знание мировой культуры, литературы, так как жанр диалога был известен еще в древней Греции. Именно в этой форме вел беседы с гражданами Афин Сократ, на которого часто ссылается Сковорода, а образ жизни Сократа, его мудрствования были ему также весьма близки. Как известно, ученик Сократа Платон придал устным беседам литературную форму диалогов, а самого учителя сделал их главным героем.

Диалоги были известны в Малороссии XVII века и использовались для оформления драматических жанров, в которых действующие лица не просто декларировали свои стихотворные или прозаические партии, а

представляли определенных персонажей. Среди них выступали герои христианской истории, а так же аллегорические фигуры. К драматическим произведениям такого рода относились «Вирши из трагедии «Христос пасхон» Андрея Скульского» (Львов, 1630) и «Размышления о муке Христа» Иоанния Волковича (Львов, 1931). Диалоги становятся основой жанровых форм мистерий (пьес на рождественские и пасхальные сюжеты) и миракли (пьес на сюжеты из жизни святых).

Мистерии представлены, например, «Словом о разорении ада» (II пол. XVII века), «Действием на страсти Христовы» (80-е годы XVII века), «Царством природы людской» (1693 г.). «Слово...» разрабатывало сюжет из апокрифического «Никодимова евангелия», о том, как Христос разоряет ад и освобождает души праотцев. Место действия представлено в виде средневекового замка. Персонажи – Христос, Богородица, Иоанн Креститель, Соломон Премудрый, Ад, Люцифер и др. – наделены некоторыми индивидуальными и локальными штрихами, выявляют человеческие «заземленные» эмоции. В обрисовке места действия и персонажей, а так же в языке и стихе проступают фольклорные элементы.

Несомненно, «Брань...» Сковороды испытала влияние драматизированных диалогов украинских писателей XVII века, но все же в ней своеобразно подчеркнута философичность, а место действия указано максимально обобщенно – «поднебесье», «атмосфера», «радуга»; время действия – довольно неопределенное – «вечер», «ночь», «рассвет». Философскими диалоги Сковороды делают их тематика, проблематика, сам предмет «Брани...» – «легко ли быть благим» (древнерусское «благий» – добрый, хороший, святой).

Сатана утверждает как новый догмат: «Претрудно быть жителем небесным».

Михаил отвечает: «Се ключ, всем врата адова отверзающий. Се соблазн всем путь на небеса оскорбляющий!».

Словопрения завершаются поражением «молниевидным копьем» архангелом Михаилом самого сердца Сатаны и повержением его в «облак вечерний».

Далее «Брань...» трансформируется в богословское рассуждение на ранее обозначенную тему; диалогичность вносится во внутрь рассуждения. Архангел Михаил обращается к «небесным архивоинам», восседающим на радуге, Гавриилу, Рафаилу, Урииму и Варахиилу, ведет с ними «беседу ангельскую» о сердце человеческом, «неограниченной бездне», засеянной семенами злых дел, «семенами сатаны»; приводит притчу о «Львиной ограде» сатанинской, в которую уловляются души «убоявшихся человекоубийцу».

О «Пути спасительном» благовествует Гавриил, называя другом нашим Даниила Варсаву.

О «Пути мира, нареченным пустым» предупреждает Рафаил, приводя в качестве примеров «Песнь богача», так что даже «ангельские силы ужаснулись, видяще», сколь хитро растлил сатана «сию душу, обожающую мертвое и уповающую на кумира», а затем и песнь молящихся лицемеров, вся молитва которых «в том, чтоб роптать на Бога и просить леностей». Архангел Варахиил возопил: «... смрад содомский восходит от сего пути», ангелы же подтвердили песней, что никто «не будет сыт плотским дух», ибо «бездна бездну призывает».

Воспевши же спросили: «Что есть «клевета», «кознь», на чем основано «адское царство», и тут же ответствовали: «На зле сатанинском».

Затем же обратившись к господу Богу, в молитве всерадостно восклицали: «Да будет новый свет!» и «Обновление мира», – воспели в песнях духовных «Песнь победную».

Увидевши славное царство и святую землю, утвердили: «Легко быть благим».

«Брань...» Г.С. Сковороды заключает в себе глубочайшую мудрость и широчайшие знания, для осмысления которых требуется основательная историческая, филологическая, богословская подготовленность. Восприятие произведения предполагает умственное напряжение, одариваемое яркими озарениями проникновенной истиной.

Творения святителя Иоасафа и странствующего мыслителя Г.С. Сковороды объединяются в принадлежности к древнерусской книжной традиции, в аллегорической образности, в строгой поучительности, нацеленности на «просвещение невежд», чтобы «дать премудрому повод...», в искреннем нравочении православным ценностям.

Приложение к первой главе

Иоасаф (Горленко)

**«Брань честных семи добродетелей с семью грехами смертными,
происходящая в человеке-путнике всегда,
особенно в дни Святой Великой Четырехдесятницы,
описанная по порядку ее седмиц поэтическим образом и ритмом»**

Глава 1

Блудный сын

Человек – пришелец в мир,
временный и странный,
Проходил и вдаль и вширь
Все земные страны.
О бессмертии мечтал
в этой краткой жизни,
К Небесам душой взлетал,
как к святой Отчизне.
И на жизненных стезях,
лютый и суровый,
Вдруг напал жестокий враг,
вмиг убить готовый.
Он же смело в брань вступил,
в жарком ратном деле
Духом силы укрепил
в слабом, тленном теле.
Против – смертных семь грехов:
начал он сражаться
С ними, бой тот был суров –
плоти все же – сдаться.
И израненный в душе
от греховной скверны,
Не надеялся уже
быть в живых и верных.
И, призвав на помощь стать
Жизни Дух, в моление
Размышлял он, как воздать
месть за оскорбленья,
Нанесенные ему?
– Что ж, – решил спокойно:
Добродетели возьму
в помощь, и достойно
Под защитой крепкой их
мужественно встану,
Посеку врагов моих,
раною – на рану.

Так решив, он в путь далёк
скоро устремился
В страны света – на Восток,
там остановился.
В Добродетелей дворец
он вошел смиренно
И пред ними, как чернец,
преклонил колена:
«Дайте же, – промолвил он, –
сильные богини,
Помощи – ведь побежден,
погибаю ныне.
Видите: я – человек,
принял плоть от Бога.
Жизни тленной труден век,
далека дорога.
И как только я на ней
отдохнуть пытаюсь,
Богомыслием – нужней
пищи нет – питаюсь,
Тут же враг – семь смертных ран –
семь грехов наносит
Мне – как будто ураган,
с ног сбивая, косит.
Я же не имею сил
к противостоянью,
Потому припасть решил
к вашему сиянью.
К вам, непобедимым, я
возношу моление:
Встаньте же, меня храня,
вместе на сраженья!»
И услышана мольба:
девы тотчас встали
И за Божьего раба
войско строить стали.
Но перед борьбой послов
к Гордости послали,
Ей, царице всех грехов,
молвить приказали,
Чтоб готовила она
войск своих секиры
И щиты – грядет война,
далеко до мира,
Чтобы и причину ей
точно указали:
Странника средь жизни сей
ранил грех – сказали –

Чтобы день вступленья в брань
злые утвердили,
И о нем весь стан Добра
в срок оповестили.
Вестники Добра указ
этот получили
Зла Царице в точный час
принеся, вручили.
Письменно и на словах
верно передали
В Грамоте и на устах –
все, с чем их послали.
Гордость, выслушав послов,
им не отвечала.
Выразить весь гнев – нет слов,
с пол часа молчала.
Но затем, открыв уста,
молвила сурово:
«К дням Великого поста
будет все готово».
Возвратившись на Восток,
вестники сказали,
Что грехи для битвы срок –
Пост – им указали.
И тогда, к броне броня,
строиться все стали,
И назначенного дня
с нетерпеньем ждали.

Глава 2

Приближался, между тем,
день великий бранный,
Страшный день, грозящий всем
смертью, кровью, раной...
Чья победа, чей урон –
показать при встрече
Вышли смело с двух сторон
два бойца на сечу:

*Неделя о мытаре
и фарисее*

От грехов копьем грозил
фарисей надменный,
Но в главу его сразил
наш мытарь смиренный.
Только первый бой утих –
Добродетель встала,
К битве воинов своих
созвала немало.

Масленица

И велела им, любя,
прежде битвы часа
Не отягощать себя
тучным грузом мяса,
Чтоб, в неделю легче став,
смело в бой летели.
У грехов – иной устав:
ели, пили, пели,
Строились в недельный срок –
вялы все и сонны,

*Поклоны
начинаются тогда*

Стали в среду и пяток
тяжки им поклоны.
Вот на поле все войска
вышли к часу боя,
На полет стрелы пока
стали строй от строя.
И оружие своим
воинам раздали,
Дали наставленья им
и сигнала ждали.
Добродетелей чины
впереди стояли
И с восточной стороны
славою сияли:

Царица-Смирение

<i>Благоутробие</i>	<i>Целомудрие</i>
<i>Любовь</i>	<i>Пост</i>
<i>Кротость</i>	<i>Набожность</i>

Предводители полков
ряд примкнули к ряду.
Обозрев их, нам таков
видится порядок.

- 1. Вот – *Смирения* полки.**
Ими предводили
Те, кто сладость благ мирских
в суету вменили.
Этот мир и плоть свою
так они презрели –
Лишь врагов побить в бою –
их сердца горели.
- 2. Вот – *Благоутробья* стан,**
в подвигах прославлен,
Милостивый Иоанн
во главу поставлен.

3. Целомудренных начал –
старцев лик возглавил –
Те, кто женщин не познал,
девственность прославил.

*Апокалипсис,
4 глава.*

4. Далее – войска **Любви**,
их святые власти
Делят здесь ряды свои
на две равных части:
Первый – мучеников строй,
над которым главный
Свят Димитрий,
с ним герой –
Стратилат преславный.
Части же второй полки
все за властелина –
В Благовестии Луки
чтут Самарянина.

Любви к Богу

Любви к ближнему

5. Тысячники войск **Поста** –
кто всю жизнь постится
И в смиренной плоти стал
легким, словно птица.

6. Кротости войска – смотри –
против злобы мира
Ныне возглавляют три
сильных командира.
Их терпенье петь – нет слов:
над судьбой ненастной
Встали праведный Иов,
Иосиф Прекрасный,
С ними, славой осиян
и венца достоин,
Страстотерпец Иоанн –
благочестный воин.

7. Набожности вот бойцы –
всем даны таланты –
Здесь псалмов святых певцы,
славны музыканты.
Этим ликом вдаль и вширь
сладко, неустанно
Воспевается Псалтирь,
слышен звон тимпанов.
Капельмейстеры у них –
мастера в искусстве,
За стихом слагая стих,
петь в высоком чувстве.

Дамаскин великий здесь
рядом с Феофаном,
Чьих светла канонов песнь,
и с певцом Романом.
Добродетелей войска –
строй стоит пред нами, –
И у каждого полка –
командир и знамя.
Вот смиренных впереди
ясно видим лица.
Все – с крестами на груди,
в латах-власяницах,
Шлемы-клобуки у них,
и, к сраженью ловок,
Обузданье тел земных –
пояс из веревок.
И когда врагов войска
встанут пред очами,
Четки вдруг блеснут в руках
острыми мечами.
На плечах у всех плащи –
мантии чернеют.
Лучше войска – не ищи:
все преодолеют.
Им название может быть –
и кавалергарды:
Словом Божьим нечисть бить –
посильней бомбарды.
Милостыни старшина
ларчик, полный злата,
Держит крепко, в нем – казна
против супостата, –
Как боезапас, она.
Дальше – полк великий
И плотнее, чем стена:
Вот – «наемных» лики.
Полк «наемный» – это те,
кто всей жизнью тленной
Служит Богу в нищете,
неотяжеленный.
Девственников светел ряд.
Всех – бела одежда,
Лилии в руках, как сад,
а в сердцах – надежда
На победу добрых сил
в предстоящей битве.
Каждый Господа просил
лишь о ней в молитве.

Воеводы сил Любви
пламенно-прекрасны.
Пламя – в сердце, огонь – в крови,
блещут очи ясно.
Постники, взяв сухари
и сырую воду,
Сломают, как богатыри,
плотскую природу.
Кротким злоба не вредит,
гнев и зависть – мимо.
Столп терпения стоит
непоколебимо.

Глава 3

Силам Света вопреки
силы тьмы восстали,
И греховные полки
так сформировали:

Царица-Гордость

<i>Лакомство</i>	<i>Блуд</i>
<i>Зависть</i>	<i>Обжорство</i>
<i>Гнев</i>	<i>Леность</i>

1. «Прежде чем на брань идти, –
мыслит **Гордость** мира, –
Для полков моих найти
надо командира».
И тотчас, всех зол вина,
эту рать возглавить
Взялся **дьявол-сатана**,
чтоб себя прославить.
Темные грехов войска,
что он вел сражаться,
К **Добродетели** полкам
стали приближаться.
В шесть коней запряжена –
всем посторониться –
Буйной резвости полна –
мчится колесница.
Гордость в ней сама сидит,
одержима страстью.
Ни на что уж не глядит,
упиваясь властью.
Злата, бисера, камней
Так пестры наряды.
А пред ней, вокруг, за ней –
грешников отряды.

Мрачен, поступью тяжел,
прямо вслед за ними
Черный ликом, дьявол шел
с бесами своими.
Взор его поверх полков
яроsten и страшен.
Вид же Гордости таков –
пошло разукрашен:
Грудь открыта, и над ней
медальон сверкает,
И корона из камней
блеском привлекает.
Щеки – красный цвет румян,
очи чуть прикрыты,
Словно конь, от страсти пьян,
ржет и бьет копытом.

2. Лакомства бесовка шла –
позади и рядом,
В ад рабов своих вела
ненасытным взглядом.

3. Как ужасен будет бой!
Близко – злая сила,
Словно пропасть пред тобой
черный зев открыла.

Блуд премерзкий шел затем
вслед иной заразе,
В скверне весь, в нечистоте,
в гное и проказе.

Так противен, что нельзя
собранным отрядам,
В слизи пакостной скользя,
находиться рядом.

Похотник, прелюбодей –
тысячи их к бою –
Все, что мерзко для людей,
волокли с собою.

4. Всех скупцов и богачей,
где б ни оказались,
Ненасытностью своей
подчиняет **Зависть**.
Всюду свой бросает взгляд
и лишь достигает,
В пропасть, что бездонна – в ад
сразу повергает.
Блеск сокровищ, городов –
все бы поглотила!
В битву – легион рабов
Зависть снарядила.

5. Гнев пылающий за ней,
что костер среди ночи,
злыми искрами огней
светят его очи.
За собой ведет он тех,
кто во ссорах ярый.
Тянет, демонам на смех,
«лающих» пары.

6. Вражбых войск перед концом
Леность – грех проклятый,
Шла, с невымытым лицом,
волосы кудлаты,
Распоясана, несла
пыльных книг страницы –
Там, где моль не сожрала,
плесень веселится.
Воины ее едва
по земле ступали.
Конные же, как трава,
гнулись, в сѣдлах спали.

7. А Обжорству среди полков
первому дав место,
Доверяет стан врагов
музыку оркестра.
Как построились чины –
дан сигнал трубою:
Быть все воины должны
наготове к бою.

Видал кто – тот разумел:
явно перед всеми –
Враг немало сил имел.
Но – пришло уж время.
Как сошлись – таков был толк:
Лакомству напротив
Стал **Благоутробья** полк
в полном развороте.
Ведь немалый нужен труд –
К сильным одоленью.
Целомудрию же **Блуд**
стал в сопротивленьи.
Нечестивый полк шальной,
да еще люднее,
Целомудрие – сильней,
но числом беднее.
Дан им в помощь постный люд –
воины суровы,
Сильны духом, ратный труд
всласть нести готовы.
С войском **Кротость** и **Любовь** –
строим стали сзади:

В случае, как хлынет кровь, –
выйти из засады.
И как битвы час настал,
брань пришла ужасна,
Набожность – оркестр разыграл
ярко, громогласно.
Светлых ликом славный дар –
в колокол «начальный»
Первый – весел был удар,
а за ним – печальный.

*Вечер понедельника
1-й седмицы
Св. поста*

Вот – из набожной чреды –
песни вознесенье:
«Мой Помощник! Только Ты
был мне во спасенье.
Покровитель! Жизнью всей
лишь Тебя прославлю,
Бог отцов! Хвалы Твоей
век свой не оставлю!»
Слыша песнь, полки Добра
воодушевились,
На врага – пришла пора –
дружно устремились.

Поклоны

Так летел за строем строй,
дивной песне внемля,
Что с усердия порой
падали на землю.
Если бы в труде таком
сильно не устали,
То победу над врагом
в сей же день достали.
Но – вниманье! В схватке той
промах допустили:
Преждевременной мечтой
зря себя прельстили.
Видя натиск светлых сил,
хитрый враг, однако,
Как – в момент сообразил –
отразить атаку.

*Сластоядение,
нападающее
в Пост*

В тот особо жаркий миг,
чтоб сломить упорство,
С избытком блюд своих
пошло Обжорство.
Видя множество на них
разной вкусной снеди,
Полк постящихся приник –
и попался в сети.
Расступившись по бокам,
злая вражья сила
Внутри голодные войска
хитро пропустила,

А затем, покуда те
                    голод утоляли,
Эти, в четкой быстроте,
                    с флангов их зажали.
В окружении пока
                    долго так сидели,
Осажденные войска
                    все припасы съели.
Что ж теперь? – Лишившись сил,
                    умереть всем надо? –

*Суббота
1-й седмицы,
в которую
почитается
память св. Феодора
Тирона*

Только Бог здесь вразумил,
                    как спастись от глада.
К ним Феодора послал,
                    и свершилось чудо:
Он обоз пшеницы взял.
                    Как? – Бог весть откуда.
Разделив припасы те –
                    всем должно достаться, –
приказал варить в воде
                    и кутьей питаться.
Так, вновь силы укрепив,
                    начали сраженье,
И ушел, врага побив,
                    полк из окруженья.
Удивясь, каким путем
                    вышли, как окрепли, –
В замешательстве своем
                    силы зла ослепли.

Икона Спасителя

Озверевшими в крови
                    вражьими сынами
В батальоне сил Любви
                    вдруг отбито знамя.
В битву все до одного
лишь под ним шагали,
Все надежды на него
свято возлагали.
С почестью и торжеством
впереди носили,
Ведь на образе живом
Царь являлся в силе.
И кто с верой на него
лишь смотрел умильно,
Счастьем воина того
одарял обильно.

Иконоборчество

Знамя захватив, скоты
                    стали «красоваться»
И над образом святым
                    зверски издеваться.
То, натягивая лук,
                    в царский лик стреляли,

То, на землю бросив вдруг,
    мяли и топтали.
Тяжко воинам Царя
    это постыженье,
Правой ревностью горя,
    ринулись в сраженье.
От солдата до вождя,
    в лютой жажде мести,
Бились, жизни не щадя,
    в славу царской чести.
Долгим был и жарким бой.
    Царские отряды
Не видали пред собой
    никакой преграды.

*Мученичество
за иконы*

В схватке яростной такой
    кровь дружины правой
По земле текла рекой,
    лился дождь кровавый.
И в огне, в дыму, в крови
    на врага ломились
Воины полка Любви –
    Вновь отбить стремились
Лик Царя. На копий строй,
    на мечи и стрелы
Грудью не один герой
    мчался в битву смело.
Страшно было видеть их:
    В яростном обличье
Убивали и своих,
    потеряв различье...

*Неделя 1-я
Св.поста,
в которую
празднуется
восстановление
икон*

И когда, казалось, пал
    полк от вражьей силы,
Бог спасенье даровал:
    с властью – Михаила,
Рода царского дитя,
    сына Феодоры.
Тот, себя не пощадя,
    в бой пошел, и скоро
Супостата победил
    силою державной,
И отбил, освободил
    царский образ славный.
Воинам вручил своим,
    дав им повеленье
Перед образом святым
    возносить моление,
Как перед Царем Самим,
    ибо честь иконы
Принята отныне Им
    в вечные законы.

Вечер спали все и ночь,
        войско так устало! –
Вскоре ночь умчалась прочь,
        и уже светало.
Утром снова все полки
        встали строй ко строю.
С двух сторон стоят враги,
        и оружие – к бою!
Добродетелей войскам
        в этот час рассвета,
Что победа их близка, –
        Здесь была примета:
Вдруг под Лакомства вождем
        рухнул конь. – Так значит,
Наша – только нападём, –
        слава! Не иначе.
И действительно, сперва
        счастье улыбнулось,
Но за гордые слова
        скоро отвернулось.
Наказал их Бог: в тот час,
        как врага разили,
О себе они, кичась,
        сильно возомнили,
Бога не благодаря
        за любовь благую,
Только Он богатырям
        силу дал такую –
Побеждать, но лишь своей
        чести примеряли
Все заслуги, а друзей
        слепо укоряли,
Свой лишь труд прежде всего
        славным почитали,
Ближнего же своего
        бездарью считали.
Гордых Бог поверг во прах, –
        предал лютой брани.
И, погнав, разил их враг
        раною по ране.
Человек же, за кого
        вся та брань вершилась,
Был в обозе, и его
        мук душа страшилась.
Все сидел и слезы лил
        о таком несчастье,
И себе он говорил:
        «В какой света части
Скроюсь я, когда все зло
        победит блаженных?»

Видно, время подошло:
ждет меня геенна.
Что мне делать? Смерть близка...»
Вдруг враги нажали.
Добродетелей войска
с поля побежали.
Взяли в плен враги его,
в дальний край послали,
Края жителю того
в рабский труд продали.
Что ж теперь? – Добра полки
уж себе не рады.
В непредвиденных таких
бедах без отрады.
Ночь длинна и день тяжел
в горестной кручине.
Только кто-то вдруг пришел.
Видно – из пустыни.

*Неделя 2-я
Св.поста,
в которую
почитаются
память
свт. Григория
Паламы*

Войск Добра почетный муж,
именем Григорий,
Мудр и во спасенье душ
на советы скорый.
Ревностным и бодрым был
Фессалоник пастырь,
Здесь совет он предложил –
что на рану пластырь:
«Вот решенье: чтоб мудрей
все дела поправить,
Надо нам письмо скорей
ко Царю составить.
О подмоге попросить,
ведь еще не скоро
Брань мы сможем завершить,
миновав позора.
Бой жестокий предстоит,
а у нас же люди –
Кто – изранен, кто – убит...
Как сражаться будем?»
Был за благо тот совет
всеми принят. Ясно.
А послать в Предвечный Свет –
с Девою прекрасной,
Той, с чьей песней не страшна
нам любая битва.
Деве благодать дана,
имя ей – Молитва.
В грамоте же той, что ей
воины вручили,

Вознести к Царю царей
вскоре поручили, –
Вдохновенные слова.
Смысл их постигаем
И, к духовной пользе, вам
честно предлагаем:

«Отец Небесный! С высоты
услышь нас благосклонно!
Как ранены мы, видишь Ты,
сынами Вавилона.
Мольбы Сиона дочерей
в их тяжком униженье
Прими и силою Твоей
спаси от пораженья.
Да будет свергнута во прах
Тобой врагов держава,
И возгремит во всех мирах
Божественная слава.
Безмерную Твою любовь
привлечь к себе желаем
И со слезами вновь и вновь
моленья воссылаем».
На Псалтири два крыла,
Здесь Молитва села,
В неба синь быстрее орла
от земли взлетела.
Лишь к столице высшей так
скоро воспарили,
Перед ней Небес врата
ангелы открыли.
В Первом Небе отдохнуть
дева восхотела,
И затем в дальнейший путь –
выше полетела.
Воспевая песнь Творцу,
Ангельские лики
Гостью вознесли к дворцу
Вышнего Владыки.
Там не раз к Царю войти
дева устремлялась,
Но – преграды на пути:
светом ослеплялась,
То от пенья дивных слов
глохла и немела,
То пред множеством чинов
глаз поднять не смела,
Ангелов сто тысяч здесь
в высоту взмывали,
Сладко трисвятую песнь
Богу воспевали.

*Есть ангел,
который
молитву
молящихся
к Богу возносит*

Вот пред ней Селафиил –
Ангел появился.
Он по делу послан был,
и лишь возвратился,
Вдруг Молитву у дверей
он, увидя, встретил,
Расспросив, что нужно ей,
вежливо заметил:
«Я просил бы подождать.
Здесь не властно время.
Ведь Царя-Владыки Мать
правит нами всеми.
Перед Сыном только Ей
Бог дал дерзновение
Возносить за всех людей
слезные моления.
Чтоб Господь мечте твоей
дал осуществиться,
Должен наш Архангел к Ней –
Гавриил – явиться.
Он во все века Ее
благовестьем славит
И прошение твое,
и тебя представит».
Молвив так, Селафиил
к выси устремился.
Вскоре же сам Гавриил
рядом появился.
Все спросив подробно, он
с лилией чудесной,
Благовестьем вдохновлён,
вшел в чертог Небесный.
Гостя, также райский цвет
взяв для приношенья,
Стала ждать в Предвечный Свет
свыше приглашенья.
Не замедлил Гавриил
к госте вновь явиться,
Тихим жестом пригласил
во дворец к Царице.
К Богородице в чертог
в тишине вступала
И, лишь перейдя порог,
на колени пала,
Здесь архангельский привет
Деве воспевая,
И душистый белый цвет
в руки подавая,
Возглашала и слова своего напева:

«Прими же, о Матерь, Пречистая Панна,
Соцветие райское благоуханно –
Сионских Тебе дочерей приношенья,

Как в памяти верное изображение
Тебе в Благовещенье ветви врученной,
Как знак вечной девственности освященной.
Подобную той райской ветви и ныне
Прими от меня, Твоей верной рабыни.
Прими же, носившая Бога во чреве –
Спасение падшей праматери Еве.
Воздвигшая древнюю – Новая Ева,
Прими, Пресвятая, Пречистая Дева!»

Молвила, что брань идет
при потерях многих
И о том, что войско ждет
от Царя подмоги...
И примолкла, передав
битвы всей причину.
Дева Пресвятая, встав,
поспешила к Сыну.
Ангельских чинов полки
всюду ликовали:
С правой, с левой ли руки –
дивно воспевали.
Видя все, из высших Сил
Ангел ясноликий
У Престола возгласил:
«Пресвятой Владыко!
Вот выходит из дворца,
в путь к Тебе – Девица,
Всех Твоих созданий, Царь,
Мать и Царица!»
Царь же Сам для встречи встал
Матери Небесной,
Вышним Силам приказал
гимн воспеть чудесный.
Молвил, счастья не тая,
Сам слова привета:
«Прийди, Ближняя Моя,
Голубица света!»
Мать в ответ: «Раба Твоя,
Мой Владыко, Сыне,
Утруждаю лишь Тебя
посещеньем ныне».
Взяв же за руку, с Собой
Деву в свете лика
На Престол Святейший Свой
усадил Владыка.
Мать же молвила тогда:
«Сын Мой, для решенья
От земных Твоих солдат
прибыло прошение:
Присланная от земли,
от полков Сиона,

Ждет Молитва. Ей внемли,
Боже, благосклонно».
Царь тогда призвать велел
гостью в храм Небесный.
Хор же ангельский гремел
Трисвятою песней.
Лики рядом и вдали
ярче звезд блистали. –
Так посланницу Земли
Силы Неба ждали.
И, неся в руках своих
жертвы всеожжений
И в кадилах золотых
ладан драгоценный,
Подошла Молитва здесь
к Высшему Престолу
И Царю вручила весть,
преклонившись долу.
Царь же встать ей приказал
и, когда о битве
Все до точности узнал,
так сказал Молитве:
«Пусть обучатся теперь:
так нельзя гордиться!
Самомнения, поверь,
нужно лишь стыдиться.
И учить их Я вовек
правде не устану», –
Молвил Бог и Человек.
Тотчас Иоанну –
Тайновидцу Своему,
Он, вручив писанье,
Выразить в стихах ему
повелел посланье:
«Стадо малое Мое,
не пугайся ныне.
За смирение твое
в силе и святыне
Дам победу Я тебе
над врагов толпою.
Слава – лишь Моя в борьбе
навсегда с тобою.
Только мужественно стой
за раба Господня.
Я – с тобой в войне святой
вечно, как сегодня».
С тем посланьем в дар – щиты,
укрепенье в битве,
Добродетелям святым
повелел Молитве
Передать. Самой же ей
перстень дал чудесный,

С властью – воссиять светлей
славою Небесной.
В знак, что помощью Своей
войск Он не оставит,
Крест – победы символ – ей
дал. Его поставит
В центре сил, среди полков,
чтобы в битве ярой
Быть пределом, и врагов
отражать удары.
Так Молитву одарил
Царь Своей десницей,
Как пылает свет зари
яркою денницей.
Дольше б, может, побыла
в Небесах Молитва,
Но час пробил: подошла
уж вторая битва.
Гостью с честью отпустив
к брани той великой,
Впереди Свой Крест нести
повелел Владыка.
Дева, на колени пав,
с Господом простилась,
Руки, ноги целовав,
в путь к земле пустилась.
Вот в обратном том пути
дивный строй пред нами:
Светлый ангел впереди
Крест несет, как знамя,
Вслед за знаменем святым
ангел, так же ярок,
Царские несет щиты –
воинам подарок.
И Молитва-госпожа
вслед послов небесных
Едет, в блеске возлежа
на крылах чудесных.
Мчались быстро, но пока
путь к земле их длился,
Добродетелей войскам
страх в сердца вселился
И помыслить допустил:
вдруг в сетях лукавых
Деву враг перехватил
на мытарств «заставах»?
И когда в тоске такой
горестно вздыхали,
Голос Гостьи дорогой
с неба услышали:
«Радуйтесь!» – И со всех мест,
ввысь направив взгляды,

*Неделя средняя
Св. поста,
в которую
поклоняемся
Честному Кресту*

Гостью вмиг узнав и Крест,
стали бодры, рады.
Все светильники зажгли,
прочь изгнав печали,
Так Посланицу земли
весело встречали.
Ангел здесь Крест водрузил
меж Добра сынами
И пред строем возгласил:
«Вот – победы знамя!»

Стали вновь полки Добра
в радостной надежде,
Пред врагом отбросив страх,
сильными, как прежде.
Слыша клич, врага отряд
весь пришел в движенье,
Выбежав, узнать хотят:
«Что за возглашенье?
Кто с противной стороны
голос возвышает
И гвардейцев сатаны
сильно устрашает?»
Вдруг, увидев Крест, орда
в ужасе вскричала:
«Горе ныне нам! Беда!»
И гонцов послала
К Гордости самой – дать знать:

«Зря мы бой прервали.
Лучше вновь не начинать.
Нас противник свалит.
Ведь еще никто не бит,
а уже немеет,
В сторону, где Крест стоит,
глаз поднять не смеем.
Славным знаком те себя
крепко ограждают,
Наши силы истребят,
смело побеждают.
И пока поставлен Крест,
лучше уж не биться,
А из этих страшных мест,
поздорову скрыться».

Враг покуда унывал,
в час рассветный, ранний,
Вестник сил Добра давал
новый клич ко брани.
Поутру солдаты тьмы,
с плачем, все ж решили:
Затрубим погромче мы,
звуки чтоб внушили:

Мол, Креста не взял нас страх,
а затем направим
К ним послов и на словах
передать наставим,
Что хотя и трубный звук
слышали вы явно,
Не желая ран и мук, –
мир заключим славно!»
И вина своим полкам
дали всласть напиться,
Чтобы, во хмелю пока,
внешне «укрепиться».
И напились. Только – что ж?
Враг, твой труд напрасен,
Ибо с нами – Бог – наш Вождь,
силам зла ужасен!
И хотя полк сатаны
бешено резвился,
Дикий страх сильней вины
в их сердца вселился.
И посол, что в их войсках
избран был для мира,
Не покой принес, но страх
сластолюбцам пира.
И как солнце на закат
стало обращаться,
Добродетелей войска
начали прощаться
С Ангелами, что с небес
принесли Молитву,
С нею же – всеильный Крест –
знамя славы в битву.
Все Небесным существам
здесь поклон творили
И прощальные слова
с честью говорили:
«Возвращайтесь в Небеса,
ко стране великой,
Где поют о чудесах
ангельские лики.
Пусть надмирной высотой
стелется дорога
К трону Троицы Святой.
И молитесь Бога –
Всех Творца – Ему судить,
что свершится ныне,
Чтоб врага нам победить,
дать конец Гордыне.
Божьей Матери тогда
вы от нас, убогих,

Как придёте туда, –
поклонитесь в ноги.
И просите: в брани час,
в пламени суровом
Пусть хранит, как прежде, нас
под Своим покровом».
Миновал субботний день,
звездами блеснула
Ночь, покрыла землю тень,
и вся тварь уснула.
Лишь не спят врага войска:
в страхе нет покоя –
Так опасность велика
завтрашнего боя.

Глава 3

Лишь с востока свет блеснул –
впереди сраженье, –
Кто уснул, кто не уснул, –
все пришли в движенье.
Все зашевелилось вдруг:
шум во вражьем стане,
Звук трубы и бубна стук –
тут и мертвый встанет!
Все, кто мужественным был,
сильным кто считался, –
О судьбе, умерив пыл,
размышлять пытался:
Лютой битвы близок час,
неизбежно, скоро
Чем она покроет нас:
смертью ли, позором?..
Войско добрых в эту рань
Набожность будила
Трубным звуком: скоро брань –
всех предупредила.
Час второй пошел, пока
полк вооружили.
Вновь – сигнал, чтобы войска
строиться спешили.
Добрых рать на поле том
Бога воспевала,
Поклоняясь пред Крестом,
с честью целовала.
Добродетелей полки
строились с востока,
А от запада – враги,
трепеща до срока.

Стали все войска в рядах
в поле тем же строем

И порядком, как тогда,
перед первым боем.
Лишь в порядке добрых есть
кое-что иное:
Стал здесь Набожность-оркестр
впереди стеною.
Выставили и грехи,
показав упорство,
Впереди полков других
свой оркестр – Обжорство.
Дерзкий шум и пьяный вздор –
звук того оркестра.
Винопийца, горлодёр –
все нашли там место.
Пред лицом солдат своих
Добродетель встала
И, готовя к битве, их
речью вдохновляла:
«Укрепляйся же сегодня,
войско благодати Господней!
День настал нам венценосный,
бранным счастьем плодоносный.
Свыше Матерью Прекрасной,
для враждебных сил ужасной,
Вам навек, добра бойцы,
приготовлены венцы.
Пусть пугает вражья свора,
вся она погибнет скоро.
се стерпи, Смиренья воин,
вознесенным быть достоин!
Милосердия солдат!
Прояви его стократ!
Девственность храни, боец!
Чистоты возьмешь венец.
Пламенной любви солдаты!
Жгите ею супостата!
Воин-постник! В пламя боя
Кротость-щит возьми с собою.
Так ударьте и сметите,
нечисть в пепел обратите!
С вами в битве – сила Бога,
Крест – защита и подмога.
В Боге укрепляясь ныне,
побеждайте полк Гордыни».
Вдохновенные войска,
в радости и силе,

К Господу во всех полках
громко возгласили:
«Боже, Царь наш! Крепость сил
даруй в этой битве, –
Каждый Господа просил
в искренней молитве. –
Будь же с нами, чтоб врага
славно победили,
Чтобы Твоего раба
мы освободили!»
«Побеждайте!» – прогремел
голос – гром небесный.
Каждый крепок стал и смел,
слыша звук чудесный.
Так Господь Добра войска
радостью наполнил,
Будто Свой призыв-наказ
в тот же миг исполнил.
Грешники – наоборот:
то, хмельные, пели,
А теперь – не строй, а сброд:
так все ослабели.
Даже Гордость, что сперва
пышностью блистала,
Ныне же – едва жива,
смутной, мрачной стала.
Но хотя сама дрожит,
ужас всем внушает.

Да никто не побежит –
смертью устрашает.
Как стоять врагу назло
учит всею силой,
Да лицо уж не светло
и сердце уныло.
Видя то, ее войска
с поля побежали
И оружие в руках
уж едва держали.
Так – сравненье приведу –
сильным страх бывает,
Что порой он бодрый дух
в сердце убивает.

Глава 4

И когда чины сошлись,
чтоб возглавить битву,
Набожность с певцами ввысь
вознесла молитву:

«Владыко Господи, Царь богов,
не погубляй народа Твоего и удела Твоего,
который Ты избавил величием крепости
Твоей, который вывел Ты из Египта рукою
сильною и мышцею Твоею высокою». Ибо кто есть Бог на небе или на земле,
или кто сотворит то, что сотворил Ты
и крепость Твоя?!»

Слыша это, стан Добра
воодушевился,
С двух сторон – пальба! Но страх
в злых войсках явился –
Крест преградою стоял,
и, свирепый в брани,
Враг, как сильно ни стрелял,
никого не ранил.
Чем сильнее гордились те
и всех укоряли,
В кротости и нищете
эти их смиряли.
И чем больше гордецы
голос возвышали,
Тем обильней простецы
землю орошали
Струями смиренных слез.
Как бы враг ни дрался,
Натиска не перенес
и бежать собрался.
Многие же в стане том
больше не «пылали»,
И смиренным в плен потом
сдаться пожелали.
Вот – «Полки Любви! Огня
дайте!» – по команде
Стратилат, сев на коня,
дал здесь жару банде!
Враг же вмиг хитрее стал:
слабым притворился,
Лишь Добра отряд устал, –
на него взъярился
И хулой нещадно бил,
только опаленным
Вскоре прочь отброшен был
первым батальоном.
Чем сильнее хула в крови
яростью давилась,
Тем молитва войск Любви
жарче становилась.

Вот и здесь враг побежден.
Но, едва оправясь,
На второй он батальон
бросил в битву Зависть.
Та тотчас явила нрав:
на Любовь напала,
Что увидит, разодрав,
быстро пожирала.
Добрые же, Слову вняв,
мудро побеждали:
И, хитон последний сняв,
ловко в пасть ей дали.
От Любви – врагов толпа
ринулась к Молитве,
Стала справа наступать,
и в жестокой битве
Взяв монеты, по глазам
их кидать старалась.
Но, отброшена назад,
в землю попиралась,
Будто мерзкий червь в грязи.
Пала вражья сила.
Добродетель же разить
прекратить решила,
Только Павлова труба
грозно прогремела:
«Не окончена борьба.
Бейтесь так же смело!
Стойте, весь отбросив страх,
крови не шадите,
До тех пор, пока во прах
злых ни обратите».
Добрых воинство в тот час
вновь ряды сплотило
И, на нечисть ополчась,
славно победило.
Девственный и постный люд,
столпники, взяв башни –
На Обжорство, Гнев и Блуд
вышли к битве страшной.
Чтобы девственных прельстить
и сломить в сражении,
Блуд стал помыслы мутить,
дав изображенья
Жен порочных и парней,
чтоб на грех склонили.
Чистые же все прочней
мысль и взор хранили.
И, взывая от сердец:
«Господи, помилуй,»
Одолели, наконец,
блудную ту силу.

Снова поразить готов
светлые отряды,
Мерзкий Блуд призвал скотов:
в битву вышли гады.
Но как только твари те
к лилиям метнулись, –
В святости и красоте
мигом задохнулись.
В тот же час обжор толпа
постников разила.
Сухарем сражен, упал
брюхачей верзила,
Тут же лопнул он и сдох,
смерти той достоин.
Метко так стрелять лишь мог
постник – легкий воин.
Наконец же ярый Гнев
на отряд наш кроткий
Напирать стал, ошалев.
Бой же был короткий:
Злые все в рядах своих
бешено рычали,
Но внимания на них
здесь не обращали.
Гневные – Добра войскам
гибель возвещали,
Но в ответ – в своих полках
кроткие молчали.
Если гневная рука
кротких била снова
В щеку правую – щека
левая готова.
Кротким в ратной той страде
все невзгоды – мимо!
Как столпы, стоят в беде
непоколебимо.
Что же Гнева полк теперь?! –
Вздумали мгновенно,
Много понеся потерь,
взять огонь геенны
И всех добрых попалить,
да не получилось.
Иоанну насолить
сила зла решилась.
Милостивый, кротких вождь,
сам в земле по пояс,
Отразил весь адский дождь.
Наши, беспокоясь,

*Неделя 5-я
Св.поста,
в которую
почитаются
память
прп. Марии
Египетской*

Где их человек в плену? –
В край пустынь послали
Полк разведки. Там одну
по следам узнали
Женщину. Марией звать.
Это имя читается.

Те – за ней, она ж – бежать,
да быстрее, чем птица.
И догнать ее смогли
в этом бездорожье,
Лишь когда произнесли
громко имя Божье.
С этим именем она
пред послами стала,
Где есть грешных мук страна,
толком рассказала:
«Там я и сама была,
страшно вспомнить ныне...
Сила Божия спасла
душу. И в пустыне
Жизнь теперь я провожу
строго, безвозвратно.
Как бы, вся еще дрожу,
не попасть обратно...
Край ужасный далеко,
вы уж мне поверьте,
И добраться нелегко.
По дороге смерти,
Говорю я вам, как есть,
многие спешили,
Только где они – Бог весть,
головы сложили...»
Все узнав, послы тогда
в стан Добра вернулись,
Доложили о трудах,
там – все ужаснулись,
Но послали одного,
только зря труждались:
И ни вести, ни его
так и не дождались.
Видно, пал. За ним потом
посылали многих,
Не вернулся к ним никто:
пали все в дороге.
Напоследок же тогда
Лазаря послали,
Но опять стряслась беда:
дня четыре ждали,
Вновь – ни вести, ни его...
Значит, умер тоже...

*Суббота
Лазарева*

Но над смертью – торжество!
Свыше – Слово Божье
Громом: «Лазарь! Выходи!»
И тогда, уж верьте, –
Возвратился он с пути,
сняв покровы смерти.
К пленникам другим – дней шесть
надо добираться...
Смерть сама в сомненьях здесь:
кто сумел пробраться?
Кто, исполнен сил таких,
храбро побеждает?
Кто же узников моих
так освобождает?
И хоть слабости волна
на нее напала,
Всех предупредить она
в ад гонцов послала:
«Чтоб никто теперь не спал.
Входы караулить!»
Вскоре караул тот пал:
видно, все ж заснули...
Слово Божье все сильней
силу вражью било
Но до пленников шесть дней
мчаться надо было.
А когда Оно в полках
Добрых зазвучало,
То с ветвями пальм в руках
воинство встречало.
Слову – Богу по пути
ризы постилали,
Клич: «Благословен! Гряди!
Осанна!» – взывали.
Этот клич звучал окрест
славно, как в столице.
И все жители тех мест
стали веселиться...

Неделя Ваий

Глава 7

*Седмица
Святых Страстей*

Вскоре тяжкое пришло
время без отрады,
Только войско подошло
ко границам ада.

И едва лишь перешли
страшные границы,
То два входа здесь нашли
в две больших темницы.
Тот, что ближе – смерти пасть
в бездну открывала
Вход, и, взяв людей во власть,
аду предавала.
Дверь вторая – в самый ад,
и под этим кровом
Вечно грешники горят
в пламени суровом.
Вход же первый для людей,
словно сесть на птицу,
Был открыт к пещере: в ней
надо стричься, бриться
Пред жарой. Полки Любви
пламенем нажали
На врагов. Они – в крови,
вскоре побежали,
Укрепленья побросав
и оставив службу.

Но сплотились, штурмом взяв
крепость светлых – Дружбу.
Что же светлые? Сперва
будто унывали;
Крепость как отвоевать?
Ведь противник валит
Наши лестницы и бьет
камнем и из ружей.
Здесь нам, чтоб идти вперед,
план премудрый нужен.

*Неделя 4-я
Св. поста,
в которую
почитается
память
св. прп. Иоанна*

Но – нашелся Иоанн
Лествичник чудесный.
В подвигах ему был дан
свыше дар небесный.
Лестницу такую он
смастерил, что скоро
Лествичника В крепость влез наш батальон
быстро, без затора.
Там – огнем, мечом тогда
всех разил изрядно...
Пала вражия орда,
битая нещадно.
Добрый воин, веселись!
Грешных – нет уж вида:

На враге слова сбылись
мудрого Давида:
«Был, что кедр, вчера мой враг
в гордости и силе, –
Ныне я прошел – лишь прах
ветры разносили».
Вот пример: побед всегда
тот лишь достигает,
Кому Сам Господь в трудах
крепко помогает.
Завершился страшный бой!
Доброй рати сила,
Созывая всех, трубой
громко возгласила.
Много раненых у нас:
их лечить тут стали,
Злым же – пробил смертный час:
все в сраженье пали.
Здесь – Господне торжество!
Всюду, бесконечно
Славно имя лишь Его
ныне и навечно!

Глава 5

Позади – боев страда.
Мирна ночь настала,
И заснули все тогда:
армия устала...
Добродетели-вожди
на совет собрались:
«Дал Господь нам победить,
славно постарались,
И желанье в нас горит:
сможем ли достойно
Бога отблагодарить
и воспеть пристойно?
Человека же того,
что в плену далече,
Как освободить его? –
Снова будет сеча...
Для молитвы перед ней
день – Четверг назначить!
Песню сочинить славней –
нет главней задачи!
Для важнейшего труда
вот – поэт явился –
пастырь Критский. Благодать
петь он вдохновился.

Помолясь, усердно он
    день и ночь трудился
И великий дал Канон –
    всяк им просветился.
Все запели, в храм сойдясь.
    Почесть воздавало,
Поклонялось, ночь трудясь,
    Славно воспевало
Войско Бога! А с утра –
    вновь совет собрался:
Матерь Света и Добра
    восхвалить старался.
К Ней – Молитва от святых,
    голос вдохновенный!
К Ней – в кадилах золотых
    ладан драгоценный!

Суббота Акафиста

И воспет в субботу Ей –
    «Взбранной Воеводе» –
Был акафист ратью всей
    и при всем народе.
Славу Бога и Царя
    в песнях возгласили,
С Ним же – Мать, благодаря,
    все перевозносили.

Глава 6

Между тем, пришло, видать,
    подоспело время
Пленника освобождать,
    кто грехов нес бремя,
И причиной брани стал.
    Только как пробиться?
Враг ворота так сковал –
    можно вмиг разбиться...
Но – вот Слово – Сам Господь:
    «Удочку Мне дайте.
Как наживку, Мою плоть
    смерти насаждайте
На крючок – по форме Крест –
    крепко пригвоздите –
Смерть ведь плоть, привычно, съест...
    Вот тогда следите,
Ангелы Мои, – в земле
    вы ее держите
И, как рыбе на столе,
    кости сокрушите».
Так и стало! Дал Господь:
    тело лишь распялось,

*Святая Великая
пятница*

*Победоносный
Воскресения
день*

Смерть, во тьме глотая плоть,
Как плотва, попалась.
Ангелы, ее достав,
кости поразили.
Сам же Бог, среди ада став
в необъятной силе,
Пленника через три дня
к воле вновь направил,
Человечью плоть приняв,
Божески прославил.

Счастье, радость – на весь мир!
Блещет свет из гроба!
Прекратился адов пир,
лопнула утроба!
Ад всех узников своих
вмиг цепей лишает.
Мертвые встают, из них
каждый возглашает
Радостно: «Христос Воскрес!»,
все целуют ближних,
И несется клич окрест:
с вышних стран до нижних.
Добродетели Христа
славою венчали,
Радостно открыв уста
песню-гимн вещали:
«Здравствуй, Победитель!
Победитель ада!
Здравствуй, Упразднитель
смертоносна яда!
Здравствуй, Воскреситель
жизни человека!
Слава вся, Спаситель,
лишь Твоя от века!»
К воеводам света
Сам их Царь вещает:
И слова привета
к ним Он обращает:
«Здравствуйте вы, власть греха
славно сокрушившие,
Семиглавого врага
бранных сил лишившие!»
Добродетели – в ответ:
«Ты привел нас к Счастью!
Победив, спаслись от бед
лишь Твоею властью!»
И просили все Его,
чтоб Отцу представил
Человека одного –
пленника прославил

за страданья, раны все,
что терпел в темнице,

Пусть в блаженстве и красе
вечно веселится!
Царь благоволил решить
добрых дев прошенья,
На страдальца возложить
славы украшенья.
Привели тогда его
к царскому амвону,
Облачили в торжество,
возложив корону.
Почестями одаря,
так великолепно
Повели к дворцу Царя
чинно, благолепно.
Кротость – с правой стороны,
слева – Пост великий,
Впереди – Любви сыны,
Набожности лики.
Славу Господу – Творцу –
с честью воздавали,
Приближаясь ко дворцу,
дивно воспевали.
Вот – Эдем – пути венец.
Радостен и светел,
Вышел Пастырь – Сам Отец –
и пришельца встретил.
Обнимал и целовал... –
Есть ли миг чудесней?!
Набожный же хор взывал
здесь победной песней:
«Господи! Владыко сил!
В этой брани главной
Спас меня Ты и хранил
Сам десницей славной».
Вот Отец дает приказ:
«Все рабы, рабыни!
Из одежд, что есть у нас,
принесите ныне
Наилучшую – его
славно облачайте
Перстнем сына Моего
снова обручайте.
И телец пусть нам на пир
будет приготовлен.
Миновала брань, и мир
в сердце восстановлен.
Ибо сын Мой, что блуждал
по стране суровой,
В сени смертной пропадал,
вот – пред нами снова!

Ангелам же молвил Царь:
    «Счастье да пребудет!
Блудная нашлась овца!
    Пусть же с вами будет!»
Весь народ безмерно рад.
    Войско возглашало:
«Где твоя победа, ад?!
    Смерть, где твое жало?!
Богу славу воспоем,
    сложим гимн великий
И на брачный пир пойдем
    во дворец Владыки».
И пошли на царский пир,
    светом озаренный,
Человек, пришелец в мир,
    с дочерью Сиона.
Аминь.

К читателю стихи окончательные

Если книгу ты мою
    с пользой прочитаешь,
То о брани той, молю,
    да не рассуждаешь:
Мол, была она с иным,
    неким человеком
И рассеялась, как дым,
    за минувшим веком.
Труд мой о страстей борьбе
    создан не напрасно:
Происходит и в тебе
    эта брань всечасно.
Если на земных стезях
    этой тленной жизни
Направление ты взял
    к неземной Отчизне,
Нападает враг тогда,
    но не устрашайся,
Прилагай труды к трудам
    и вооружайся,
Добродетели к себе
    в помощь призывая,
Бейся в яростной борьбе,
    стой, не унывая!
Если Гордость нападет,
    погаси горенье,
Знай, тебя победа ждет,
    лишь призвав Смиренье.
Если Зависть, вдруг напав,
    помыслы смущает,

Милостыня – добрый нрав,
бурю укрощает.
Лишь в одежде Чистоты
будет путь удобным.
С нею – ангелам святым
станешь ты подобным.
Вот пример нам в жизни дан,
здесь благопристоен:
Тайновидец Иоанн,
чистотой достоин,
Получил в земном пути
дар необычайный –
На Спасителя груди
в час Вечери Тайной
Головою возлежал.
Помни же отныне:
Девственность есть госпожа
всякой благостыни.
Если Ненависть разит
к ближнему и к Богу,
Ей оружием пригрози,
взяв Любовь в подмогу.
Иль не знаешь, что Любовь
всеми обладает:
Воскрешает мертвых вновь,
прочь вражду сметает,
Всем сильна, всегда права,
тьму преград стирает,
Злость пред нею, как трава,
в пламени сгорает.
Коль Обжорство вдруг тебя
сильно одолело –
Пост спасительный любя,
бейся с плотью смело.
Если Гнев огонь в крови
люто разжигает,
Сразу Кротость призови:
все преодолагает.
Он хотя, как ярый лев,
душу устрашает,
Кротость, побеждая Гнев,
пламя угашает.
Если с Ленистью тобой
слабость овладела,
Набожностью с нею бой
совершай умело.
Ведь она имеет власть
укреплять в моленье,
Разбивая неги страсть,
дарит исцеленье.
Знай всегда, что мерзкий грех
душу окаляет,

Чистота же моет всех,
ярко убеляет.
Побеждай врагов – грехи,
брань сверши удачно –
Станешь другом дорогим
на трапезе брачной.
Поученье завершив,
радостью пылаю
И тебе от всей души
вечных благ желаю!

Перевод с церковно-славянского языка на русский выполнен протоиереем Игорем Кобелевым

Печатается по изданию: Святитель Иоасаф (Горленко), епископ Белгородский и Обоянский. Брань честных семи добродетелей с семью грехами смиренными... – Белгород: Белгородская и Старооскольская епархия, 2005.

Г.С. Сковорода

«Брань архистратига Михаила с Сатаною о сем: легко ли быть благим»

Написана в 1783-м лете
Возлюбленный друг Михаил!

Прими от меня и сию книжечку в дар тебе, именем твоего же тезоименита печатленную. Если имя Михайлово принял, прими и сердце его, воспевая из книги царственной и песнь оную: «Сердце мое твоим, твое же есть моим». В то время, о Михаил, сущий ты друг хранителю твоему Михаилу, единосердечно восклицая: «Кто как бог?»

Я сию книжечку начал в Бурлуках, кончил в Бабаях. Не орю же, не сею, не куплю делаю, не воинствую, отвергаю же всякую житейскую печаль. Что же делаю? Се что: «Всегда благословляя господа, пою воскресение его!»

Се моя дежа и надежда! Что же есть воскресение? Воскресение есть вся земля Израилева. Прямо сказать, весь библейный мирик, новая и древняя Ева. В сей землице впал Иаков с покоем. Как же не с покоем? Сам камень был ему вместо подушки. Самая жесткость была ему мягкостию там, где по нем Самсон нашел соты. Ей говорю! Обрел и я. Там и сам я покоюсь, наслаждаюсь, веселюсь. Пою с Мароном: «Deus nobis haec otia fecit» – «Бог нам сие празднество даровал».

Паче же пою с моим Давидом: «Я уснул, и спал, и восстал». И с моим Исаиею: «Покой нам дал бог на горе сей». Не знаю, что то разумеет Плутарх через свою Надежду (нарицаемую у него) Пиндарскую. Он ее творит долицею старцам. Сие же знаю во истину, как старцы оные Соломоновы: «Венец хвалы, старость...» и проч. – кормятся, сосущие сосцы двоих матерей и безневестных невест – праматери Евы и матери Мариам, как есть писано: «Сосали мед из камня» и «там дам тебе сосцы мои». Скажешь, по что же не все в сей земельке наслаждаются, но алчут, ропщут и клонут ее?

О т в е т. Того ради, как сия земличка имеет *две части* – дольную и горьную, здешнюю и тамошнюю, проклятую и благословенную, бесовскую и господню, как два сосца и два источника. «Изошел Иаков от источника клятвенного». Внял ли ты? Если бы равные места, не искал бы второго и не шел бы отсюда. Не все и Исаия: «Не только, – говорит, – в земле сей, но на горе ее». Там! Скажи, кто же благую часть избирает?

О т в е т. Сего же ради сия книжечка извлекает на поднебесное зрелище два сердца: ангельское и сатанинское, борющиеся между собою. Сии два царства в каждом человеке ведут вечную борьбу. Когда же чистое сердце одолело злобную бездну, тогда врата ада сокрушаются. Освобождаются пленники. Открывается путь на оную воскресшую из бездн гору: «Кто взойдет на гору господню!» Какая же сласть и утеха на горе той? Возвести нам, о Исаия! «Покой даст бог на горе сей». О довольно! Еще что-то? «Изопьют-де вино. Изопьют радость на горе сей». О, предовольно! «Помажутся-де миром на горе сей». О, предовольно, довольно! Се где наш Иаков покоился! «И спал там». Спал в Харране, во граде любви спал. «Там дам тебе сосцы мои».

Видишь ли, возлюбленный Михаил, се где покоится друг твой! Старец Варсава Даниил Мейнгард.

Июня 19, 1788 года.

ГЛАВИЗНА ТВОРЕНИЯ

- "Убьет дракона, сущего в море" (Исайя)
- "Как спадет денница!"
- "Нечестивый, кляня сатану, сам клянет свою душу". (Сирах)
- "Пока день озарит и денница воссияет в сердцах ваших". (Петр)

БОРЬБА И ПРЯ О ТОМ: ПРЕТРУДНО ЛИ БЫТЬ ЗЛЫМ, ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ БЛАГИМ

Возлетев нетопырскими крыльями Сатана из преисподних в горнее, остановился на пределах атмосферы¹. Узрев же ночным оком лучезарный оный дом: "Премудрость создала себе дом и утвердила пирамид² семь", адским рывком, аки громом, возревел так: "К чему сей дом сотворен?"

На сей трус бурен сребровидными со златым междорамием крыльями, как орел на лов, ниспускаясь, Михаил возопил: "О враг Божий! Почто ты здесь? И что тебе здесь? Древле отрыгнул ты предо мною хулу на Моисеево тело"³. Ныне тот же яд избеваешь на дом божий. Кто как бог? И что доброе и столь прекрасное, как дом его? Да запретит тебе господь мой, ему же предстою днесь!..

С а т а н а. Не подобает небесных воинств архистратигу⁴ быть сварливому, но тихому, кроткому и...

М и х а и л. О змей! Умягчил ты слова твои паче елея, и они суть стрелы. Не твое есть разуметь, что благовременный гнев есть то любовь Божья, а что безвременная милость есть то твое сердце.

С а т а н а. Се странную песню воспел ты!

М и х а и л. Странное же новое и преславное воспевают небесные силы во граде божьем. Сия есть истина.

С а т а н а⁵. Силы же преисподние что ли поют?

М и х а и л. Силы твою поют подлое, мирское, мерзкое. Сказать же Петровым в "Деяниях" словом (commune, koionon, соенум) – просто сказать грязь рыночную и обвившую иезекилевский оный оприснок мотылу⁶.

С а т а н а. Ха-ха-хе! Странное поют силы небесные...

---

¹ Атмосфера – слово эллинское, значит земного шара воздушную околичность, простертую дотолу, доколе восходят пары или атомы, яснее сказать – доколе облака восходят, место Перунов и молний.

² Слово эллинское, значит горние комнаты и обители, воздвигнутые по образу головы сахарной или пламени, вообще горнее жилище; по-эллиниски – пиргос, по-римски – *turtis*, по-турецки – колончак, по-польски – вежа, по-здешнему – башня, терем; как при кирхе колокольня, так она при домах. По-славянски – столп: «В столпе облачном говорил к ним», «Будет же мир в силе твоей и обилие в столпостенах твоих».

³ Сия хула воспоминается в «Послании» святого аполтола Иуды.

⁴ *Архистратиг* – по-славянски – *первовоевода*, сиречь над вождями вождь.

⁵ *Сатан* – слово еврейское, по-славянски – *супостат*.

⁶ Возри на историю о Корнилии-сотнике в «Деяниях». Там Петр говорит: «Господи, никогда пусть скверное не войдет в уста мои». В эллинском же лежит *хауоу*, по-римски – *commune*, по-славянски – общее; ибо все то скверное есть, что общее мира, спречь многим. Отсюда и римляне именуют болото *соенум*. Сей глас есть эллинский: *хауоу*, то есть общее. Мирские думы есть то болото, где гергесинские вепри потопляются, в них же бог мира сего, сиречь сатана, ослепил разум, как толкует Златоуст сии Павловы слова: «Бог мира сего...» *Мотыла* есть старославянское слово, по-римски – *excrementum*.

М и х а и л. О ругатель! К чему сей песий смех твой? Не таится же предо мной лукавство твое. Наричая странной, тайно клеветешь небесную славу и догматы ее, воздавая ей мнимое тобой неблаголепие и непреподобие, просто сказать, вздор.

С а т а н а. Ныне же, не обынуясь, провещал ты причину, чего ради преисподнее жительство в тысячу крат многолюдней паче вашего небесного?

М и х а и л. И лжешь, и темноречишь. Открой, если можешь, откровеннее сердца твоего бездну.

С а т а н а. О, Апокалипта¹ странность в догматах, неравность в пути, трудность в деле, сей есть троеродный источник пустыни вашей небесной.

М и х а и л. Не можно ли хоть мало откровенней?

С а т а н а. Претрудно быть жителем небесным, внял ли ты? Се причина, опустошившая небеса ваши.

М и х а и л. Откуда сей камень и кто его положил в основание?

С а т а н а. Се я глаголю! Претрудно быть, и было так.

М и х а и л. Ты ли творец догмата сего?

С а т а н а. Сей догмат есть несокрушимый адамант.

М и х а и л. "Внемли, небо, и слушай, земля!.." Услышите и преисподнее! Какая есть большая на Господа вседержителя хула и клевета паче сей? Се удица, всех уловляющая! Се ключ, все врата ада открывающий. Се соблазн, всем путь на небеса оскорбляющий! О украшенная гробница царская, полная мертвых костей и праха, мир блудословный! Прельщаешь старых, молодых и детей. Вяжешь в прелести, как птенцов в сети.

Весь мир дышит его духом. Он есть сердце миру. Сердце нечистое, сердце плотское. Се богомерзкая троица: сатана, плоть, мир. Кто даст мне меч Божий, да проколю сего мадианита², любодействующего с блудницей и любодейницею мира сего, и обличу срамоту ее?

И, подняв Михаил молниевидное копьё, поразил адамантовым острием Сатану в самое сердце его и поверг его в облако вечернее. Он же, падая стремглав, восклицал: "Ура! Ура! Победил! Победил!" Из середины же облака возревел: "О, о Апокалипта! Призови небо и землю в свидетели, я же тебе не покорюся, даже к сему я тверд в сем моем догмате".

М и х а и л. О нетопырь! Горе тебе, творящему свет тьмой, тьму же светом, нарицающему сладкое горьким, легкое же бременем.

С а т а н а. Не писано ли: "Нужное есть царствие божье?.."

М и х а и л. Онемей, пес лживый!

С а т а н а. И не прилагающие усилия достигают ли оно?..

М и х а и л. Лай, лай ныне, пес, издавек на солнце... Господи боже мой! Правда твоя, как полдень. Кто как ты? Ты сам дракону сему челюсти его, всех пожирающие, заградил не на один только день твой, который есть, как тысяча лет. Аминь.

На сей шум и рев, как еродиевы птенцы³ слетают с гнезда к матери своей, поправшей змея, – он же под ногами ее вьется, развивается, – так низлетели к Михаилу

---

¹ Апокалипта есть эллинское имя, значит по-славянски *откровитель*. Сим словом тайно ругает Михаила как откровителя тайн божиих. Сатана же любит помрачать, дабы никто не видел безвестной и тайной премудрости божией.

² Сие слово отгрыгает священная история о Финеесе, который израильянина, любодействующего с мадианиткой, пронзил обоим насквозь.

³ Слово эллинское, значит желание, значит Юпитер или Дий; отсюда имя Еродий, по-славянский – боголюбный. Иначе сия птица нарицается *пеларгос*, по-римски – *ciconia*, по-польски – *bosian*, у нас – гайстер. Она гнездится на кирках, на башнях, на высочайших местах, верхах и шпильях; друг людям, враг змиям и жабам; родителей кормит и носит в старости; отсюда у эллинов слово *антипеларгейн*, сиречь возблагодарять, обозначает благочистивую душу, любящую бога и ближнего, обозначает и богослова, высоко возгнездившегося оного: «Знаю человека...».

Гавриил, Рафаил, Уриил и Варахиил. Михаил же, как боголюбивый Еродий, терзает и попирает домашнего врага, воздавая благодать *дому* владыки, позволившему на семи башнях, надзирающих премудрый дом его, возгнестись птицам по писанию: "Сколь возлюблены селения твои!.." "Птица обрела себе храмину". "Там птицы возгнестятся". "Еродиево жилище предводительствует ими". "Блаженны живущие в доме твоём..."

БЕСЕДА АНГЕЛЬСКАЯ О КЛЕВЕТЕ ДЬЯВОЛЬСКОЙ И О КОЗНЯХ, ОТВОДЯЩИХ ОТ ИСТИННОГО УТЕШЕНИЯ

Небесные архивоины воссели на радуге, Михаил же так повел слово: "Не наше брать против плоти и крови, но,..". Сердца человека есть неограниченная бездна. Оно есть то, что воздух, плавающие планеты носящий. Сил бездна если темна, и не сбылось на ней: "просвещать тьму мою". "Бог, велевший из тьмы свету воссиять, который и воссиял в сердцах наших..."

Тогда она бывает адом, сиречь темницею, и исполняется, как ночных птиц, мрачных мечтаний и привидений. Ночной орел¹, царь и отец всем прочим, есть сатана. Сии пустые мечты суть то злые духи, а злые духи суть то злые мысли; злые же мысли суть мысли плотские, владеющие миром. И сие-то написано: "К миродержателям тьма века сего, сиречь брань наша против злых духов, державу имеющих над непросвещенным миром и над всей смесью беззаконников". Что же далее? Началом садовых плодов суть семена. Семена же злых дел суть злые мысли. Сие же то и написано; "К началам и к властям... к духам злобы поднебесным". Поднебесные духи злобы суть мечты плотского, скотского и звериного сердца, которому очи колет острый сей правды божий меч: "Сатана, не мыслишь, что суть божие, но что человеческое".

Любезная моя братия! Видите, сколь по всей Вселенной рассеял сатана семена свои! От его рода семян суть и сии блудословные сиренские и блудогласные песенки:

Жесток и горек труд
Быть жителем небес;
Весел и гладок путь -
Жить, как живет мир весь.

И опять:

Святыня жаждет без утех,
А злость везде свой зрит успех.
Какая польза быть святым?
Жизнь удачнее всем злым.

Сих услажденных своих вод глубины изблевая, ангельское око ваше остро провидит, сколь хитро погасил во всех сердцах божественный оный огонь "Кто даст мне крылья?.. И полечу и почию". "Крепка, как смерть, *любовь*. Крылья ее – крылья огня..." "Кто нас разлучит от любви Божьей?" "Согрелось сердце мое, и в поучении моем разгорится огонь".

Василисковым же ядом наполнен мир, глух, как аспид, и холоден, как лед, сотворился к матери нашей, к премудрости божьей, согревающей нас в недрах своих и утешающей. "Сын! Если поспишь, сладостно поспишь, если пойдешь, безбоязнен будешь, и радость будет на всех путях твоих". Сего ради не дивно, как все уклонились

---

¹ Ночной орел, просто сказать, пугачь. Вражда непримиримая у него с дневным орлом. Можно обоих ловить на борьбе, столь упорно борются.

вместе. "Не сладок бог" и "Нет бога" есть то же¹. Растлели и омерзли в самых началах и семенах своих, в самом корне сердца своего.

Кто может поднять на пути золото или бисер, мнящий быть нечто бесполезное? Каков тетерев не дерзнет вскочить в сеть, почитая рогом изобилия? Какой ягненок не устрасится матери, творящий ее волком, и не прильнет к волку, творящий его матерью? Не вините мира. Не виновен сей мертвец. Отнят сему пленнику кураж, выколото око, прегражден путь; связала вечными узами туга сердце его.

Какая туга? Когда что любят и желают мысли, тогда и плотское сердце внутри нас распространяется, раздувается, радуется², во время же огнетушения стесняется, жметя, тужит, как недужный, отвращается от пищи и уста сжимает. Сатана, погасив огонь божества в мирском сердце, связал тугу тугой, дабы оно вечно гнушалось царствия божьего и вовек не разрешилось к обретению его; дабы не воспело победной оной песни: "Сеть сокрушилася..." "Путь заповедей твоих тек, когда расширил ты сердце мое..." "Желает и кончается душа моя...;" "Сердце и плоть мои возрадовались..."

И когда пишется: "да возвеселится сердце мое...", сие значит; "да закуражится". "Отвергнутая утешится душа моя..." – значит, не приемлет куража и желания. Отнять кураж, а навести ужас есть то – стеснить, затворить и связать душу, дабы она не веселилась, но тужила в благом деле. Сия есть престрашная обида, плен и убийство – растлить человека в самых мыслях и в сердце его, как в семенах и в корне его, как написано: "Растлели и омерзли в начинаниях своих", в главностях, подобны колесничему или корабельному бесноватому управителю. Не виновен же мертвец, виновен человекоубийца. Мир есть орех, червем растлен, слепец без очей и вождя, медведь, влекомый за ноздри свои, раб сатане, пленник дьяволу, львиная ограда. Какая ограда? Послушаем притчи.

ЛЬВИНАЯ ОГРАДА

Лев дремлющую дубраву с дьявьями ее ограждает, дав ей одни врата, где и сам вблизи обитает втайне. Ограждает же не стеной и рвом, но своим следом. Как только голоден, так взревел. Звери, встрепетав, ищут спасения и, притек к спасительным путям, отскакивают вспять от львиного следа, дышащего в чувства их нестерпимым ужасом и преграждающего *путь*. Убоявшись же там, где не было страха, ищут безопасного пути потоль, поколь приблизятся к вратам, где нет подлинного следа и нечувствителен правдивый ужас. Здесь уловляются. Вот врата ада! Здесь всему миру исход и кончина. Сатана "ловит, как лев в ограде своей и как львиный щенок, обитающий в тайных", всех тех, о ком написано: "Убоялись страха, где не было страха".

В сем страшном месте умолчал Михаил. Горные же начальники, сидя на благокудрой дуге облаков, отдалися в размышления, взирая на круг земной и унывая, как разоряемый Содом или Вавилон пред собой видя. В само сие задумчивое время вместо уныния кураж, вместо же страха радость последующим словом нечаянно так возблаговестил Гавриил.

---

¹ Весь мир так мнит, как заповеди божьи суть тяжки, и горьки, и бесполезны. Это то же, что сказать: "Не сладок и дурен Бог". А думать, как не сладок и дурен Бог, есть то же, что "говорит безумен в сердце своем: нет бога".

² Слово сие (*радость*) родилось отсюда, что раздувается тогда, когда что случится по желанию, стесняется же в противном случае сердце. Отсюда родилось слово *туга*. Отсюда Павел: «Распространилось мое сердце к вам, о коринфяне!.. не тесно вмещаетесь». Сей-то есть истинный смех: *non dentes nudare, non ore ringi, sed corde ridere*, как смеется наш Исаак оный: «Возрадовался духом Иисус...».

ПУТЬ СПАСИТЕЛЬНЫЙ

Он прежде запел песнь, а за ним все ангелы сию:

Сойдет архангел в Назарет ко деве,
Приносит радость праматери Еве.
Радуйся, Ева! Радуйся, дева!
Обрадованна.
Господь с тобой! Радость с тобой
Всем будет дана...

Потом открыл цветущие уста в сей нетленный запах, благовествуя день ото дня спасение бога нашего: посланник я есть не к единой деве Марии, но ко всей Вселенной всех тех: "Господи, в чреве нашем зачал", всех зачав в утробе своей, и вместивших в сердце своем дух заповедей господних, посещаю, ублажаю и целую сим целованием: "Радуйся, благодатная! Господь с тобой! Благословенна ты в женах!"

Сии суть правдивые матери божии: ни от крови, ни от похоти плотской, ни от похоти мужской, но от бога рождающие детей своих. Рожденное от плоти плоть есть, рожденное от духа есть дух, освятивший сердца и утробы наши. Господи! Сей дух есть закон твой, посреди чрева нашего – *путь, истина и жизнь*. Мир многолюбующим его, и нет им соблазна. Мир на Израиль и на всех, которые правилом сим сожительствоуют; мир на них и милость! Внимай небо и скажи... Жизнь безопасна; есть то путь сладкий – путь господень. Любезные мои братья! Отвратите от содомлян ангельские очи ваши и зрите на грядущего пред вами странника сего на земле. Он шествует с жезлом веселыми ногами и спокойно воспевает: "Пришелец я на земле, не скрой от меня заповедей твоих".

Воспевая, обращает очи то налево, то направо, то на весь горизонт¹ почивает то на холме, то при источнике, то на траве зеленой; вкушает пищу беспритворную, но сам он ей, как искусный певец простой песне, придает вкус. Он спит сладостно и теми же божьими видениями во сне и вне сна наслаждается. Встает утром свеж и исполнен надежды, воспевая исаевскую песнь: "Взалчут юнейшие, и утрудятся юноши, и избранные не крепкие будут; терпящие же господа обновят крепость, окрылеют, как орлы, потекут и не утрудятся, пойдут и не взалчут".

День его – век ему и есть как тысяча лет, и за тысячу лет нечестивых не продаст его. Он по миру больше всех нищий, но по богу всех богаче. И что лучше, как "веселье сердца – жизнь человеку"? Жезл его есть господь страстей и вожелений его, и радости его никто же возьмет от него. Достал он сей мир не как мир доставать обычно. Он возлюбил путь и славу божью. Сей есть истинный мир и жизнь вечная, а весть его – благовещение. "Да слышит земля слова уст моих!"

Сей странник бродит ногами по земле, сердце же его с нами общается на небесах и наслаждается. "Праведных души в руке Божьей". У безумных почитаются погибшими и заблудшими: "Они же суть в *мире*". Хотя телесные наличности, досаждая, беспокоят, но сей урон с излишком награждает упование их, бессмертия исполнено, и воцарившийся господь в них вовеки. "Не слышите ли, что сей пешеход поет?" "Как не слышать? – воскликнули архангелы. – Он руками машет и поет песнь сию: "На пути откровений твоих наслаждался, как во всяком богатстве"".

---

¹ Горизонт – слово эллинское, значит небесное вместе и земное место, сколько может обозреть взор наш. Есть же предел взору для всех до единого населяющего Вселенную человека: сиречь место, ограничивающее зрение очей, одним одно, другим другое видно.

Он один нам есть милейшее зрелище, паче всех содомлян. Мы же его познали. Сей есть друг, наш Даниил Варсава.

И все рассмеялись. Потом же Гавриил простер смарагдинные крылья и, прилетев, сел по боку Рафаилову, обоняя в руках своих сладковонный куст и крын полевой. Рафаил, смотря на Варсаву и посмеявшись, как Сарра, помянул духовного своего сына, любезного путника Товию, сына Товитына. Он долгую повесть соткал: каким образом поручил ему старик своего сына, какие напасти и припадки встречались на пути, сколь счастливо юноша вошел в предвестник и переспал с невестой божию? "Когда он боялся воды или рыбы, – повествовал Рафаил, – тогда я его научал: "Сын мой Товия! Сын мой, не бойся! Вода не потопит тебя. Но воды блевотин змеиных, но потопные речи советов мирских, но волнения плотских устремлений – сие есть всемирный оный древний потоп, всех пожирающий! Ей, глаголю тебе: сего убойся! И рыба, сын, не проглотит тебя. Но чрево, но сирище¹ и чресла твои се есть ад и кит, поглощающий всех, им же бог – чрево и слава в стыде их. Ей говорю тебе: сего убойся. И утроба рыбная, и дым внутренностей ее не спасет тебя. Но дым дыма и дух духа, ей, говорю тебе, он спасет тебя", "Слышь, Израиль! Господь бог твой посреди тебя, во внутренностях твоих, в сердце твоём и в душе твоей". Тот есть дым дыма и дух духа; дым от утроб твоих, от содомского зажжения вожделений восходящий до небес; и дух, не разделяющийся от тебя, но превосходящий дебелисть плоти и тонкость души твоей, тот спасет тебя. Сей есть смирна, и стака, и касия от утроб твоих. Сей да изойдет, да явится тебе, да зачнешь в утробе и вместишь в сердце, да в благовонии мира его течешь, да не удавит души твоей смрад бесовский и мирских вожделений зловоние.

Сжечь утробы по Моисееву повелению и умертвить члены, составленные из праха, есть то же. Сие все бывает верой, помышлять себе, – мертвым же быть по плоти, живым по богу. Сжечь и убить душу твою, разумей: отнять от нее власть и силу. Тогда останется в тебе один фимиам божий, спасительное благоухание, миро мира и помазавший тебя дух Господень и сбудется: "Направить ноги наши на путь *мира*".

ПУТЬ МИРА, НАРЕЧЕН ПУСТ²

– Сим благовещением разожжен, – продолжал Рафаил, – пошел мой Товия направо, в путь мира, которым ныне шествует Варсава. Сей есть путь царский, путь верховный, путь горный. Сим путем Енох, Илия, Аввакум и Филипп, восхищен, не обрели себя в мире. Сим путем взошел на гору Авраам вознести в жертву Исаака и принять от бога печать веры. Сим путем взошел на гору Фасга Моисей и упокоился. Сим путем шествует весь Израиль в обетованную землю. Сим путем вошел в Сион Давид, насытился священных хлебов, раздав и сущим с ним по сковородному блину. Сим путем восходит в горное Мариам, целует Елисавету и ублажается. Сим путем шел Христос в пустыню, победил сатану. Сим путем всходят на гору Галилейскую апостолы и видят свет воскресения. Сей есть путь субботный, разумей – мирный. Сим путем шествовали

---

¹ Сирище есть слово старославянское, значит телесную внутренность, какая всю сырость пищи варит, сиречь желудок. Сей есть всех зол виной во всю жизнь. Отсюда брани, хищения, убийства и все беды. Он царь есть всем мирским сердцам. Сей есть оный архимагистр, то есть архиповар, поминаемый в «Книгах Царств», возмутивший весь Иерусалим царь поварам и царям. Весьма красиво моя мать Малороссия называет его богом, то же, что Павел: «Для них же бог – чрево...» Древне в Египте перей, погребая мертвеца, повелевал вырезать сирище и, подняв перед народом, воскликнуть проповеднику сие: «Сей в жизни всех зол виною!».

² Возри на 26-ой стих 8-ой главы в «Деяниях»: «Ангел же господень» и прочее. «Сей есть пуст».

Лука и Клеопа. Сошелся с ними третий блаженный собеседник, преломивший им хлеб небесный и открывший им очи видеть невидимое его благоухание.

Напоследок сим путем ехал в колеснице евнух царицы Кандакии и познакомился с Филиппом. Филипп открыл ему в человеке человека, в естестве – естество, благоухание Христово и новым благовещением, как чудным фимиамом, накадил ему сердце, омыл его нетленною сверх от стихийной воды водой и отпустил его в дом свой. Он же, отошел в путь свой, радуясь. Сей путь есть радостен, но пуст, пуст, но радостен, и вне его нет спасения. Пуст же, ибо людям избранным только открыт. Мир мнит его быть пустым, сиречь суетным. Сия есть клевета. Мнит же опять его быть горним, сиречь горьким. И сие клевета. Гора значит *превосходство*, не труд и горесть. Горе говорящим: сладкое – горькое и вопреки. "Путь Господень есть суд, рассудить злое – избрать благое". Любезный путь! "Не зайдет солнце тебе и луна не оскудеет тебе. Есть господь тебе свет твой, и исчезли дни рыдания твоего". Сие возгласив, Рафаил умолк. Уриил же воззвал: "Распространите вдаль взор ваш и увидите несколько путников, предваривших Варсаву". Но Рафаил начал понуждать: "Любезные мои братья! Взгляните хоть мало на путь левый и на козлища, на несчастных путников его..." "Ах! Отвращаешь нас, друг, – вскричали архангелы, – от прекрасного зрелища к страшному". Обращаясь же, воспели песнь таковую:

О мир, мир, мир украшенный!
Весь притворный, весь гроб повапленный¹!
Прельщаешь старых, молодых и детей.
В прелести вяжешь, как и птенцов в сети.
Свет кажется украшенный,
Но он, как гроб повапленный,
Внутри же его выну, зрю мерзость едину.

ПУТЬ ЛЕВЫЙ, НАРЕЧЕН ВЕНТЕР

– Сей путь, – сказал Рафаил, – нарицается вентер. Есть же вентер сеть рыболовная, сотворена по образу чрева: широка на входе, тесна на исходе. Сей путь, уклоняясь от востока, скрывает конец свой не в светлой южной стране, но во мраке полуночном.

– Вот путь, – говорит Товиин вождь, – вот и несчастный его путник грядет перед вами! Судите его! Небесные силы, взирая на путника с унынием и милосердствуя о нем, возгласили: "О бедный страдалец! Сей есть сребролюбец. Боже мой! Весь обременен мешками, сумами, кошельми, едва движется, будто навьюченный верблюд. Каждая ступень ему мукою, "Горе вам, богатые, ибо отстоите от утешения вашего".

– Но он сего, – извиняет Рафаил, – не чувствует, но еще сильнее блажит себя и почитает путь свой благословенным вовеки. Он благодушествует, шествует и поет.

– Возможно ли? – вскричали духи.

– Пожалуйте, – просил Рафаил, – внемлите песне его.

---

¹ Гробницы древних царей были высокие горницы, извне архитектурно украшенные. Но что там внутри? Прах, смрад, гной, кости, пустыня. Прекраснонаш раввин Христос сими гробами именуется лицемеров, ищущих образ благочестия, силы же его отречшихся. Равное сему есть и мирское счастье – удка, сеть и ядовитый мед; извне блеск, а внутри тьма, тление...

БОГАЧ, ПУТЕШЕСТВУЯ, ПОЕТ ПЕСНЬ

Пусть я в свете скверен – только бы был богат¹.
Днесь не в моду совесть, но злато идет в лад.
Как нежил, не спросят, только бы жирный был грош.
Сколь богат, столь всем брат и честен и пригож².
Что у нас бесчестно в мире ? Кошель пустой.
Нищим ли жить ? Лучше пушусь в смертный гной.
И смерть сладка, поколь рубль за рублем плывет³.
О святое злато! Над тебя в свете нет.
Не столь милый отец, не столь родившая мать,
Не столь любезные и чада веселят.
И если такая у Венеры краса,
Не дивно, что в нее влюбилась тварь вся.

Ангельские силы ужаснулись, видя, что сатана столь хитро умел растлить бесноватую сию душу, обожающую мертвое и уповающую на кумира. "О сатана! – воззвали они, соболезнуя. – Родная божья обезьяна". Он им вместо слов: "Горе вам, богатые...", "блаженны нищие..." положил на сердце в основание сей свой смрад: "Блаженны богатые, ибо их есть царство всяких утех". Такова душа есть аспид, отнюдь не слышащий призывающей милости: "Придите ко мне, все трудящиеся и обремененные, и я успокою вас..."

– Боже мой! – возгласил Уриил. – Сей беспокойный путь толпами людей, как торгами, весь засорен. Слышь, Рафаил! Какая есть сия ближайшая толпа?

– Трус колесниц, – отвечал он, – шум бичей, конский топот и свист обличает, что сия громада есть полк честолюбцев; сию же предварившая толпа есть торжество сластолюбцев. Сие обличается пищанием и ржанием музыкальных органов, восклицанием торжествующих и козлогласованием, поваренными запахами, гарью и курением. Прочее в дальних оных сволочах и стечениях: там тяжбы, брани, татьба, грабительство, лести, купли, продажи, лихоимства...

Братья! Приглядитесь к правой стороне – вот они! Несколько путников, откравшись от левого пути, пробираются через неровные места к пути мирному. "Как Бог, искусил я и обрел их, достойных себе..."

– Ба, ба, ба! Какое странное вижу зрелище! – возопил, как молния, нечаянно Варахиил. Пятерка человек бредут в преобширных епанчах, на пять локтей по пути влекущихся. На головах капюшоны. В руках не жезлы, но колья. На шее каждому по колоколу с веревкою. Сумами, иконами, книгами обвешаны. Едва едва движутся, как быки, парохиаальный колокол везущие. Вот разве прямо трудящиеся и обремененные! Горе им, горе!..

– Сии суть лицемеры, – сказал Рафаил, – мартышки истинной святости: они долго молятся в костелах, непрестанно псалтырь барабанят, строят кирпичи и снабжают, бродят поклонниками по Иерусалимам, по лицу святы, по сердцу всех беззаконнее. Сребролюбивы, честолюбивы, сластолюбивы, ласкатели, сводники, немилосердны, непримиримы, радующиеся злом соседским, полагающие в прибылях благочестие, це-

---

¹ Сии стихи из древнего трагедииографа Эврипида. Вот один:

О злато! Удачность наилучшая смертным.

² Ubique tanti quisque quantum nabuit fuit.

³ Можно и так:

И смерть сладка, поколь злато плывет раз в раз.

О святое злато, моли бога о нас!

люющие всяк день заповеди господние и за алтын оные продающие. Домашние звери¹ и внутренние змеи лютейшие тигров, крокодилов и василисков. Сии нетопыри между правым и левым путем суть ни мужского, ни женского рода. Обоим враги, хромые на обе ноги, ни теплые, ни холодные, ни зверь, ни птица. Левый путь их чуждается, как образ имущих благочестие; правый же отвергает, как силы его отвергшихся. В сумах их песок иорданский с деньгами. Обвешанные же книги их суть тупики, псалтыри и проч. Вся их молитва в том, чтобы роптать на Бога и просить тленностей. Вот останавливаются, молясь, и петь начинают. Послушаем безбожные их песни божи.

ЛИЦЕМЕРЫ, МОЛЯСЬ, ПОЮТ

Боже, восстань, что спишь?
Почто о нас не радишь?
Се путь беззаконных цветет!
На путях тех их бедностей нет.
Мы ж тебе святилища ставим,

Всякий день молебны правим!
И забыл ты всех нас.

Два раза постимся в неделю,
В пост не уживаем хмелю.
Странствуем по святым градам,
Молимся и дома и там.
Хоть псалтыри не внимаем,
Но наизусть его знаем.
И забыл ты всех нас.

Услышь, боже, вопль и рык!
Дай нам богатства всех язык!
Тогда-то тебя прославим,
Златые свечи поставим,
И все храмы позлащенны
Восшумят твоих шум пеней -
Только дай нам век злат!

– О смердящие гробы со своей молитвой! – возопил Варахиил. – Сии блудо-
лепные лавры под видом Божиим сатану обожают. Злоба, в одежду преподобия оде-
та, есть то сатана, преобразившийся в ангела святого. Нет сего злее во всем аду:
опустошение царствам, церкви поколебание, избранных Божиих прельщение... От-
вратим глаза наши от богомерзких сих ропотников, просителей, льстецов и лицемер-
ров. Не слышите ли, что шум, треск, рев, вопль, вой, свист, дым, жупел и смрад со-
домский восходят от сего пути?

Ангелы обратили светлые лица свои от севера к ясному югу и воспели песнь
сию:

---

¹ Некий мудрец спрошен: "Как можно прожить жизнь благоденно?" Отвечал: "Так, если спасаешься от диких и домашних тигров, сиречь оных: "Иуда – раб и льстец".

АНГЕЛЬСКАЯ ПЕСНЬ В СИЛУ СЕГО:

"Бездна бездну призывает"

Нельзя бездну океана горстью перстей забросать,
Нельзя огненного стана скудной каплей прохлаждать.
Возможет ли в темной яскине гулять орел
Так, как на небесный край вылетов он отсель?
Так не будет сыт плотским дух.

Бездна дух есть в человеке, вод всех ширший и небес.
Не насытишь тем вовеки, чем пленяет мир сей весь.
Отсюда-то скука внутри скрежет, тоска, печаль.
Отсюда несытость, чтоб из капли жар горший встал.
Знай: не будет сыт плотским дух.

О род плотский! Невежды! Доколе ты тяжкосерд?
Возведи сердечные вежды! Взглянь выпры на небесну твердь.
Чему ты не ищешь знать, что то зовется бог?
Чему не толчешь, чтоб увидеть его ты смог?
Бездна бездну удолит вдруг.

КЛЕВЕТА

По-эллински – диаволи, по-римски – traductio.

Воспев же, спросили: что есть клевета¹? Скажи нам молния божия, Варахиил!.. Он же отвечал так: "Клевета есть творить сладкое горьким, и вопреки; она есть то же, что татьба; татьба крадет вещи, а клевета мысли. Мысль есть руководительница человеку и путь. Дьявол, украв у человека добрую мысль, перекидывает будто сеть и препону через добрый путь, а сим самим сводит и переводит его на путь злой. Вот почему по-эллински диаволис, сиречь переметчик, дано имя клеветнику, по-славянски же клеветать значит то же, что колотить, мешать горькое со сладким, и вопреки. Сие бывает тогда, когда на место сладкого появляется горькое, и вопреки. Сей есть один источник всех адских мук²".

КОЗНЬ

"Ты же, о свет Божий, Уриил! Изъясни нам, что значит то *кознь*?" Отвечал Уриил: "Кознь есть образ клеветы, по которому она растет и сеется. Она есть то же, что машина. Машина хитрствует в вещах, а дьявольская кознь – в мыслях. Птицелов и рыболов ловят сетями, а они – кознями. Кознь есть ловкая машина, например, засада, силлок, капкан, западня, сеть, вентер, верша, по-эллински – строфа, сиречь увертка, вертушка и проч. У архитекторов и ныне некая машина именуется по-латински сарег, сиречь козел. Ныне ясно видно, что хитрость в татьбе, а кознь в клевете есть то же. О сколь прелестная удица! Ею, точно взбесившись, человеческая воля ужасается препо-

---

¹ Девятая божественная заповедь гремит: "Не лжесвидетельствуй". Сие же есть то же, что "не клевети". Ужасная клевета – творить заповеди господни трудными и горькими. Сие на сердце начертал дьявол всем презирающим закон божий. О, раздерите сердца ваши, сия ослепленные.

² Клеветный мрак есть отец лживости, ложь же и лесь есть мать грехов. Грехи же суть муки и страсти сердечные: "Ибо чем кто согрешает, тем и мучается".

добия, стремится за нелепостями, как олень, ранен в ятра, не видя, как в погибель свою течет. Сии-то души услаждаются песенками сими:

Древний век был для святцов.
Ныне век не есть таков.
Плюнь, брат, на Сион.
Пой на светский трон.
Скоро ль святость жить дождется?
Наша ж здесь жизнь наживется.

И опять:

В молодые лета не зажечь света?
Что ж за корысть свет молодому?

И опять:

В старом веке нет покою,
Только болезнь со бедою.
Тогда счастье хоть бы и было,
Но в старости, не так мило...

Какое же то мне счастье, если оно мне изменяет во время старости, если не верный и вечный друг оный? "Друг верен – кров крепок..." "Не оставь меня во время старости..." "Все преходит, любовь же нет!" "Бог любви есть..." "Слышь, Израиль! Господь бог твой посреди тебя".

Се видно злая удочка, бесноватыми душами пожираемая. А как волк овец на пажити и при водопое похищает, тайный же ласкатель в самом чертоге и при трапезе, как червь орехи, внутри их обретаясь, растлевает, так дьявол на самых злочных местах, в Эдеме священной Библии, хитро уловляет, примешав, как змий, в матернее для детей молоко яд свой, так он вкус и дух свой в благоуханные плоды божиего рая. "Нужное есть царствие Божье, и прилагающие усилия достигают его".

Сего оракула сатана растил. Он в нем осквернил Христово благоухание. Он в нем, украв дух Христов, вложил в него свой душеубийственный вкус. Он перековал нужное на трудное¹. Поют германцы притчу сию: "Бог строит кирху, а черт там же часовню". Поет Христос: "Нужное есть царствие Божие". Дьявол подпевает: "Трудное есть царствие Божие".

О пакостная обезьяна! Тем же мостом грядет, а в разный город; тем же звоном поет, да чего-то как нет. Ангельский тон – адская думка, голос Ияковлев – сердце Исавлее; лобызает, как друг, – продает, как Иуда. И смех и плач нам есть божия сия мартышка... "Внимай, небо, и заговорю!" Се клевета на господу вседержителя! Нужность с трудностью так не вмещается, как свет со тьмою. Нужное солнце – трудно же ли? Нужен огонь, а труден ли? Нужен воздух, но труден ли? Нужна земля и вода, и кто без нее? Видите нужность? Где же при боку ее трудность? Ах, исчезла! Нет ей места в чертогах непорочной и блаженной нужности! Дом ее есть дом мира, дом любви и сладости. Покажите же мне, где водворяется трудность? В аде ли? Верую, господи, там-то обитают труд и болезнь, печаль и вздыхание. Но там ли нужность? Ах, не бывала она там. Ее присутствием ад в мгновение преобразается в рай. В аду все делается то, что не нужно, что лишнее, что не надобное, неприличное, противное, вредное, пакостное, гнусное, дурное, непригожее, скверное, мучительное, нечестивое, богомерзкое, прокля-

---

¹ Нужда и нужное не в том состоят, чтобы трудно оно иметь, но то есть нужное, без чего никак жить невозможно или с мучением живет без него. А чем же что нужнее, тем достать легче. Например, воздух есть необходимо нужен, без обубания же зимой можно жить с мучением.

тое, мирское, плотское, тленное, ветренное, дорогое, редкое, модное, заботное, разорительное, погибельное, адское... и прочий неусыпающий червь. Сия бесноватая и буйная дева – трудность – именуется по-эллински *Ата*, сиречь пагуба, по-еврейски же *Ада*, *Ламехова жена*, сиречь блудокрасующая и заботная, противная жене, именуемой *Селла* и *Мирна*. Сколь же разнится чистая дева наша – святая нужность¹. Она не *Ата*, но *Лита* и *Литургисса*; не *Ада*, но *Селла*; не *Фурия*, но *Анна*, но *Хария*, но *Грация*, разумеи: возлюбленная, милостивая, даровитая. С небесных кругов и от горных пределов возлюбленной сей царицы исчезла всякая горесть с трудом, а печаль с вздыханием. Оттуда сатана со всеми своими тьмами низвержен в ад. Какая сила низвергла? Та, что там жизнь не зависит от заботных сует и суетных забот. Там живет одно только нужное оное: "Едино нужно". Оно есть и сродное, и легкое, и благолепное, и преподобное, и веселое, и полезное, без серебра и без горестей стяжаемое, как написано: "Туне примете, туне дадите". Внуши земля! Услышь, род человеческий! Напиши на ногте адамантовом, на вечных сердца своего скрижалях господню славу сию: "Благословен творящий нужное нетрудным, трудное ненужным".

Как только Уриил отрыгнул господствующую сию славу вышнего, поднялся от преисподних хулительный шум, рык, вой, свист, стон... каков бывает от дубравных зверей, от ночных птиц, от болотных жаб во время землетрясения. Замялся, свиваясь и развиваясь в бесчисленные свертки, адский змий, пронзен изощренною сильным стрелой и жаром палящих углей осыпан, по оному: "Он устами произносит премудрость, жезлом бьет мужа бессердечного". На крыльях Урииловых виден был вид многоцветного сапфира, превосходящий голубой свод благовидного неба. Сей божественный ум, пустивший из уст своих меч обоюдоострый, поразил сатану в самое чрево его и убил блудодеяние. Варахиил же выстрелил праволучную стрелу молнии, пронзил дракона в самое око его и убил похоть очей по писанию: "Око, ругающееся отцу и досаждающее матери своей, да выколят оное вороны из дебрей". Прежде же всех умертвил копьем Михаил любодейственное сердце его. От того часа царство его и козни разорены.

АДСКОЕ ЦАРСТВО

На чем основано?

Простер же Рафаил яшмовидные крылья свои с Гавриилом и, перелетев, сел при боку Варахиилову. Потом, рассмеявшись, веселовидно изрек: "Возрадовался дух мой, как Уриил, как Финеес, во чрево, ты же, как Сисаре, в самое око его пробил ему голову его". Вид же Варахииловых крыльев, как вид углей, разожженных от одного угля: "Стрелы сильного изощрены с углями поедающими". "Разожжено слово твое очень, и раб твой возлюбил его..." "Слово плотью было и вселилось в нас".

Тогда сей пламенеющий орел, служитель в молнии высшему, божественный Варак распростер крылья свои и, помахав оными, возгласил: "Сия есть победа, победившая мир, плоть и дьявола – любовь наша. Крепка, как смерть, *любовь*. Жестока, как ад, ревность божия. Крылья ее – крылья огненные. Углие огненное воспламеняет ее. О углие! О возлюбленный наш анфракс оный!"²

---

¹ Не утерплю приписать тут пресладких Эпикуровых слов сих: "Благодарение богу, что нужное сотворил легкодостижимым, труднодостижимое же – ненужным".

² Анфракс есть слово эллинское, означает уголь горящий, обозначает же драгоценный камень, его же вид есть, как уголь горящий. Все драгоценные камни, как сапфир, фарсис и прочие, суть красотой своей и твердостью образы Божьей премудрости.

"Золото земли оной доброе, и там анфракс". Сей дражайший анфракс нас, серафимов, воспламеняет, творя ангелов своих духами и слуг своих пламенем огненным!", Глас его оный... "Глас брата моего..." Сей один утешает и укрепляет нас. "Возвеселись, бесплодная!" Сей есть глас его. "Смирренная и колебаемая! Не имела ты утешения. Се я уготовлю тебе анфракс – камень твой – и на основание твое сапфир. И положу забрала твои, яшму и врата твои, камни кристалла и ограждение твое, камни избранные – и правдою вознаградишься... Всякое орудие, сделанное на тебя, и всякий голос, который на тебя встанет на бой, не благопоспешу. Одолеешь их всех. Все сыны твои научены богом, и во многих мирах дети твои. Сие есть наследие служащим господу, и вы будете мне праведны", – говорит господь. Ныне желание наше исполнилось. Ныне услышана тричастная она молитва Сирахова:

Господи, отче и боже живота моего!
Да не пожрет мя бездна мирская!
Возведя очи на прелесть его,
Да не поглотит мя пропасть чрева,
Угождающего, как богу. И да не свяжет мя
Стыдодейство, ищущее сладости в мертвом благе.
На сей тричастности стоит все адское царство.

Ныне мудрость одолела злобу, и все воспели так:

О сын, рожден от девы,
Во бесстрастия глубине!
Тричастную злобу души
Потопи, молюсь.
Да как же во тимпане,
В умерщвленном телесе
Воспою победну песнь,

– О язык трегубый, – возглашая возгласил Варах, разоривший города и превративший дома вельмож. – Блажен обладающий тобою. Се есть царство божие! Нет его легче, как нет нужнее, и нет нужнее, как нет врожденнее его. И что есть бог, если не внутри нас пламенеющая, как искродышащий уголь, блаженная она красота: "Без меня не можете творить ничего". Что же есть? Она носит горы, и воды, и весь труд наш. Она тонкополотное небо и огонь десницею своею жмет и держит. Кто же вечноблаженную и пренепорочную сию *матерь* нашу дерзает наречь трудною? Если сатана сатану изгонит? Так не трудностью труд уврачуется. Господи! Се труд воздают тебе! Ты же – веселье и радость, мир и успокоение. Правда твоя, как солнце. И се сатана помрачает! Мир же свидетельствует о лжи. Господи! Если же не может сия ложь мимо идти от тебя, будет воля твоя¹.

ПЛАЧУЩАЯ БЕСПЛОДНАЯ

В оно время слышан был жалобный голос на небесах. Вдова, бродящая по земле, облаченная в темные ризы, должна родить сына, ищет места, но не обретает, гони-

---

¹ При боге, как при зерне и истине, неразлучно держится, как шелуха, ложь; но шелуху – свиньи, хлеб же едят дети.

ма змием, пожерти плод чрева ее хотящим и в след ее изблевывающим потоп блевотин.
Сего ради скитається, рыдающая и вопиющая песню сию¹:

Кто даст мне крылья ныне? Кто даст посребренны?
Кто даст мне плечи ныне? Кто даст восперенны?
Да лечу сквозе присно о бозе,
От земного края даже до рая
И почию.
Се ехидн лютый бежит! Се мя достигает!
Се челюсть адску на мя люто разверзает!
Поглотить хочет, ядом клокочет,
Василиск дивый, аспид пытливый.
Ах, увы мне!
Вод горьких хляби стыдно изблевет черный.
Се мрак! Се облак покрыл мя ныне вечерний!
Увы мне ныне! Увы, едине!
Гонит всем адом меня со чадом.
Нет мне мира.
Увы мне! Горе! Увы! Что творити?
Кого на помощь дерзаю, бедна, молити ?

Печатается по изданию: Сковорода Г.С. Сочинения в 2-х томах. – М., 1973.

---

¹ Сия песнь взята из трагедокомедии, нареченной «Гонимая церковь». Жена апокалипсная там, гонимая змием, поет песнь сию или хор. Есть сие милое творение Варлаама Лашевского, учившего в Киеве и богословию с еврейским и эллинским языками и бывшего предводителем в последнем исправлении Библии. Почил архимандритом Донским. Вечная память!

ВТОРАЯ ГЛАВА

АВТОБИОГРАФИЗМ ЗАПИСОК СЯТИТЕЛЯ ИОАСЯФА,
«АКТЕРЯ ИЗ КРЕПОСТНЫХ» М.С. ЩЕПКИНА
И «ПРОФЕССОРА ИЗ КРЕПОСТНЫХ» Я.В. НИКИТЕНКО

Наши знаменитые земляки М.С. Щепкин и А.В. Никитенко прославили свои имена на поприще искусства и науки. Их биографии стали нам известны из многих источников, в том числе из наиболее достоверного – личных воспоминаний, мемуаров.

Автобиографический жанр хорошо известен русской литературе со времен Древней Руси; достаточно вспомнить «Поучения Владимира Мономаха» или «Хождение за три моря Афанасия Никитина».

Академически образованный Иоасаф Горленко был знаком не только с древнерусской традицией, но и с античными и западноевропейскими образцами жанра – «Исповедью» (397-401 гг.) Аврелия Августина, описавшего события своей личной жизни и давшего им религиозно-философское осмысление как поиск в душе человека божественного; «Историей моих бедствий» французского философа XII века Пьера Абеляра; первой европейской художественной автобиографией «Новая жизнь» (1293 г.) Данте Алигьери. В XVIII веке, веке жизни Иоасафа, французский философ Жан-Жак Руссо создал «Исповедь» (1782 г.), в которой на примере собственной жизни рассказал очень правдиво о своем понимании человека, его смысле жизни, путях достижения истины и совершенства. Уже в 1811-1814 гг. И.В. Гете написал автобиографическую книгу «Поэзия и правда из моей жизни». Русская мемуаристика блестяще представлена именами А.И. Герцена, его «Былым и думами» (1852-1868 гг.), а также «Семейной хроникой» и «Детскими годами Багрова внука» (1859 г.) С.Т. Аксакова.

В XVIII веке автобиографический жанр активно осваивался русской литературой, что было связано в целом с изменениями мировоззрения, тенденциями демократизации искусства, утверждением ценности человеческой личности.

Святитель Иоасаф опирался на богатейший опыт древнерусской книжности. «Собственноручные записки о жизни своей епископа Иоасафа (Горленко), путешествие в свете сем грешника Иоасафа, игумена Мгарского» – это записки по годам тех событий, которые связаны, прежде всего, с его религиозной деятельностью. Форма погодных записей напоминает древнерусские летописи, такой же краткостью, сосредоточенностью на главном, а ведь главным для Иоасафа был путь духовного совершенствования, неслучайно, жизнь им осмысливается как «путешествие в свете сем», а себя он по устоявшейся традиции именуется «грешником».

Сразу же после первой записки о рождении (1705), пропуская рассказ о детстве, Иоасаф говорит о своем отроческом стремлении к монашеству и настойчивом желании стать монахом, которое осуществилось уже в 1725 году. Все последующие события жизни Иоасафа отражают его священническую деятельность.

Очевидно, что фактор, организующий повествование в автобиографии – не пространство, а время – выстраивание рассказа «по летам». Время при этом обладает рядом характеристик, важнейшие из которых – «способность изменяться» и «интенсивность». Ритм времени ускоряется, интенсифицируется к финалу записок. События фиксируются уже не по го-

дам, а по месяцам и дням, первоначальная размеренность сменяется динамичным финалом. Кроме того, время насыщается драматичностью, так как с 1737 года Иоасафа преследуют изнурительно тяжело протекающие болезни. Автор весьма подробно описывает причины, условия заболеваний и их течение. Болезни сопровождаются непременно сновидениями с явлениями святых, Божьей матери и пророчествами.

Факт несоответствия эпически масштабного замысла, отраженного в заголовке, и лаконичного содержания дает нам основание расценивать записки, возможно, как незавершенный конспект будущего произведения.

Конспективно изложенный материал автобиографии, естественно, осмысливается автором традиционно. Традиционализм мышления проявляется и в отборе жизненных событий (ранний выбор поприща, служба священником, болезни, сновидения, пророчества), в самом принципе их выстраивания в сюжете, и во взгляде на жизнь как на «путешествие» «грешника».

Форма, в которой преподносится автобиография, ассоциируется прежде всего с житием. Житие не только устойчивая, но и универсальная форма, способная выразить как традиционное содержание, так и проявлять гибкость во взаимодействии с новым материалом и другими жанрами.

Литература первой половины XVIII века активно пользуется потенциалом жанра жития, примером может служить первый в России историко-биографический очерк «Житие Квинта Горация Флакка», созданный в 1742 году Антиохом Кантемиром.

Автобиография Иоасафа (Горленко) сближается с житийным канонem и в структурном, и идейном, и символично-богословском, и стилистическом уровнях произведения.

На структурном уровне следование агиографическому канону выражается в наличии строгой композиционной схемы жития; на стилистическом уровне – в использовании определенных поэтических средств, важнейшим из которых является агиографическая топики (*loci communes*); на идейном и символично-богословском уровне ориентация на канон находит отражение в принципе уподобления (*imitation*) и следовании сакральным образцам.

Во внутржанровой агиографической типологии автобиография Иоасафа наиболее оказывается близкой житиям святителей, основное содержание которых сводится к повествованию о подвиге святых иерархов – церковному и общественному служению. Это совсем не свидетельствует о создании Иоасафом собственного жития (по аналогии с произведением Аввакума), но указывает на традиционализм художественного мышления. Не случайно, собственноручные записки о своей жизни Иоасафа стали впоследствии основой для составления многочисленных его биографий и житий, так, например, в начале XX века протоиреем Александром Маляревским ко дню канонизации было написано житие святителя Иоасафа, епископа Белгородского и Обоянского, ибо создание жития нового святого является непременным условием его канонизации.

«Записки актера Щепкина» являются важнейшим источником, раскрывающим жизненные и творческие позиции знаменитого театрального деятеля. М.С. Щепкин (1788-1863 гг.) родился в селе Красном (ныне Яковлевский район Белгородской области) в семье крепостного, управляющего именьями графа Волькенштейна. В Красном прошло раннее детство Щепкина, в Белгороде с 1795 по 1799 гг. он обучался истории и основам латинского языка. В 1801 г. окончил Суджинское уездное малонародное училище, а в Курске дополнил образование в четырехклассном губернском училище. Там же в Суджах, а затем и в родном селе при домашнем театре графа Щепкин исполнил несколько небольших ролей. Театральная карьера началась с ноября 1805 г., когда он был задействован в спектаклях театра братьев Барсовых в Курске.

Почти семнадцать лет оставаясь крепостным, Щепкин выступал на провинциальных сценах Курска, Харькова, Полтавы и других городах юга России. В 1821 г. с помощью будущего декабриста С.Г. Волконского Щепкин получил «вольную», освобождающую его от крепостной зависимости. В 1822 г. он был приглашен Московской конторой императорских театров на казенную сцену и вскоре вошел в состав труппы Малого театра, с которым связана вся его дальнейшая жизнь. 58 лет отдал Щепкин сцене. Вошел в историю театра как основоположник реализма в русском сценическом искусстве.

«Записки актера Щепкина» – это отрывочная незавершенная автобиографическая книга, в которой запечатлелись живые черты личности. Название и первые строки произведения написаны рукой Пушкина, подсказавшего также его программу и план. Именно Пушкин побудил Щепкина взяться за запись воспоминаний. Название обращало внимание на профессию и судьбу автора-актера, а зачин обуславливал хронологическое изложение рассказов.

Обычно Щепкин рассказывал о том, чему было свидетелем, либо о том, в чем сам участвовал. Вымысел уступал место наблюдениям и пережитому. Обычно свои рассказы Щепкин превращал в короткие завершённые пьесы и как бы играл за всех персонажей. Как правило, сюжеты завершались неожиданными развязками. Материалом становилось все, что выпадало на долю Щепкина и совершалось вокруг него. Одни рассказы напоминали фольклорные сказы, другие – публицистические выступления.

Многие из рассказов Щепкина можно расположить в историко-хронологической последовательности. В них представлены все слои русского общества: помещики и крестьяне, солдаты и офицеры, купечество и чиновники, что подтверждало знание автором России «от дворца до лакейской».

В их современном виде «Записки» были составлены из фрагментов уже после смерти Щепкина. Структура и вид фрагментов как глав с порядковыми номерами были приданы «Запискам» сыном актера Н.М. Щепкиным в 1864 году во время выпуска в свет первого издания «Записок». Не-

смотря на хронологические скачки и возвращения назад, что вредило композиционной стройности произведения, тем не менее, каждый из фрагментов является самостоятельным и представляет собою зафиксированную на бумаге импровизацию, воспроизводящую то, о чем Щепкин рассказывал устно и что было внутренне спаяно личностью автора.

Современники Щепкина высоко оценили литературный труд великого актера. Так, например, Ф.М. Достоевский видел ценность «Записок» в том, что их автор «не переставал быть народом» – и в творчестве, и в жизни, и в книге воспоминаний.

* * *

Другой наш земляк А.В. Никитенко (1804-1877) о себе рассказал в «Моей повести о самом себе и о том, чему свидетель в жизни был».

А.В. Никитенко, профессор Петербургского университета, академик, известен как человек, тесно связанный с развитием русской литературы и культуры.

Родился в селе Удеревка Бирюченского уезда Воронежской губернии (теперь села Ближнее Чесночное и Мухо-Удеревка Алексеевского района Белгородской области).

Детство Никитенко прошло в Алексеевке и довольно подробно описано им.

Начальное образование получил под руководством отца, писаря волостного правления, а в 1816 г. окончил с отличием Воронежское уездное училище. Затем семья Никитенко переехала в Острогожск, где близкое участие в его судьбе принял К.Ф. Рылеев.

Вскоре Никитенко смог выехать в Петербург, где по рекомендации Рылеева жил на квартире декабриста Е.П. Оболенского в качестве учителя его младшего брата.

В 1824 году с помощью К.Ф. Рылеева и его друзей получил «вольную» и поступил на философско-юридический факультет Петербургского университета. В 1828 г. после окончания обучения читал курс политической экономии в университете и преподавал русскую словесность в Екатерининском и Смольном институтах. В 1837 г. защитил диссертацию «О творящей силе в поэзии, или О поэтическом гении» на ученую степень доктора философии. С 1853 г. – член-корреспондент Академии наук, с 1855 г. – академик.

Никитенко много лет работал в ведомствах и учреждениях по надзору за печатью, он был цензором произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Л.М. Толстого. В 1847-1848 гг. по приглашению Н.А. Некрасова и И. Панаева был официальным редактором журнала «Современник».

А.В. Никитенко обратился к дневнику в четырнадцатилетнем возрасте и вел записи в своей «тайной тетради» до самого последнего дня жизни. Его юношеские дневники 1818-1824 гг. легли в основу «Запи-

сок», а систематический «Дневник», начатый 1 января 1826 г. и завершающийся последней записью от 20 июня 1877 г., стал автобиографическим и историческим документом, творческой мастерской, не просто подневными записями о текущих событиях, а образом жизни человека, способом самовыражения.

«Записки» могут быть рассмотрены как произведение литературного характера, так как наряду с биографическим материалом в них содержится яркие зарисовки быта, нравов современников. Автор рассказывает о наиболее значительных моментах своей жизни, с особым волнением говорит о той роли, какую сыграли в его судьбе выдающиеся современники – писатели, политические деятели.

В автобиографическом жанре, несомненно, проявился незаурядный литературный талант А.В. Никитенко.

Приложение к второй главе

Иоасаф (Горленко)

**«Собственноручные записки о жизни своей
епископа Иоасафа (Горленко), путешествие
в свете сем грешника Иоасафа, игумена Мгарского»**

Однажды отецъ Іоакима (Іоасафа) сидѣлъ на крыльцѣ своего дома, грустя о разлукѣ съ сыномъ. Вдругъ необыкновенный свѣтъ озарилъ небосклонъ, и онъ увидѣлъ Матерь Божию и молящагося на колѣняхъ предъ Нею своего сына. Ангелъ Божій осѣнялъ его Архіерейск. мантией.

Родился, по сказке родителей своих, в год 1705, месяца сентября, дня 8, наречён в святом крещении Иоакимом.

В год 1716 возлюбил монашество; намерение быть монахом возымел 1721 года и то в себе хранил даже до года 1723; и в том же годе объявился родителям моим, с тем прося благословения ко исполнению намереваемого; в год 1725, а от рождения моего 20-м, месяца октомврия дня 27, принял рясофор от всечестнаго отца иеросхимонаха Феодора в Киево-Межигорском монастыре в пещере, в храме святых богоносных отец Онуфрия и Петра Афонского, и наречён в иночестве Иларион.

В годе 1727 мантию принял от преподобнейшаго отца Илариона Левицкого, ректора и игумена Киево-Братскаго, в том монастыре Братском, ноямврия дня 21, и преименован, наречён Иоасаф.

В годе 1728 рукоположен в диакона преосвященным Варлаамом Ва-натовичем, архиепископом Киевским, генваря 6 дня в Великой церкви святых Богоявлений Братской.

В годе 1729, в месяце августе последних числ, определён в училища киевские во учителя и в том потрудился послушании, пробыв через три года.

В годе 1732, в неделю седмую по Пасхе святых отец, в той час случившуюся мая 21 дня, в преподавании школы синтаксиса, деликовал диалог приветствительный вшествием на престол Киевской епархии преосвященному Рафаилу Заборовскому, архиепископу Киевскому.

В годе 1734, сентября 13-го дня, определён во экзаминатора архиепископии Киевския от преосвященнейшаго Рафаила Заборовского, архиепископа Киевского; и в том же годе от его преосвященства рукоположен во священники в монастыре киевском Михайловском, в Великой церкви, ноямврия 8-го. Переведён же с Братства в кафедру святых Софии для житья того ж года, ноямврия 23-го.

В годе 1735, генваря 10, определён членом в *Духовную* консисторию.

В годе 1737, июня 24, посвящен в игумена, аще и по крайнему моему нежеланию, Божию же смотрению преданный и воле архипастырской не отрицающий, в монастырь Свято-Преображенский Мгарский, под Лубнами находящийся.

Выехал из Киева того ж июня 28; в монастырь же свой въехал июля 7-го.

Августа 16-го крепко заболел, с какою болезнию боролся даже до месяца генваря 1738 года, и уже близ исхода обретался; Божию же нака- , зующею милостию паки здравием помилован, однако не первым, но всегда в слабости и от тех времён час от часу к исхождению шествуя сию : многопечальную жития моего стезю, до воли Бога, подкрепляющаго мя.

В годе 1740-м, от сентября 27 паки заболел и болезновал в отчаянии живота до февраля средних числ; Бог же милостив ещё дал жить в хвале Своей святой. В той болезни октября с 26 против 27 сон видел такой: виделся святитель Христов Афанасий, иже в Мгаре, ходящий близ своей раки (гроба) в своём архиерейском одеянии, которого я проводил под руку; потом возвратился к раке и опять ложился, и когда я, грешный, его положил и спрятал, то начал сии слова к нему говорить: «Святейший патриарх! я желаю вашему святейшеству день праздественный уставить и давал о том доношение преосвященному Рафаилу (правда бо была)», – на то святейший ответствовал: «А что ж?». Я ответствовал: «Сказал преосвященный, что не можно, понеже надобно писать о том в Синод и показать чуда его»; то святитель сказал: «О, да бывают же здесь из Москвы!» и умолчал. А потом паки начал я говорить: «Святейший патриарх, накажи мене в житии моем!», – то он сказал: «А я ж раз наказал», – а потом скоро по изречении тех слов, аки бы прилежно согласуя моему прошению, сказал: «Другой раз наказать? добре, добре», – и потом, положив на грешной моей голове святые свои руки, сии сказал слова: «Да благословит тя Господь от Сиона, живый во Иерусалиме». И так окончено видение.

В 1741 году, в месяце марте (дня за леностию и небрежением не означил), около недели Крестопоклонной, вплелось, мало УСНУВШИ мне, в день быть в сослужении пани-

хиды некоторой с преосвященным Рафаилом в церкви святой Софии Киевской, и тамо по обычаю кадил я церковь предходящему некому мне диакону, котораго я и знаю и не знаю, а по большей части не знаю, и когда вошли в святой олтарь, то он, ходя предо мною, потерял свечу, с которою ходил, то я его бранил, сказуя: «Какой ты дурак! свечу с рук потерял», – а потом свеча там же обрелась близ ;жертвенника в олтари и, кадя, я сказал: «Свеча здесь, а ты ищешь свечи!» – в каждении том горняго места пришёл я к правой стороне, явился святой Афанасий, иже в Мгаре, в раке лежащий; и когда я покадил святыя его мощи с великим ужасом, то он простёр свою руку и взял мене за руку крепко, то я начал говорить: «Снятый патриарх, моли Бога о мне грешном, да не отвержет мене Господь». Тогда он взял свою браду и поднёс ю на лице, а потом низложил на перси и, акибы поглаждая, говорил прирекаючи: «Отвержет, отвержет», – а потом сказал сии слова: «Якоже любит мя Отец, тако любит тя Сын», – и тако воспрянул от видения.

В том же годе, августа 24 дня, в Нежине кони разносили и ногу разбили так больно, что от показаннаго числа по ноябрю 8-го с постели не вставал.

В 1742 году, септемврия 10 дня, выехал в Москву для испрошения милостини на погорелый монастырь и упалую церковь каменную. В той дороге септемврия ... дня, под городом Тулою, на ночлеге видел сон такой: показалось, в церкви святыя Софии кафедральной Киевской служил панихиду с преосвященным Рафаилом, архиепископом Киевским (ещё тогда не был митрополитом), не ведаю за кого; по правой же руке стоял Иаков, духовник кафедральный (уже тогда умерший), а по левой – я, и когда пришло возглас говорить: *Яко Ты еси Воскресение*, то архиерей, оборотясь до духовнаго отца Иакова, начал говорить: «Говорите вы возглас, вы старший брат сея обители», а потом, до мене обернувшись, сказал: «Будешь архимандритом»; и с теми же словами начал налагать на выю мою крест, от красных камней зделанный, причём я, [с] несказанного радостию и умилением руки целовал архиерейския, а духовник тем временем возглас говорил, – и так окончилось видение.

В 1744 году, августа 16 дня, возвратился с Москвы с милостинею и того ж месяца дня 27 выехал в Киев до преосвященнаго, и в бытие мое тогда в Киеве, по имянному Ея Величества Елисавет Петровны, Императрицы Всероссийской, указу, данному словесно в лагере при Днепри преосвященному митрополиту Рафаилу, посвящен в архимандрита сеп-темврия 14 в монастырь Мгарский, и приехал с Киева 26 дня того ж сеп-темврия, и от братии с великою радостию принят.

В том же 1744 годе, ноября дня 4-го, рано получил указ из Святей-шаго Синода ехать в Москву для некоей благословной вины. После того простился с братиею с плачем и жалостию слёзною с обеих сторон, выехал с монастыря того ж ноября дня 29 первее в Киев, для благодарения преосвященному за монастырь; и когда благодарил, с великою жалостию отпущен и во знамение архиерейскаго благословения обдарован чёт.ками изрядными бруштинными [янтарными]; а потом с Киева отъехал в Москву декабря дня 12го.

В 1745 годе, генваря 29 дня, получил резолюцию принять правление в Свято-Троицкой Лавре, а самому ехать в С.-Петербург.

1-го числа февраля приехал в Лавру и принял правление.

5-го выехал в Москву; 7-го с Москвы взял путь в Петербург.

19-го приехал в Санкт-Петербург.

24-го представлен Ея Величеству.

8-го марта выехал из Санкт-Петербурга.

23-го в Лавру приехал и начал жить с Богом на послушании наместническом.

В 1746 годе, апреля 4 дня, упал на ноги и даже до последних дней мая не вставал с ложа.

На этом собственноручные записки обрываются.

Печатается по изданию: Белгородский чудотворец. – М., 1997.

«Записки актера Щепкина» (отрывки)

Я родился в Курской губернии Обоянского уезда в селе Красном, что на речке Пенке, в 1788 году ноября 6 числа. Отец мой Семён Григорьевич был крепостной человек графа Волькенштейна, но дед мой был сын священника Иоанна, который священствовал в Калужской губернии Мосальского уезда, в селе Спасе, что на речке Перекше, и потом скончался иеромонахом в Москве, в Андроньеве монастыре, где и прах его поживает; правнук же его и теперь ещё священствует в селе Спасе. Это не должно казаться странным, ибо в том веке делалось это часто, так что дед мой не слишком удивился, когда, заснув свободным, проснулся крепостным, а только немного погрустил – и то, разумеется, безотчётно; наконец совершенно привык к новому своему званию. Мать моя Марья Тимофеевна была также из крепостных, пришедшая в приданое за графиней: так уж издавна велось и теперь продолжается, что камердинер молодого господина женится всегда на сенной девушке молодой барыни. Оба они были любимы своими господами и оба вполне заслуживали такую любовь; ибо они принадлежали к числу тех слуг, каких в наше время уже не встречаешь. Граф и графиня были примерной доброты, хотя оба, как люди, имели свои недостатки; но эти недостатки так были мелочны, что для людей им подвластных, при тогдашних обстоятельствах и образе мыслей, не могли быть чувствительны. Отец мой пользовался неограниченною доверенностью графа, а мать – графини.

В первых годах супружества своего родители мои были не слишком счастливы – не семейным несогласием; нет! – в этом отношении они были совершенно счастливы, хотя, может быть, и не чувствовали друг к другу любви пылкой и страстной: они жили просто, не рассуждая, жили дружно, мирно и потому счастливо. Но двое первых детей, сын и дочь, родившиеся в первые два года супружества, умерли один за другим и, не дав им, как говорят, налюбоваться на себя: вот одно, что заставляло их иногда грустить и задумываться, причём и господа по любви своей к ним, а более по природной доброте, с душевным участием делили их горе. Наконец, мать моя сделалась беременна мною; следуя советы старых людей, которые придерживались предрассудков, родители мои положили: ежели Бог даст благополучно родить – взять встречных кума и куму, несмотря не то, что первых детей крестил который-нибудь из господ. А потому, когда

благополучно явился я на белый свет, крёстный мой был пьяный лакей, а [крёстная] мать – повариха...

Родители мои, кажется, были совершенно счастливы; однако же, несмотря на встречных кумовьёв, повивальная бабка (которая, разумеется, была простая крестьянка) чуть было не испортила всего дела. Она, отправляя свою должность, что-то и как-то плохо перевязала, и я едва не изошёл кровью. Но, видно, уже так должно было быть, чтобы предрассудок имел еще событие, которое давало бы ему право на большую веру: кто-то вовремя рассмотрел беду, и новый суровый ниткой, ссученной вдвое, так сказать, привязал меня к жизни, и – благодарю бога – по сие время я не имел причин жаловаться на её непрочность.

Разумеется я ничего не помню о первых днях моего детства; но по рассказам известно, что я был самый тихий и самый покойный ребёнок, чему доказательством может служить следующий случай. Однажды (когда мне было не более восьми недель) мать моя, которая, оправившись от родов, должна была неотлучно находиться при графине, прибежала в свою комнату, чтобы меня выкупать, и только начала мыть – пришёл посол от графини, чтобы как можно скорее шла к её сиятельству. Будучи всегда точной исполнительницею воли господ, она, не размышляя о последствиях, оставила меня в теплой воде и, прося золовку окончить начатое ею, сама тотчас отправилась к графине. Золовка или не вслушалась в просьбу матери или, может быть, захлопотавшись по хозяйству, забыла; только три часа спустя мать моя, возвратясь домой, нашла меня в том же самом положении, как оставила меня, покойно спящего в довольно уже холодной воде. Натурально она сначала испугалась, а потом обрадовалась, видя минувшую опасность, и невольно вспомнила встречное кумовство. Тогда уже не оставалось никакого сомнения в действительности этой приметы.

По пришествии полугода, мать моя, по милости господ, отправляясь для слуг, уже брала и меня с собою, и я имел полное право валяться на господских диванах и пользоваться всеми правами ребёнка. А если иногда случалось мне быть не очень вежливым, то граф по обыкновению ворчал; а графиня от души смеялась. Такая милость, само собою разумеется, рождала зависть во многих матерях, дети которых не пользовались такою честью.

Таким образом, я рос, быв утешением и родителей и господ, и дорос до четвёртого года. В течении этого времени отец мой переменял звание камердинера на звание управителя, что было новым знаком господской милости. Ему вверено было в управление всё имение господ, которое состояло из тысячи двухсот душ и было разбросано на семидесяти верстах в окружности, что заставляло его часто отлучаться от семейства; ибо графиня не могла обойтись без услуг моей матери.

Однажды, по делам управления, отец мой должен был ехать в имение, отстоящее от места жительства его верстах в шестидесяти, и как поездка эта делалась на довольно долгое время, то, по словам отца, чтобы ему одному не было там скучно, он решил взять и меня с собою. Мать моя, быв в полном повиновении у мужа, не могла возражать ничего против его воли, хотя мысленно находила множество неудобств и для отца и для меня, и потому, сжав сердце, изъявила согласие на эту поездку и не подала даже виду, что ей это очень не нравилось, тем более что она знала, что всякое возражение, какое б она ни сделала, осталось бы без внимания; ибо отец мой имел довольно сильный характер в семейственном быту, и если он решал что-нибудь – это уже не изменялось. Но к утешению матери явилось возражение на отпуск меня с отцом совсем с другой стороны. Графиня, узнав, что хотят увезти её любимца (так называли меня, видя ласки господ не только к отцу моему и матери, но даже и к постреленку, все те, кого мучила зависть), решительно объявила отцу, что она меня не отпустит, потому что это невозможно: во-первых, что ей будет без меня скучно; во-вторых, что в такую дальнюю дорогу отпустить ребёнка без матери бесчеловечно; в-третьих, что за мной там некому будет и присмотреть, и накормить, и напоить, и как

она знала, что отцу моему надо было отлучаться каждый день из дому по делам, то я должен уже оставаться без всякого присмотра и очень легко мог и ушибиться несчастно и утонуть и проч. и проч.; а всего-то важнее, что ей этого не хочется, что на это есть её воля. Графиня, при всей своей доброте, была вспыльчива и не любила, чтобы её воля оставалась без исполнения. Отец же мой всегда не слишком жаловал, чтобы господа вмешивались в дела семейные, а тут и того более: ибо, по его понятиям, я был в таком возрасте, что власть господ не могла ещё на меня простираться; ему они могли все приказать, кроме того, когда и как он должен поступать в своём семействе. Решив ни за что не уступать прав отца, но избегая своей настойчивостью довести графиню до раздражения, он прибегнул к просьбам. Мать же, зная лучше характер мужа и видя, что просьбы эти делались таким голосом и такими словами, которые непременно взбесили бы графиню (ибо она твердо была уверена, что отец в этом случае никак не повиновался бы графине, и Бог знает, чем бы все могло кончиться при таких характерах), чтоб только избежать этой бури, заглушила в себе чувства матери и предалась совершенно чувству жены. Не предвидя другой развязки и зная хорошо графиню, она присоединила и свои просьбы и доказала так ясно, что все несчастья, какие графиня насчитала, здесь со мною скорее могут случиться; ибо сама она не имеет возможности смотреть за мной, находясь безотлучно при ней, – и что потому графиня, по доброте своего сердца, не откажет общей их просьбе. Забывая совершенно материнские чувства, боясь только гнева графини, какой мог излиться на ее мужа, в лице которого ясно видела готовность противоречить всему, она со слезами бросилась целовать руку графини. Но истинно доброе сердце уже произвело своё действие, и графиня, найдя средство изъявить свою доброту, не унижая власти госпожи, внутренне была рада; ибо она в самом деле любила отца и мать за их услуги. Итак, обратясь к моей матери, сказала: «Ну, Маша! Только для тебя это делаю; а Семен, право, этого не стоит; он меня не любит, всегда противоречит, и если просит о чём, так это таким тоном, который меня всегда обижает». – «И, матушка, ваше сиятельство! Вы сами изволите знать, – сказала моя мать, – что он умеет служить, а не говорить». «Ну, бог с тобой, Семён! Возьми Мишу с собой, только, пожалуйста, не дуйся на меня; ты знаешь, как я вас люблю!» – и протянула ему свою руку, которую он от души поцеловал, видя, что всё кончилось благополучно. В то время как решалась моя судьба, когда между тремя действующими загорались страсти, где с одной стороны видели неповиновение власти, а с другой угнетение, и когда все обрадовались, что дело кончилось так мирно (тем более что каждый из трёх действующих совершенно понимал, что все они лгали), я в это время преспокойно управлялся с своим завтраком, как будто бы не обо мне была речь...

Эта сцена была как бы недобрый предсказанием для наступающего пути, и в самом деле он окончился хотя благополучно, но после довольно странного происшествия. В дорогу отправился отец мой не один; с ним были муж сестры его, брат её мужа, ещё дворовый человек и я. Ехали мы на двух повозках, запряженных тройками лошадей. Время было летнее, прекрасное – так около петрова дня. На половине нашего пути надо было покормить лошадей, поэтому первое удобное место, то есть где была возможность напоить лошадей и имелся для них подножный корм, заставило отца моего и его спутников сделать привал. Они остановились на полях, принадлежащих князю Юсупову, у которого поблизости находились большие имения и поля простирались на весьма большое пространство; отпрягли лошадей, пустили их на траву, ибо тогда ещё не воспрещалось проезжающему покормить лошадей на чужих полях; сами же, выпив водки закусив припасёнными в дорогу ветчиной, гусем и прочим, а мне строго наказали не отходить никуда и не гонять лошадей, которых я было уже начал похлестывать кнутиком; отняв кнутик, усадили меня в телегу и в самом скором времени заснули все весьма крепко. Проснувшись, отец велел напоить ещё раз лошадей и тотчас запрягать, дабы раньше прибыть на место... Всё это было сделано с расторопностью, лошади за-

пряжены, все уселись, разумеется, как можно покойнее; отец сказал: «пошёл!», и добрые кони после четырёхчасового отдыха понеслись с новой бодростью; но, не проехав ста сажень, он же крикнул: «Стой! А где же Миша?». Лошади остановлены, но на вопрос: «Где же Миша?» – не было ответа; ибо все этим вопросом так были отуманены, что никто не отвечал ни слова, и, только придя в себя, вспомнили, что и я находился с ними в пути, что было они совершенно забыли. Не могу описать положения, в котором был отец мой и все его спутники; вопросам не было конца, один спрашивал другого: «Да ты, братец, видел, как он ходил около лошадей?» – «Ну, помнишь, я давал ему пить?» – «Э, братцы! Это было прежде, а после всего я посадил его на телегу, и, помнишь, Семён Григорьевич приказывал ему не вставать и не гонять лошадей!..» так толковали спутники отца моего, который, не получив ответа на сделанный вопрос: «Где же Мига?», окинул глазами обе повозки, и, не видя меня, припоминал: точно ли взял он меня с собою, и, если взял, то где же я? Но по довольно долгому припоминанию вспомнил все, к несчастью, и вследствие этого воротился на место, где кормили лошадей; начали все кричать, отходя в разные стороны, и звать меня, полагая, что, вероятно, я, соскучась на телеге, пошёл бродить по полю, или цветы рвать, которые пестрели на большом пространстве, или гоняться за бабочками; что, вероятно, отошёл на довольно большое пространство, и как трава была очень высока, то я, возвращаясь к телегам и не видя их, пошёл совсем в другую сторону; но со всем тем такой маленький ребёнок не мог зайти далеко. А потому кричали и звали меня довольно долго. И как было всё напрасно, то каждый, возвращаясь к отцу, излагал своё мнение. Одни говорили, что, может быть, меня украли цыгане, когда все спали, но нет, это предположение было явно не справедливо: цыганы увели бы тогда и лошадей. Другие толковали, что, вероятно, я отойдя на большое пространство, и как день был довольно жаркий, то устал, присел отдохнуть и потом заснул в траве; следовательно, стоит только подождать часа два-три, то само собою ребёнок проснётся и плачем своим сам о себе даст знать, а что отыскать его в такой траве, на таком пространстве вовсе не возможно. Это мнение показалось всем довольно основательно, и потому отец мой решился стоять на месте; а чтобы всё сколько-нибудь ускорить ожидаемую минуту, он упросил всех сесть верхами, ехать по степи в разные стороны, каждого прохожего опрашивать и часа через два возвратиться; сам же остановился у одной из телег, облокотился на неё и простоял до самого возвращения посланных. Что тогда он чувствовал, может представить отец, имеющий одного только сына и бывший в подобном положении. Как он упрекал себя, что поупрямился и взял меня с собою! Потом приходило ему на мысль: что он скажет бедной матери, которая сжав сердце, разлучилась с сыном? Потом – что скажет графине, которая так неохотно отпускала меня? Все это перепуталось в голове его в таком беспорядке и так быстро мелькало, что из этого не выходило ничего определенного. Так пробыл он до возвращения посланных, так пробыл до самого вечера, не зная, на что решиться, ибо все возвратились без всякого успеха. Наконец и предположение, что я в поле где-нибудь заснул, разрушилось, потому что они простояли уже около четырёх часов. Тут снова пошли толки, догадки, из которых не выходило совершенно ничего, и никто не знал, на что решиться. Все обращались в вопросах к отцу, что делать, но он больше всех не знал, что, и, как день клонился уже к исходу, отец машинально сказал: «запрягайте лошадей!» – сам не зная для чего, ибо он не решил ещё, что делать: ехать или нет, и если ехать, то куда? Кучера начали впрягать лошадей. В это время проходил мимо них старик пастух, впереди которого шло довольно большое стадо, и на пожелание «добры вечер», сказанное мимоходом, не получил ответа; это удивило его, заставило взглянуть на тех, кто так сухо принял приветствие, и тут же увидел на их лицах, что с ними что-нибудь случилось. Итак, по доброте, а может быть, и из любопытства, приняв участие, сказал: «Здоровы булы, паны! що вы так сумуете? що з вами збылось?» Долго ему никто не отвечал; но отец (который ко всему теперь привязался с тоскою и надеждою), думая, что, быть может, пастух даст ему какую-нибудь весть, рассказал ему в коротких

словах причину своего горя. «Да, се не добре! – промолвил пастух и немного погодя, сказал: – Може, вам покажетця смешно, а послушайте мене старого. Колы прылучилась з вами такая шкода, то вы вже не покидайте того миста, где вона зробылась: а постийте тут тры дни, да посылайте в окрестные сёла и хутора узнавать, и колы бог даст, то може, и знайтдете свою дитыну. Далеко ему зайты не можно – и в яку б воно сторону ни пишло, то все набредёт або на село, або на хутир, або и так зустрине доброго чоловика: то уже воно всё-таки буде звистно, та и я буду роспытываты. Колы ж простоять се время не достане хлиба, то от возьмите – у меня йе шматок, а завтра я ще вам вынесу. Колы ж в тры дни воно не найдетця, то вже, мабудь, ёго нема близько: може ёго недобрый чоловик украв, може, воно утонуло де в ставу, або, може, – чого боже бороны! – и звиряка ёго зывь». Ничего не имея в мыслях определенного, отец безусловно согласился с мнением старика, благодарил его за добрый совет и за участие, просил разведывать, и если паче чаяния что узнает, то тотчас известил бы его как можно скорее сам или бы нанял кого, на что предложил несколько денег. Но пастух не принял их и уверял, что, только что узнает, тотчас известит; пожелал им всем благополучно оставаться и побрёл своим путём. Между тем лошади, которых начали было впрягать, по воле отца были отпряжены; им спутали ноги и пустили пастись на свежую траву. Потом сделали осмотр, что у них имеется съестного, и видя, что на вечер очень довольно, похлопотали о свежей воде, которую черпали из близлежащего родника. Таким образом, приготовив всё для наступающего ужина и выпив с горя по доброй чарке вина, поели хорошо и разлеглись спать: кто на телеге, кто просто на траве, разумеется, кроме моего отца, который не ужинал и не лёг спать, а остался присматривать за лошадьми под предлогом, что люди, целый день ездив верхами в разные стороны на значительное расстояние, очень поуустали, и для того им отдых гораздо нужнее, но что как скоро он захочет спать, то разбудит кого-нибудь смотреть за лошадьми. Такого рода распоряжение было совершенно согласно с желанием каждого, и через несколько минут разногласный концерт храпения огласил воздух. Остался один отец с тоскою на сердце и с тяжёлой думой не предузнавая: что завтрашний день? обрадует или совершенно лишит его всякой надежды. Так проходил он целую ночь вокруг спящих товарищей своего пути, и только что показалось солнце, он всех разбудил. Тотчас, разумеется, все встали, оделись, умылись, помолились богу, кучера напоили лошадей, и на вопрос: что теперь делать? Отец упросил родных своих, а прочим приказал: сесть верхом и отправиться в разные стороны, указывая каждому путь и место, до которого он должен ехать осведомляться, а когда все возвратятся, то, отдохнув, можно снова пуститься по другим направлениям, чтоб не пропустить не только села, но даже хутора. Он указал им ехать сперва в одну половину окружности, и если, к несчастью, никаких слухов не будет, то после обеда, отдохнув немного, отправляться в другую и не пропускать ни одного прохожего и проезжего, не опросив его хорошенько. Выслушав наставления, все поскакали в указанные стороны, и чем более отдалялись, тем полукружие, центром которого был мой отец, делалось обширнее; наконец они уже казались вдали какими-то движущимися точками и потом совершенно исчезли. Оставшись совершенно один, отец почувствовал после сделанного распоряжения какую-то надежду: по его мнению, невозможно было, чтоб поиски остались без успеха. Так утешал он себя во всё время, пока не стали возвращаться посланные, – и ни один не принес никакой радостной не только вести, но даже надежды. Итак, в душе отца всё приняло прежний образ – та же тоска, та же мука, которой уж не видел и конца. Родные отобедали вместе с людьми, то есть поели кой-чего, что могли купить в ближнем селе; приглашали, между прочим, и отца моего разделить с ними обед, от чего он решительно отказался. После того, отдохнув, поскакали все в противоположные стороны с такою же скоростью; но отец теперь не имел уже прежней надежды и страдал ужасно. Снова посланные возвратились, снова не привезли ничего, ни даже намёка; глубже и глубже становилась горесть отца! И пастух, прогоняя своё стадо в урочное время мимо места, где они стояли, не принёс никакой вести. Вторая

ночь прошла таким же порядком, то есть все спали, кроме отца. Наконец настал роковой день, день, на котором ещё как будто мелькала какая-то надежда, с исходом которого всё уже должно было рушиться, ибо отец в своём тягостном положении безусловно теперь верил всем предрассудкам, хотя очень любил подшучивать на этот счет над другими. Хватаясь как утопающий за соломинку, он снова отправил верхами разведывать, но не всех; одного из кучеров, по долгом размышлении, отправил обратно к господам объявить им несчастье и попросить их прислать человек тридцать верхами, дабы объездить во всей округности сёла, деревни, хутора и леса, чтобы по крайности, если уже его нет в живых (так выразился он), то хоть бы кости его отыскать! Как будто по ним он мог узнать меня. Тот нехотя поехал обратно, ибо ехать тридцать верст верхом без седла казалось ему очень невкусно, а особенно после двухдневной скачки. Скрывшись из глаз, он осадил лошадь, поехал шагом с весьма кислой рожой и, не проехав шести или семи вёрст, заметил, что ошибся в дороге. Это тем более его удивило, что дорога была слишком знакома. Вероятно, он или задумался, или вздремнул немного (хотя последнего вовсе не чувствовал), а потому и не заметил, что лошадь, при разделении дорог, взяла совсем в другую сторону; ему было весьма досадно на себя за такую оплошность: «Ну, диви бы ночью, а то среди белого дня, чёрт возьми, потерял дорогу!» Желая выместить свою досаду на ком-нибудь, приударил плетью лошадь и думал понесть во весь опор. Но лошадь от удара бросилась в сторону, фыркнула, наострила уши и остановилась. Он стал оглядываться по сторонам, желая узнать, отчего лошадь так шарахается, и увидел, что из ближайшего леса бежит волк или волчица и прямо на него, и уж довольно в близком расстоянии. Не имея ничего при себе и не быв храброго десятка, он поворотил лошадь направо, гикнул и пустился как стрела, беспрестанно оглядываясь, но заметил, что волк не отстаёт; проскакав версты две, уверился, что ему не уйти от него, и очень упал духом; как вдруг с противной стороны оврага, к которому он приближался, услышал людские голоса, которые кричали «улю-лю! улю-лю!», и лай собак, которые неслись прямо ему навстречу. Он ободрился, оглянулся и видит, что волк уже не преследует его, а, напротив, бежит от собак; почему и сам, поворотя лошадь, прикрикнул: «улю-лю! улю-лю!» и так притравил волка чужими собаками, что тот ретировался обратно в лес. После сего кучер остановился и тогда уже заметил, что собаки, которые его выручили, принадлежали пастухам и находились при их стаде. Подъезжая ближе, он узнал старика, который давал им советы и хлеб; а старик тоже в свою очередь признал кучера и тотчас спросил: «А що, нашли вы своего хлопця?» - «Нет!» - отвечал Андрей. «Ну, так вин кланяетця вам добрым здоровьем! вин у Рокитний. Вертайся швидче назад до ёго батька, я сам хотив уже до вас идты, да благо ты тут прылучився. Та гляды - возьми наливо от тою поляною; близько лиса не йизди: або там от та вовчиця, що бигла за тобою, бродить с вовчатами и багацько шкоды робить, покы не попалась моим собакам; от и теперь проклята далеко их забачила, та й повернула зараз... Ну, ну, паняй с богом! Та скажи хлопцеви батьку, що дытына ёго у Рокитний у Семена Господиненка, который знайшов ёго близко хутора; а живе вин пидля новой церкви - тут-таки на самому базари, так соби высокенька хата и нови ворота, та тут ще й верба дуже велика, и мабудь одна тильки йе така на всю улицу. Та там як раз найдете! Ну, прощевай с богом соби!» Весело Андрей скакал обратно к моему отцу, около которого сидели дядя Дмитрий и дядя Абрам (так мы их всегда называли) и другие спутники - почти все вместе. Заметив, что кучер возвращался назад и скакал во всю мочь, они не знали, чему приписать такую поспешность, а особливо отец, который дрожал как в лихорадке, и не знал: бояться ли ему или радоваться? Но тот не доезжая ещё, закричал: «Радуйтесь, Семен Григорьевич! Миша жив! Миша нашёлся! Он в Ракитной...» - и слёзы ручьём хлынули у отца при этой вести. Он долго не мог прийти в себя от радости и беспрестанно расспрашивал Андрея: кто нашёл? как нашёл? когда? где? И подобные тому вопросы, на которые не мог получить удовлетворительных ответов; когда же успокоился немного, вздохнул и сказал: «Ну, слава богу! слава богу!» - и потом приба-

вил, что отслужит молебен Николаю-чудотворцу, как только приедет в Ракитную и увидит меня, что, разумеется, он и исполнил в своё время. Между тем лошади уже впряжены, и все уселись чинно на повозках, повторяя единодушно: «Ну, спасибо пастуху, что удержал нас на этом месте; право, спасибо! Что ни говори, а приметы, над которыми иногда смеются богоотступники, всегда справедливы!» Так думал каждый про себя, весьма довольный своими заключениями, кроме отца, который рассуждал совсем о другом: он думал, как приличнее наказать меня за такую, по его словам, вину, и мысленно было положено: как только приедет в Ракитную, то тут же меня хорошенько посечь. Но вышло совсем иначе; ибо когда прибыли на место и отыскивали дом, о котором так ясно было рассказано, то, кроме работника, никого не нашли дома, и на вопрос: «Где хозяин и хозяйка?» - им ответили: «Та понесли на ярмарку хлопца, що пан отец найшов позавчора; бо дытына все тоскуе! Уже ему и меду, и бублыкив, и медовникив, и таки всего давали; так ни, усе-таки просытця до батька та до матери. Та, мабуть, уже скоро вернутця, бо вже давненько пойшли. Старый и стара з рук его не спускають; бачь – у их дитей з роду не було, так воны так соби рады, що господь им послав хоть чужого, що вже так и положили; колы его батько и матирь не найдутця, то взять вмисто сына и всю худобу ему свою зоставить». Всё это рассказывал прямо против ворот, из-за которых надеялся увидеть меня. И в самом деле – ещё работник не кончил своих подробностей, как я уже шёл из-за ворот между мужчиной и женщиной довольно пожилыми. Как только я увидел отца, то с чувством какой-то вины и радости вместе подошёл к нему, протянул ручонки и залился горькими слезами, сам не зная, верно, отчего: от радости или опасения быть высечену? Он же не мог встать и остался в том же положении и, как кажется, в силу своего решения, хотел встретить меня строго; но слёзы невольно, без его ведома, пробились и хлынули рекой из его глаз. Все вокруг, глядя на меня и на отца, который держал меня уже на коленях и нежно целовал, все молча плакали, и только по временам слышно было всхлипывание то того, то другого. Итак, вместо предположенной моим отцом экзекуции кончилось всё концертом слёз. Хозяин с хозяйкой, у которых я отыскался, разыгрывали соло, а особливо она; ибо уже так верно разочли и распорядились и в короткое время так себя уверили, что должны были теперь расстаться со мною и расстались, осыпая меня горячими поцелуями, проливая ручьи слёз, повторяя прощание много раз. Таким образом кончилось бегство или потеря, право, не знаю, как назвать.

Теперь следуют маленькие подробности, каким образом я от места отдыха, почти на пятнадцать вёрст, очутился в Ракитной. Из того, что можно было собрать из ответов на делаемые мне вопросы (ответы казались им удовлетворительными), из рассказов крестьянина, который меня нашёл, и из показаний другого свидетеля, бывшего в то время вместе с ним на хуторе, вышло следующее. Когда все уснули, я спустился с телеги, взял кнутик и пошёл хлестать им около лошадей; потом, соскучась, стал рвать цветы и ловить кузнечиков; так шаг за шагом, даже и даже, наконец зашёл так далеко, что когда хотел воротиться к телегам, то уже не видал их, ни лошадей. Вероятно, желая отыскать телеги, я избрал какой-нибудь путь, дума, что он приведёт меня к месту, мною оставленному, а всего вероятнее, что я ничего и не думал; только, по словам моим, осталось известно, что таким образом я прибрёл в лес, в котором увидал большую серую собаку с щенятам, что я очень испугался и заплакал, и что тут же явился какой-то мальчик, который был ещё меньше меня и такой хорошенький и уговорил меня не бояться, так как собака эта не кусается. В доказательство он подошёл к ней и погладил её по голове, причём собака очень к нему ласкалась; заставил и меня её погладить, что я и сделал. Потом повёл меня через лес, и когда я начал просить пить, то он отвечал, что как только выйдем из лесу – сейчас найдём воду. Выйдя из лесу, я оборотился к мальчику спросить: где же вода, но его уже не было. Долго звал я его к себе и, не получая ответа, стал плакать и вместе с тем сходить с довольно крутой горки, внизу которой заметил воду; и как мне, вероятно, очень хотелось пить, спустился вниз и прилёг на-

земь, желая с обрывистого берега утолить свою жажду. Но вдруг услышал голос: «Хлопче, гляды – утонешь! Тут така глыбыня!» На что я, лежа, со слезами отвечал: «Да мне пить хочется!» Между тем подошли ко мне два человека: один из них постарше, хотя и оба уже не молодые люди; старший из них поднял меня с земли и, сняв с себя шляпу и сложив поля её на три угла, прилёг к пруду, подчерпнул ею воды и дал мне пить. Потом, поговоря между собою, спросили меня: чья я дитына? и кто отец мой? и куда ехал? – на что я отвечал им такую путаницю, что из всего мною сказанного они могли только понять, что отец мой Семён Григорьевич, мать моя Марья Тимофеевна, что у меня есть хороший барин Гаврила Семёнович и барыня Елизавета Ивановна, что барин меня кормит конфетами, а барыня поит чаем; что у меня есть дядя Дмитрий и дядя Абрам (ибо я тогда буквы «р» ещё не выговаривал), что мы ехали куда-то далеко, что в поле обедали, что все пили водку и легли спать и что я потом пошёл. Изо всего этого они ничего не могли определить верного и не знали, что им делать. Один из них, который помоложе, советовал отвести меня на близлежащую дорогу и пустить, что, вероятно, кто-нибудь меня встретит и что таким образом они избавят себя от хлопот, а может быть, и от беды; ибо бог знает что тут такое: так ли затерялась хлопья? «Або, може, батько и матирь его поризаны, то таку напасть соби возьмишь, що с судом не развяжешься по вики!» Но, невзирая ни на что, старик никак не решился последовать его совету, говоря: как можно таку малу дитыну зоставить одну? Що колы с нею що прилучится, то их и бог накаже, и вже що е, то буде, а он берёт меня к себе. Итак, привёл меня на хутор, покормил сотовым мёдом и уложил спать, а на другой день привёз в Ракитную и представил в контору, где объявил, что нашёл меня близ его хутора. Управляющий хотел меня оставить у себя, на что я никак не соглашался, говоря, что кто меня нашёл, у того я и жить буду. Управляющий, не желая меня приводить в слёзы, отпустил со стариком, приказав конторе послать в суд объявление. Итак, старик привёл меня к себе в дом, и вместе с женой положили, что, ежели, бог даст, не отыщутся мои родители, взять меня вместо сына. Вот всё, что узнал мой отец.

Выслушав рассказ хозяина и мой, он тут же подумал, что велика милость господня, что, очевидно, дитя, провожавшее меня через лес мимо волчицы с волчатами, был не кто другой, как ангел-хранитель, и мысленно принёс благодарственную молитву господу богу.

И вот чем кончилась эта маленькая драма. Разумеется, я ничего этого не помню; но это как анекдот моего детства осталось известным в моем семействе, часто повторялось и всегда одинаким образом не только с отцом и матерью, но даже и товарищами его, без малейшей перемены. Со всем тем не выдаю всего за совершенную истину, а оставляю всякому полную свободу верить и не верить. Моё дело было только рассказать верно.

После этого в скорости граф обязал графиню расстаться с матушкою и отпустить её к мужу (которому уже назначено было жить в хуторе Проходах, как в центре управляемого им имения), представляя в причину, что разлучать мужа с женою в таких молодых годах – грех, да и за Мишей будет кому присмотреть. Всё это вместе решило графиню согласиться. И так вдруг я переселился из Обоянского уезда в Судженский, где и жили мои родители лет около тридцати, то есть – до продажи нас князю Репину. Стало быть, тут промелькнуло моё детство, весьма неинтересное, как и детство всякого ребёнка, а особливо в том звании... Известно только, что я был самый острый и умный ребёнок, что был два раза ушиблен самым ужасным образом, из коих один раз об дровосеку, а в другой раз так странно, что стоит рассказать. Меня просто перебросило через ворота, то есть через верхнюю их перекладину; а как? Вот в том-то и дело. Просто с дрожек в первый день светлого Христова воскресения. Как это случилось и отчего? – известно, но полёта, который я сделал через ворота, не могла мать объяснить, ибо она одна и была свидетельницею, но от испуга подробно ничего не помнит. Вот как это было: в светлый праздник отец и мать ехали в Турью, где мы были приходом, к обедне и,

разумеется, взяли меня с собою. Как вышли садиться на дрожки, которые были тогдашнему без крыльев, довольно длинные, мать посадила меня подле себя; отец же сказал: "Вы съезжайте с горы, а я сойду пешком" (дом, где мы жили, был на горе). Тут кучер, державший лошадь за повод, спросил отца: "разве и ему ехать?", потому что очень часто случалось, что отец правил сам, а, приехав в Турью, лошадь обыкновенно оставлял у попа на дворе. Теперь же в такой праздник, при тесноте, отцу показалось это неудобным, почему на вопрос кучера он и сказал утвердительно, чтоб он ехал, а сам вышел в растворенные ворота. Кучер, обратясь к моей матери, которая уже сидела со мною на дрожках, сказал: "Позвольте ж мне, Марья Тимофеевна, надеть новый зипун!" – и, не дождавшись ответа, отправился за ним. Лошадь, чувствуя свободу, стала поворачиваться из стороны в сторону; мать только хотела взять вожжи, замотанные наперед около шкворня, который был выше дрожек вершка на два с половиной, как в это самое мгновение лошадь шарахнулась и бросилась со всех ног в ворота. От быстрого движения мать свалилась с дрожек, не успев схватить меня, и видела только, что дрожки зацепились за вереву передней осью и что от толчка я свалился на заднее колесо, с которого быстро полетел через ворота; но как это случилось? – она не могла объяснить, потому что сама упала без памяти. Отец, услышав стук позади себя, оборотился и увидел, меня, летящего через ворота; в ту же минуту пронеслась и разъяренная лошадь с дрожками, которые, разумеется, вдребезги избила. Отец бросился назад, подбежал ко мне и поднял меня без всякого движения; даже очень долго не было слышно; дышу ли я? Всё это сделалось так быстро, что никто и не видел!

На крик отца прибежали кучер, кухарка, бабушка; отец потребовал воды и, когда принесли, вспырнул меня ею. Между тем очнулась и мать и вырвала меня у отца; он же велел подать нож, которым мне разнял стиснутые зубы, и влил несколько капель воды, проглотив которую я в ту же минуту вздохнул протяжно; при этом кожа на лбу, от ушиба поднявшаяся почти на вершок, видимо начала понижаться и пришла в обыкновенное положение, удерживая на себе только синий, почти черный цвет – признак сильного ушиба. Разумеется, что к обедне уже никто не поехал. Долго сомневались в моей жизни; купали меня два раза в день в какой-то траве (кажется, называли её завяз) и недели через три начали надеяться на моё выздоровление, а через шесть я уже совершенно оправился; но чудесный сальто-морталь остался необъяснимым. Потом в детстве я тонул один раз, от чего тоже был спасен. Все эти чудесные спасения были ни к чему другому отнесены моею матерью, как к тому, что были встречные кумовья. Отец же просто видел тут благодать Божию и заключал, что он со своим семейством находится под особым господним промыслом.

В исходе пятого года моего возраста, чтоб я не баловался, отдали меня учиться грамоте к Никите Михайловичу. Фамилии настоящей его не знаю, а носил он другую, которую не могу сказать, ибо она смешивается с таким именем, что никак не прилично выразить. С этого времени, хотя ещё и не довольно ясно, но начинаю кое-что помнить из моего детства. Помню, что я каждый день ходил в школу, что у меня были ещё два товарища – дети Никиты-шинкаря, Гаврило и Никита, что у учителя была дочь Надёжка, что учился я весьма легко и быстро: ибо едва мне сравнялось шесть лет, как уже всю мою премудрость выучил, то есть азбуку, часослов и псалтырь; этим обыкновенно тогда и оканчивалось всё учение, из которого мы, разумеется, не понимали ни слова, а приобретали только способность бегло читать церковные книги. Помню, что при перемене книги, то есть когда я окончил азбуку и принес в школу в первый раз часослов, то тут же принёс горшок молочной каши, обёрнутый в бумажный платок, и полтину денег, которая как дань, следуемая за учение, вместе с платком вручалась учителю. Кашу же обыкновенно ставили на стол и после повторения задов (в такой торжественный день учения уже не было) раздавали всем учащимся ложки, которыми и хватали кашу из горшка. Я, принесший кашу и совершивший подвиг, то есть выучивший всю азбуку, должен был бить учеников по рукам, что я исполнял усердно при всеобщем шуме и смехе учителя и его семейства. Потом, когда кон-

чили кашу, вынесли горшок на чистый двор, поставили его посредине, и каждый бросал в него палкой; тот, кому удавалось разбить его, бросался стремглав уходить (бежать), а прочие, изловив его, поочередно драли за уши. Что это за церемония? Для чего она делалась? Когда было её начало? Ничего не знаю и не могу сказать. Помню только, что по окончании часослова, когда я принёс новый псалтырь, опять повторилась та же процессия и что кроме меня раз ещё принёс кашу Никишка, когда кончил часослов, над которым я и застал его; оба брата, Никита и Гаврило, учились очень тупо. Помню, что их драли немилосердно, хоть толку от этого не было никакого; я же, напротив, удивлял своею остротою, так что учитель не успевал задавать уроки.

Когда я кончил псалтырь, то отец мой, зная, что учитель мой не способен более учить ничему, писал в Белгород к знакомому, очень учёному священнику (который когда-то, бывши ещё студентом, учил сына графа В[олькенштейна]), и спрашивал, что он возьмёт за моё учение. Между тем во время долгой переписки я должен был всякий день ходить в школу протверживать зады. Помню, что это мне ужасно надоедало; я наконец стал протверживать с такою быстротою, что только и слышно было: "Блажен муж", – а дальше уж никто не мог разобрать ни слова. Таким образом, чрез четверть часа я оканчивал всё, что было задано читать, и отправлялся гулять в лес с ребяташками, оставляя учителя весьма довольным своим учеником. Учитель часто ставил меня в пример другим ученикам, говоря: "От, як бы и вы так учились, як Мышка, то и вы пийшли б тепер гулять". Обыкновенно в лесу я прогуливал до обеда, ибо твёрдо знал, что если бы из школы пришёл домой, то меня не пустили бы бегать по лесу. Наконец как-то отцу моему стало известно о кратком способе моего повторения, и потому он строго запретил мне выходить из школы, пока не кончится общее учение; но я на другой же день, кажется, забыл его приказание. Отец же мой, которому из своего дома видна была школа, нарочно наблюдал за мною и, как скоро увидел, что я наострил лыжи в рощу, отправился и сам туда, наломав дорогой добрый пучок розог, и, найдя меня, препорядочно выпорол... <...>

III

Учебные годы

<...>

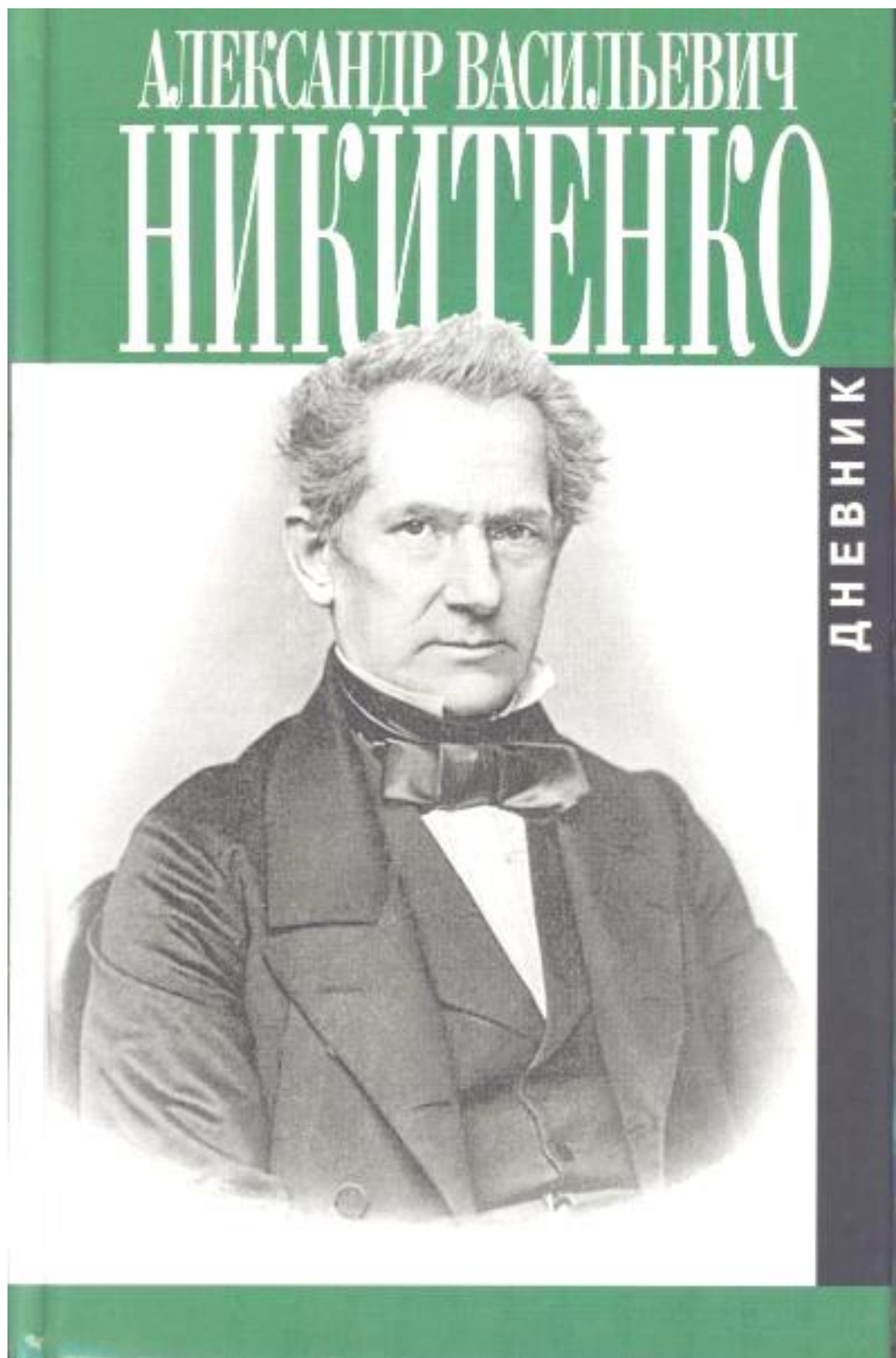
Преподавателя закона божия и церковной истории, который был протоиерей из прихода Смоленской божией матери отец З., я мало помню; кажется, я редко ходил в его класс, потому что, живши в Белгороде у очень умного священника, я знал всё по предметам в той форме, как тогда преподавалось: знал все библейские происшествия, имена всех пророков, все замечательные эпохи, знал хорошо Давида, со всеми эпизодами его царствования, а псалтырь его знал наизусть; одним словом, я очень силён был в древней священной истории, а из новой знал имена всех евангелистов, апостолов и прочих распространителей христианской церкви, а на репетициях, перед экзаменом, отец З. ставил меня в пример ученикам: «Вот вы занимались бы как Щепкин, вам и не было б так стыдно»; а того он и не замечал, что я редко бывал в классе, а только спросу, бывало, у товарищей, о чём вчера была лекция, и тотчас переберу всё в своей голове; если ж случалось, что я плохо что-нибудь помнил, то сейчас же загляну в книгу «Сто четыре священные истории» и припомню опять всё, что нужно. Поэтому, несмотря на такой род учения, я был первым учеником, и это знал весь город; сам губернатор П. И. Протасов обращал на меня особенное внимание, очень ласкал меня и каждый светлый праздник присылал мне полсотню красных яиц и 5 р. Ассигнациями денег, в чём мне все завидовали. Даже приказчик в книжной лавке полюбил меня, предложил мне приходиться в лавку и давал мне на дом книги для чтения. <...>

Печатается по изданию: «Записки актера Щепкина». – М.: Искусство, 1988.

А.В. Никитенко

**«Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетель в жизни был.
Записки. 1804-1824 гг.»**

(отрывки)

Где и от кого произошёл я на свет

В Воронежской губернии, что прежде была Слободско-Украинская, у реки Тихой Сосны, между небольшими уездными городами, Острогожском и Бирючём есть большое село или слобода, Алексеевка, населенная малороссиянами, которых русская политика сделала крепостными. Они вовсе не ожидали этого, когда тысячами шли, по вызову правительства, из Украины и селились за Доном, по рекам Сосне, Калитве и другим, для охранения границ от вторжения крымских татар.

Алексеевская слобода сперва была отдана, кажется, во владение князей Черкасских; а от них, по брачной сделке, перешла в род графов Шереметевых, владевших огромным количеством людей, чуть не во всех губерниях России. У них в последнее время, говорят, считалось до ста пятидесяти тысяч душ.

В слободе Алексеевке жил сапожник Михайло Данилович, с тремя прозваниями: Никитенка, Черевика и Медяника. То был мой дед по отцу. Я помню добродушное лицо этого старика, окаймлённое окладистою, с проседью, бородою, с большим носом, обременённым неуклюжими очками, с выражением доброты и задумчивости в старых глазах. Руки его были исчерчены яркими полосами от дратв. Он некрасиво, но добросовестно точал крестьянине чёботы и черевики, был чрезвычайно нежен ко мне ласков и добр ко всем, но любил заглядывать в кабак, где нередко оставлял не только большую часть того, что зарабатывал днями тяжких трудов, но и кушак свой, шапку и даже кожух. Молчаливый, кроткий, благоразумный в трезвом виде, напившись, он имел обыкновение пускаться в толки об общественных делах, вспоминать о казачине и гетманщине, судил строго о беспорядках сельского управления и наводил страх на домашних, осыпая их укорами и увещаниями, которые нередко подкреплял орудиями своего ремесла: *клесичкою* (палка для выглаживания кожи) и *потягом* (ремень для стягивания её). Сильно недолголюбивал он, чтоб его отвлекали от чарки призывом, под каким-нибудь предлогом, домой, к чему нередко должны были прибегать, когда он показывал явное расположение слишком загулять. Он не смел послушаться и возвращался, но не без протеста. "Вот какая ты дурная, не чувствительная, – выговаривал он в таких случаях моей бабушке, – только что начал я рассуждать о важном деле с *сябром* (соседом), как вдруг: поди домой! Теперь, чёрт знает, когда соберёшься с мыслями!"

Бабушка была замечательная женщина. Дочь священника, она считала себя принадлежащею к сельской аристократии и чувствовала своё достоинство. Связи её и знакомства ограничивались кругом избранных лиц, так называемых мещан, составлявших касту высшего сословия в слободе. Никогда не видели, чтобы она угощалась серебряною чаркою с кем-либо, кроме дам, носивших, по праздникам, *кораблики*, вместо *серпанков* на голове, *кунтуши* тонкого сукна, с позументом на талии, и черевики на *котках*, или высоких каблуках. При всей бедности, она свято держалась обычая малороссийского гостеприимства и отличалась редкою добротою, делясь последними крохами с неимущим. В ней было врождённое благородство, которое заменяло ей образование и сообщало поступкам и обращению её особенный тон приличия. Я помню, как ловко умела она вести и поддерживать разговор с горожанами, помещиками и *письменными*, какими умными и тонкими замечаниями приправляла свои и чужие рассказы, как живо и складно излагала народные поверья и предания времён Екатерины II, которую всегда с благоговением называла матушкой-царицей, как бойко умела спорить и оспаривать, всегда стараясь поставить на своём. Она пользовалась отличною репутацией. Её называли не иначе, как умною Степановной или разумною Параскою.

Дед мой не достиг маститой старости: он, купаясь, утонул в реке, когда ему не было ещё шестидесяти лет. Бабушка осталась с четырьмя детьми: двумя дочерьми и двумя сыновьями. Из дочерей, младшая, Елизавета, доброе и милое существо, любила

меня горячо и была участницею моих первых игр, хотя значительно превосходила меня годами. Старшая, Ирина, дурного поведения, часто причиняла глубокую скорбь своей матери, но та, несмотря на это, любила её чуть ли не больше всех остальных детей. Из двух сыновей старший, Василий, был мой отец.

Бабушка Степановна отличалась крепким сложением. Она умерла ста лет, сохранив все свои способности. Только лет за пять до смерти у ней несколько ослабело зрение.

II

Мой отец и моя мать

Немного сведений дошло до меня о первых годах детства моего отца. Когда ему исполнилось одиннадцать или двенадцать лет, в Алексеевку прибыл полномочный графа Шереметева, для выбора мальчиков в певчие. У отца оказался отличный дискант, и его отправили в Москву для поступления в графскую певческую капеллу, которая и тогда уже славилась своим искусством.

Тогдашний граф Шереметев, Николай Петрович, жил блистательно и пышно, как истый вельможа века Екатерины II. Он к этому только и был способен. Имя его не встречается ни в одном из важных событий этой замечательной эпохи. В памяти современников остался только великолепный праздник, данный им в одной из подмосковной вотчин своих двору, когда тот посетил Москву. Он был обер-камергером, что, впрочем, не придавало ему ни нравственного, ни умственного значения: он всегда оставался только великолепным и ничтожным царедворцем. Между своими многочисленными вассалами он слыл за избалованного и своенравного деспота, не злого от природы, но глубоко испорченного счастьем. Утопая в роскоши, он не знал другого закона, кроме прихоти. Пресыщение, наконец, довело его до того, что он опротивел самому себе и сделался таким же бременем для себя, каким был для других. В его громадных богатствах не было предмета, который доставлял бы ему удовольствие. Всё возбуждало в нём одно отвращение: драгоценные яства, напитки, произведения искусств, угодливость бесчисленных холопов, спешивших предупредить его желания – если таковые у него ещё появлялись. В заключение природа отказала ему в последнем благе, за которое он, как сам говорил, не пожалел бы миллионов, ни даже половины всего своего состояния: она лишила его сна.

За пять или за шесть лет до смерти он пристрастился к одной девушке, актрисе своего собственного домашнего театра, которая, хотя не отличалась особенною красотою, однако, была так умна, что успела заставить его на себе жениться. Говорят, что она была также очень добра и одна могла успокаивать и укрощать жалкого безумца, который считался властелином многих тысяч душ, но не умел справляться с самим собой. По смерти жены он, кажется, окончательно помешался, никуда больше не выезжал и не видался ни с кем из знакомых. После него остался один малолетний сын, граф Дмитрий. В воспитании последнего принимала живое участие императрица Мария Фёдоровна. Но природа, щедрая к нему в других отношениях, отказала ему в способностях и он, несмотря на все заботы о нём, недалеко ушёл ни в науках, ни в развитии.

Итак, мой отец поступил в певчие. При капелле существовала школа, где, кроме музыки, малолетние певчие обучались и грамоте. Отец обнаружил редкие способности ко всему, чему его учили. В свободное от школьных и певческих занятий время он много читал и приобрел разнородные познания, далеко превышавшие его положение. Между прочим, он выучился французскому языку. Его все любили не только за ум и талантливость, но и за доброту, за живое и приятное обращение. Скоро он стал первым между товарищами и даже сделался известен графу Шереметеву.

С умилением и благодарностью вспоминал он впоследствии о внимании и ласках, которые оказывал ему знаменитый и несчастный Дегтяревский, немного позднее угасший среди глубоких, никем не понятых и никем не разделённых страданий. Это была одна из жертв того ужасного положения вещей на земле, когда высокие дары и преимущества духа выпадают на долю человека только как бы в посмеяние и на позор ему. Дегтяревского погубили талант и рабство. Он родился с решительным призванием к искусству: он был музыкант от природы. Необыкновенный талант рано обратил на него внимание знатоков, и властелин его, граф Шереметев, дал ему средства образоваться. Дегтяревского учили музыке лучшие учителя. Он был послан для усовершенствования в Италии. Его музыкальные сочинения доставили ему там почётную известность. Но, вернувшись в отечество, он нашёл сурового деспота, который, по ревизскому праву на душу гениального человека, захотел присвоить себе безусловно и вдохновения её: он наложил на него железную руку.

Дегтяревский написал много прекрасных пьес, преимущественно для духовного пения. Он думал, что они, исходатайствуют ему свободу. Он жаждал, просил только свободы, но, не получая её, стал в вине искать забвения страданий. Он пил много и часто, подвергался оскорбительным наказаниям, снова пил и, наконец, умер, сочиня трогательные молитвы для хора. Некоторые из его сочинений и до сих пор известны любителям церковной музыки.

Отец мой, между тем, спал с голоса. Ему было уже семнадцать лет, когда, по заведённому в графской администрации обычаю, порешили отправить его в одно из имений на канцелярскую службу. Выбор пал на его родину и, как он находился на счету отличных людей и по способностям и по поведению, ему, несмотря на его молодость, дали в Алексеевке важное место старшего писаря.

Алексеевка была обширная и многолюдная слобода. В ней считалось до семи тысяч душ.

Сверх того, к ней было приписано до девяносто разных малых и больших хуторов, так что всё население её простиралось до двадцати тысяч с лишком душ. Управлялась слобода двоякого рода властями. Одни назначались графом, а именно: управитель, старший писарь и поверенный. Другие избирались общиною и назывались *атаманами*. Всё это вместе составляло так называемое *вотчинное правление*, в котором старший писарь, иначе земский, был правителем дел. Наконец, существовала ещё одна власть: *общинное собрание*, *мир*, *вече* или, по малороссийски, *громада*. Рассуждению её подлежали вопросы, касавшиеся благосостояния и порядка целой вотчины: вопросы финансовые, рекрутская повинность и т.д.

Так было в учреждении, на деле выходило иначе. Вся правительственная власть сосредоточивалась в руках графского уполномоченного, или управителя, а сила, двигавшая общественными пружинами и ходом вещей – в руках богатых обывателей, так называемых мещан. Эти мещане занимались преимущественно торговлею, и многие из них обладали значительными капиталами, тысяч до двухсот и более рублей. Предмет их торговли составляли хлеб, сало и кожи. Они не отличались добрыми нравами. То были малороссияне, выродившиеся или, как их называли в насмешку, *перевёртки*, успевшие усвоить себе от *москалей* одни только пороки. Надутые своим богатством, они презирали низших, то есть более бедных, чем сами, сильно плутовали и плутовским проделкам были обязаны своим благосостоянием. Жили они роскошно, стараясь подражать горожанам, одевались в щегольские *жупаны*, смешивая покрой малороссийский с русским, задавали частые попойки, украшали дома свои богато, но безвкусно. Жёны их и дочери щеголяли тонкого сукна *кунтушами*, шитыми золотом *очипками*, *запасками*, особенно *намистами* (ожерельями) из дорогих крупных кораллов вперемешку с серебряными и золотыми крестами и дукатами.

Настоящий малороссийский тип лица, нравов, обычаев и образа жизни сохранялся почти исключительно в хуторах. Там можно было найти истинно гомерическую

простоту нравов: добродушие, честность и то бескорыстное гостеприимство, которым по справедливости всегда славились малороссияне. Воровство, обман, московская удаль, надувательство были у них вещами неслыханными. Москаль, по их понятию, всё это вмещавший в себе, был словом ругательным.

Эти добрые хуторяне, в своей патриархальной простоте незнакомые с цивилизованными пороками, умеренные в своих требованиях, жили бы совершенно счастливо, владея прекраснейшею в мире землёю и платя небольшой оброк помещику, если бы их не притесняли богатые мещане. К несчастью, богатство и здесь, как часто бывает, составляло могущество, служившее одним для угнетения других. Мещане разными способами обижали хуторян: они то старались подчинить их своей власти, то захватывали у них клочок выгодной земли или леса, то обращали на них бремя общественных тягостей, которых сами не хотели нести. Всё это делалось безнаказанно. Представители графской власти думали только о том, как бы и им обогатиться, а выборные от народа, или громада, состояли из тех же мещан; эти последние располагали и выборами, и голосами в громаде.

Был в слободе ещё особенный и многочисленный класс людей – класс ремесленников: *кравцов* (портных), *шевцов* (сапожников), бочаров или *бондарей*, *ковалей* (кузнецов) и проч. Они уже не занимались земледелием, но развозили по сельским и городским ярмаркам свои изделия. Сталкиваясь в этих промышленных странствованиях с москалями, они заражались их удалью и были большей частью презрительными плутами.

Вот среди какого общества был призван жить и действовать на первых порах мой отец. Он прибыл в Алексеевку, кажется, в 1800 или 1801 году. Ему тогда только что минуло восемнадцать лет. Мещане встретили его недоброжелательно. Они презирали его за молодость и считали не достойным участвовать в управлении их общиной. Однако, они скоро утешились, предполагая, что за то будут иметь в нём покорное орудие. Но у отца было другое на уме. Кроме способностей, природа наделила его ещё пылким, благородным и восприимчивым сердцем. Он был одною из тех личностей, которым суждено всю жизнь бороться с окружающею неурядицею и в заключение становиться её жертвою. Он, как я уже говорил, значительно образовал себя и, на свою беду, умственно и нравственно совсем отделился от людей, с которыми ему надлежало жить и от которых он зависел. Образование его было случайное, без всякой системы и ни мало не приспособленное к его будущности. Лишённое практического смысла, оно только воспламенило его воображение, наполнило голову идеями, не согласными с окружающею действительностью, и потому не могло руководить его среди пропастей и грязи, которые ему суждено было проходить. Оно составляло блестящее, неожиданное, но и опасное преимущество его судьбы.

Отец мой совсем не понимал своего положения. Даже пример Дегтяревского не научил его. Он был знаком только с героями историй и романов, а не с жизнью и деятелями своего мира. Цenia только то, что находил или в высших сферах действительности, или в фантастических своих и чужих дополнениях к ней, он с первого же шага в жизни бросился навстречу призракам таких доблестей, самые имена которых не были известны не только в графских вотчинах, но и в других, гораздо более почётных местах русской земли. Приступив к отправлению своей должности, он скоро убедился, что грубая сила и богатство, а не человечность и справедливость располагают делами и жребием людей. Тогда он вообразил себе, что избран Провидением дать другое устройство своей родине, установить равновесие между людьми привилегированными и бедными и учредить такой порядок, чтобы последние всегда находили защиту против самоуправства и произвола первых, то есть он предпринял дело, которое ещё никому в мире не удавалось. Мысль эта до того овладела им, что он забыл всякую осторожность и скудость средств, какими располагал для борьбы со злом.

Богатые мещане сначала приуныли, заподозрив в нём тайного агента графа, но скоро успокоились, увидев, что во всяком случае имеют дело с горячим, неопытным

юношей, с которым нетрудно будет справиться: стоит только дать побольше разыграться его пылкости и терпеливо выждать удобную минуту.

На первых порах местные аристократы, впрочем, ещё надеялись другим, мирным способом обуздать непрошенного реформатора. Они хотели женить его на ком-нибудь из своих и, запутав в родственные и семейные связи, сделать его сговорчивее. Но отец и тут пошёл всем наперекор. Он, действительно, поспешил жениться, но в угоду себе, а не другим.

Случилось это так. Однажды вечером он шёл по мосту через реку Сосну. С паствы возвращались на ночлег стада коров и овец. Им навстречу, по обыкновению, высыпала из деревни толпа женщин и между ними одна молодая девушка, привлекательная наружностью и скромный вид которой приковали внимание отца. Он осведомился у подруг об её имени и узнал, что она дочь небогатого кравца, шьющего тулупы, по прозванию Ягнюка. Участь отца была решена: пленительный образ девушки всецело овладел им.

Дня три спустя, он объявил родителям, что хочет жениться. Моя бабушка пришла в ужас, когда узнала, что избранная её сына не зажиточная мещанка, а дочь бедного, ничтожного кравца. Важное значение в слободе моего отца, первого после управляющего лица, его способности, московское образование делали его настоящим паньчем. Всё это давало его матери повод рассчитывать на гораздо более выгодный для него брак. Она надеялась назвать невесткою дочь кого-нибудь из первоклассных богачей слободы. Были призваны на помощь всевозможные доводы, просьбы, увещания, чтобы отклонить молодого человека от неравного брака. Всё напрасно. Романическая встреча, красота девушки, самая бедность её заставляли отца упорно стоять на своём.

Но он, и в решимости своей, не по обычаю, поступил. Вместо того, чтобы заслать к родителям невесты сватов, он сам явился к ним. Это были малороссияне старого закала, в которых ещё не угас дух прежних украинцев. Честные и добродушные, они не имели ничего общего с испорченной средой мещанского и ремесленного сословия. Главное занятие их составляло земледелие, но дед мой, в молодости научился шить кожухи и теперь ещё кое-что зарабатывал в качестве кравца. Семья его, таким образом, не терпела особенной нужды.

Они жили на берегу Сосны, в небольшой, крытой соломою, но беленькой хате, за которою, к самой реке, спускался огород с грядками капусты, гороха, свёклы, кукурузы и разного рода цветами. Тут красовались пышные гвоздики и огромные подсолнечники, пестрели разноцветные маки, благоухал канупер, ковром расстилались ноготки, колокольчики, зинзивер и – украшение могил – васильки. Огороду этому впоследствии суждено было терпеть великое опустошение от моих набегов, особенно в той части, где вокруг гибких и длинных тычинок вился сладкий горох. За рекой, против самого огорода, расстился вишнёвый сад – рай моей бабушки, когда она ещё была в девицах, потом её дочерей, а в заключение и мой. Там теснились яблони, вишнёвые и грушевые деревья, летом и осенью обременённые плодами – отрадой моих детских лет. Но об этом после.

Старики оторопели, когда узнали, зачем явился к ним такой знаменитый гость, как старший писарь, мой будущий отец. "Так як же тому буты, – говорила старуха-мать, – щоб наша Катря була тоби жинкою? Чи вона ж тоби пара? Мы люде убоги и прости, а ты бач письменный, паньч, да такой еще гарный. У Катри ничего нема, далибуг, окроме якихс плахтынок, сорочек да хусток".

Отец мой на это разразился чем-то вроде пламенного дифирамба, из которого старуха, разумеется, ничего не поняла. В заключение, однако, решили позвать Катрю и спросить у неё, согласна ли она идти замуж за старшего писаря, Василия Михайловича. Озадаченная девушка, дрожа и краснея, отвечала, что сделает, как прикажут родители.

Недели через три сыграли свадьбу – к тайному неудовольствию матери жениха и к изумлению алексеевских аристократов, которые с этих пор окончательно возненавидели отщепенца и укрепились в намерении погубить его.

Мне предстоит трудная задача начертить портрет моей матери, соединив черты её юности, дошедшие до меня по преданию, с тем, что уцелело в моей собственной памяти от её более зрелого возраста. Она была замечательное в своём роде явление. Жизнь не дала ей ничего, кроме страданий, но она с редким достоинством прошла свой скорбный путь и сошла в могилу с ореолом праведницы.

В молодости она слыла красавицею, да и в моей памяти рисуется ещё такую. Её тонкие правильные черты выражали бесконечную кротость, а манеры и обращение с летами приобрели особенную плавность и величавость. Росту она была выше среднего и стройно сложена. Чёрные волосы мягкими прядями лежали вокруг высокого лба. Но всего лучше были её карие глаза: в них светилось столько нежности и доброты. Кто видел её, тот непременно чувствовал к ней приязнь и уважение. Без всякого образования, она обладала счастливыми способностями, при которых женщина легко свыкается с обычаями, нравами и понятиями другого, более утончённого круга. По развитию мой отец был выше её. Она это признавала и почтительно перед ним преклонялась, всегда охотно входила в его виды и сочувствовала, если не романтическим порывам и игре его фантазии, то благородным стремлениям, лежавшим в основе его характера. У неё у самой была бездна природного ума, который с течением времени тоже не преминул развиться и окрепнуть. То был ум удивительно верный и здравый, без малейшей заносчивости и тонкий без жеманства. В нём она всегда находила прочную точку опоры там, где более отважный, но менее гибкий ум её мужа легко терял почву под ногами.

События, наполнявшие жизнь моего отца, как настоящие волны, то и дело бросали углый челн его из одной крайности в другую. Он был игрушкой самой странной судьбы, полной противоречий и горьких разочарований. С одной стороны, он как бы пользовался выгодами и преимуществами независимого, даже почётного положения, с другой мог быть попираем, как червь. Герой по широкому уму, по способностям и по гордости, с какою отстаивал своё человеческое достоинство, он, по роли, которая выпала ему в жизни, был жалким актёром. Немало противоречий было и в сношениях его с людьми. Случай беспрепятственно наталкивал его на таких, которые были гораздо выше его и по систематическому образованию, и по общественному положению. Но они не только охотно водились с ним, как с равным, но многие из них даже состояли в тесной дружбе с ним. У меня сохранилась часть переписки моего отца, которая свидетельствует об уважении и сочувствии к нему этих лиц.

В такой-то круг житейских условий вошла моя мать, неся им навстречу только своё прекрасное сердце, свой непросвещённый, но здравый ум и женский инстинкт. Она сумела найтись в этом чуждом ей кругу и соединить строгое исполнение обязанностей своего пола и призвания с требованиями относительно чрезвычайного положения. На кухне, за прялкой, за иглой, она была усердная работница, кухарка, швея, нянька своих детей. И её же потом видели степенно, скромно, но свободно ведущую беседу с именитыми горожанами, точно она века с ними жила. Она вообще умела делать всё просто и кстати. Разговор её не отличался бойкостью, но она говорила легко и занимательно, нередко приправляя свою речь оригинальным малороссийским юмором.

Но главная сила моей матери заключалась в сердце и характере. Она была сама доброта и самопожертвование. Конечно, она знала, что в мире есть зло: она сама много от него терпела, но решительно не понимала, как можно делать зло и как можно делать на свете что другое, кроме добра. Ничто не сравнится с терпением и мужеством, с какими она переносила удары судьбы. Она испытала всё, что составляет отраву жизни: страдания сердца, нужду, всевозможные лишения, гонения и потрясения самых бурных и неожиданных свойств. Беды и несчастья, казалось, спорили о том, которому из них, наконец, удастся одолеть эту прекрасную, благородную душу женщины, виноватой

только тем, что она жила. Но кто видел, как глубоки и жгучи были её скорби? Один только Бог разве, перед которым она изливала своё сердце в тихой, покорной молитве, не спрашивая, зачем, в силу каких законов возложено на неё такое тяжкое иго?

Враждебные обстоятельства, с течением времени, произвели некоторые перемены в характере отца. В сущности он оставался тем же, но стал недоверчивее к людям. Взгляд его на жизнь сделался скептически, а на собственную судьбу мрачнее и тревожнее. Характер его подруги, напротив, всё совершенствовался и, под давлением бед, только сосредотачивался, так сказать, округлялся. Замечательно, что, выросшая среди людей простых и невежественных, она, в своих религиозных верованиях, была чужда суеверия и предрассудков, которые так часто принимаются заодно с религией. Её здравый ум верно отличал настоящие требования всего честного и разумного от искусственного и только наружного. Она чтит не обычай, а добрые нравы и им одним придавала важность.

Зато религиозные верования моего отца, как и всё в нём, отличались своеобразностью и были полны противоречий. Например, он высоко ценил Вольтера и ни мало не смущался его скептическими воззрениями. Сам, между тем, был набожен, не иначе, как с уважением, говорил о "вещах божественных" и ничуть не пренебрегал обрядами церкви. При всяком выдающемся событии в домашнем быту он непременно приглашал священника служить молебен, хотя за это часто нелегко бывало заплатить. На молебнах он всегда с благоговением молился, а вслед за тем опять от души смеялся антирелигиозным выходкам Вольтера, особенно его издевательствам над попами и монахами.

III

Первые покушения моего отца водворить правду там, где её не хотят, и что из этого вышло

<...>

Деревня славилась живописной местностью. Барский дом стоял на высокой горе, у подошвы которой течёт река Тихая Сосна. Начиная с вершины горы, по скату её и до самой реки, простирался великолепный сад, с множеством плодовых деревьев и с огромными вековыми дубами. На противоположной стороне реки зеленел и пестрел цветами роскошный луг, с живописно разбросанными по нём кучами лоз и вербы. На одном из грациозных изгибов реки стояла водяная мельница. Около пенилась и клочкотала вода, отдалённый шум падения которой долетал до горной вершины. Деревня тянулась по горе, против барского дома. Отцу моему отвели в ней маленький, но опрятный домик, который примыкал к саду. Здесь-то и явился я на свет, на второй или на третий год после водворения в Удировке моих родителей, а именно в 1804 или 1805 году.

IV

Первые годы моего детства

Я рано помню себя, но память моя, конечно, удержала только самые яркие черты лиц и событий моего первого детства. Зато воспоминания эти очень живы и пластичны: лица, события, местности и теперь ещё представляются мне так ясно и отчётливо, как будто они все ещё были у меня перед глазами. Между тем, моё знакомство с ними должно быть отнесено к трех- и даже двухлетнему моему возрасту. Первое воспоминание из самой отдалённой древности моей истории, или из самой юной эпохи моей жизни – это воспоминание о сильно мучившей меня оспе и об одном горбатом мальчике,

по прозвищу Третьяк, которым меня почему-то пугали: вероятно, по причине, его жалкой наружности, хотя в ней не было ничего страшного или отталкивающего. Большого оспой, меня возили по саду в тележке.

Я был вторым ребёнком у родителей. Их первая дочь умерла на втором году от рождения. Родился я в марте месяце, кажется, двенадцатого, в чём отец мой видел счастливое предзнаменование: это момент возрождения природы в нашем крае. Около этого времени там начинается весна: снег тает, реки освобождаются от ледяных покровов, с гор текут потоки, в рытвинах и оврагах шумит вода, зелень едва приметным пушком пробивается на деревьях, на полях проглядывают первые голубые цветки – красивые пролески, воздух оглашается пением жаворонков и похожими на звуки валторны криками журавлей, которые угловатой линией тянутся к нам с дальнего юга на весёлый восток.

Восприимчиками моими при крещении были помещица Александрова и ротмистр, или поручик, князь Жевахов, очень любивший моего отца. По словам матери, я рос крепким и здоровым на славу, так что мною нередко любовались. Крёстная мать ласкала меня и кормила сладостями. Я рано начал ходить и произносить первые слова. Моё физическое развитие вообще шло правильно и успешно.

Не знаю, почему не привили мне оспы: вероятно, потому, что оспопрививание в то время не было ещё так распространено в провинции, как теперь. Это обстоятельство чуть не стоило мне жизни, так как меня постигла чрезвычайно сильная натуральная оспа. Но с другой стороны, я, может быть, ей-то и обязан своим теперешним хорошим здоровьем. На лице моём и теперь ещё сохраняются едва заметные следы этой болезни, зато она в самом начале жизни разом освободила моё тело от всех вредных и острых соков.

Не могу с точностью определить, как долго мой отец оставался у помещицы Александровой: кажется, года три или четыре. Жизнь его у ней текла довольно спокойно. Все, любили его, начиная с помещицы и её детей, до последнего дворового человека. Я был впоследствии знаком с двумя молодыми Александровыми, сыном и дочерью удеровской барыни. Они, с благодарностью, вспоминали об моём отце, как о человеке, которому были обязаны своим развитием и теми небольшими сведениями, какие дало им их не блестящее воспитание. Эти питомцы моего отца вовсе не походили характером на свою бурную и жестокую мать. Они были люди простые и добрые, без всяких барских или феодальных замашек.

Обязательства моего отца с помещицей Александровой пришли к концу. Ему удалось сколотить из жалованья небольшую сумму, на которую он купил хату в родной слободе. Живое помню я этот скромный приют моего детства – хорошенький малороссийский домик, с двумя чистыми комнатами, кухней и кладовой. Он был крыт *очеретом* (камышом) под гребёнку, что служило знаком уже некоторой роскоши, ибо у прочих хуторян жилища скромно прятались под солому. На дворе, стояли: большой сарай, конюшня, загород с навесом для коров и овец и курятник. Но моё внимание особенно привлекали ворота. Над ними, по малороссийскому обычаю, была устроена голубятня, где жило, вило гнездо и выводило потомство многое множество голубей. Эти милые, грациозные создания сильно меня занимали, но и со своей стороны не чуждались меня. Моё появление на голубятне не только не пугало их, а напротив, точно доставляло им удовольствие – да я же никогда и не приходил к ним с пустыми руками. Они порхали и доверчиво толпились вокруг меня, как лакомые дети около ключницы, когда та выходит из кладовой, обременённая пряниками, орехами и другими сладостями – и клевали зёрна из моих рук.

Меня вообще очень занимали все живые Божие создания. Так я, между прочим, был в большой дружбе с почтенным старым псом Гарсоном, который честно сторожил

наш двор, и с большим белым котом, очень приятной наружности, но великим плутом и вором. Кухарка и матушка бывали от него в отчаянии. Кухня и кладовая то и дело подвергались его набегам: он таскал оттуда провизии, а на мышей не обращал никакого внимания.

Не только мы, но и соседи терпели от его воровских походов. У одного из них висел на чердаке, кулёк со свиным салом, заготовленным к празднику. Подлец кот умудрился прогрызть кулёк. Он сделал в нём отверстие, в виде двери, и устроил себе там род жилища, с готовым столом. Сало постепенно исчезало, а кот непомерно жирел. Скоро от сала остались одни тоненькие стенки. Настал канун праздника. Хозяин отправился на чердак, рассчитывая на завтра полакомиться сам и полакомить семью. Подходит к кульку: оттуда выскакивает кот, а сала как не бывало. Жалобы на вора сыпались со всех сторон. Наконец, порешили его повесить – и повесили. Но, видно, петля была слабо затянута или кота слишком скоро из неё вынули, только он ожил; крупным и ловким ворам, как известно, везде удача. Нашлись добрые люди и исходатайствовали коту прощение, в надежде, что полученный урок не пропадёт для него даром. Действительно, недели три-четыре после того кот вёл себя примерно, но дольше не выдержал и сбился на прежнее. Его вторично повесили и на этот раз уже оставили висеть на веревке целые сутки. Я не знал обо всех проказах моего приятеля и горько оплакивал потерю его: он всегда так охотно со мною играл!

За двором нашего дома простирался изрядный кусок земли, который мой отец поспешил превратить в сад. Он засадил его вишнями, яблонями, бергамотовыми и грушевыми деревьями, черешнями, а также дубом и клёном. Всё это он распланировал с искусством, которому удивлялись и завидовали соседи. В саду, между прочим, на круглой площадке был возведён небольшой дерновый курган: это считалось особенно замысловатой выдумкой. Впрочем, сад был ещё очень молод, и бедный отец не успел насладиться плодами его.

Учительство и теперь давало ему главный заработок. Оно же и впоследствии выводило его из беды всякий раз, когда он попадал в особенно трудные обстоятельства. Малороссияне, по крайней мере тогда, выказывали гораздо больше склонности к учению, чем великороссы, и неудивительно, если Малороссия была до соединения с Россией образованнее, чем теперь. В моё время, в каждом порядочном селе были школы, содержимые преимущественно духовенством – всего чаще дьячками.

Курс учения в этих школах разделялся на четыре части. Он начинался с азбуки, причём буквы произносились по старинному: аз, буки, веди и т.д. От складов переходили к часослову, затем к псалтырю и в заключение уже к письму. Некоторые ограничивались одним чтением. По окончании каждой части курса, ученик приносил учителю горшок молочной каши, а родители ученика, кроме платы по условию, вознаграждали его еще вязанкою бубликов или *кнышем* (сдобный, с салом пшеничный хлеб), а кто побогаче ягнёнком, мешком муки или пшена и т.д.

Все педагогические приёмы в этих школах сводились к употреблению ременной плетки о трех или четырёх концах и *палей*, т.е. ударов линейкой по голой ладони. День субботний был самый знаменательный в школьной жизни. По субботам обыкновенно секли шалунов за проказы, содеянные ими в течение недели, а школьников, ни в чём не провинившихся, за проказы, которые могут быть сделаны впереди.

Были, впрочем, и такие школы, где это повальное сечение не составляло неизбежной необходимости. Школа моего отца была одною из таких и вообще отличалась и тоном, и способом преподавания. Там дети учились чтению не по часослову и псалтырю, а по книжкам гражданского шрифта. Кроме того, их всех обязательно обучали письму и арифметике. Тройчатка у нас заменялась розгою, но и к той редко прибегали, только в крайних случаях. За то нашу школу и посещали дети высшего слободского со-

словия - мещан и вообще обывателей, особенно радевших о воспитании своего потомства. Были у нас и пансионеры из дальних хуторов и даже из города Бирюча.

Плата, взимавшаяся моим отцом за обучение детей, была невелика, но он пополнял её доходом с земли, которую сам обрабатывал. К тому же всё необходимое для существования было очень дешёво в нашем краю. Это сообщало нашему домашнему быту не только удобства, но и своего рода утончённость, мало известную другим жителям слободы. Мы пили чай. Иные блюда за нашим обедом приготавливались и подавались на стол по городскому. Отец носил сюртуки и фраки. Мать, вместо живописного малороссийского *очипка*, повязывала голову платком, как горожанка, а вместо *плахты* и *корсета*, носила довольно нелепого покроя немецкое или, так называемое, длинное платье. Меня тоже одевали в сюртучки. Отец до педантизма любил опрятность в одежде и в доме, с чем охотно сообразовалась и моя мать. Мало того, он даже был склонен к роскоши и вообще не имел понятия о том, как сберегать копейку на чёрный день. Лишь только улучшалось его положение, у нас в доме заводились вещи, без которых в крайности можно было бы обойтись, а угощение "добрых людей", как симптом общего малороссийского гостеприимства, становилось чаще и обильнее.

Разумеется, это не вело к упрочению благосостояния семьи, но благоразумие и экономия моей матери составляли достаточный противовес расточительности отца. Да и он сам, при всей своей нерасчётливости, был очень умерен в личной жизни. Он не пил вина и не любил никаких крепких напитков, довольствуясь рюмкою настойки перед обедом. Зато ему нравились сласти, плоды, варенье, разные заморские лакомства, но он употреблял их умеренно, наслаждаясь больше их качеством, чем количеством. В памяти моей запечатлелся "сладостный образ" некоего Сидорки, который ежегодно привозил по зимнему пути из Москвы вороха пряников, пастилы, изюму и вообще всякой всячины этого рода. Проездом к помещикам, он всегда и к нам заглядывал, и если отец бывал при деньгах, уезжал дальше с значительно облегчёнными санями.

Мои воспоминания об этом периоде детства, конечно, не полны и отрывочны. Помню, что я учился читать и писать у отца, вместе с другими школьниками, часто бывал у бабушки Степановны, которая в то время успела меня почти совсем отвлечь от другой бабушки или, по-малороссийски, "бабуси" Емельяновны, играл с тёткою Елизаветою в пёрышки, воображая в них гусей, уток и кур, но всего больше любил ездить с отцом на охоту. Часто мы всею семьёю отправлялись в ближний лес, где отец отыскивал красивое местечко, которое мы называли Кривою Поляною. Там, под тенью роскошного дуба, мы пили чай и собирали травы: отец, несколько знакомый с медициною, их сушил и употреблял в лекарство.

Эти поездки доставляли мне невыразимое удовольствие. Я, разумеется, ещё не был в состоянии сознательно наслаждаться природой, но меня влекло к ней инстинктивно. Я бывал совершенно счастлив в поле, в лесу и всегда охотно променивал игры с другими детьми на уединенную прогулку, вдали от человеческого жилья. Вообще я не любил толпы детей, но с жаром водил дружбу с одним или двумя мальчиками, приходившимися мне по сердцу. По временам мною овладевала страсть к смелым похождениям, но это, очевидно, происходило не от врождённой храбрости, а от непонимания опасности. Однажды я затеял бриться и изрезал себе руки; на одной и до сих пор не исчезли следы моей неудачной попытки.

В другой раз, ускользнув из дому, я побежал к реке. Там у причала стояла отвязанная лодка. Я мигом в ней очутился. Лодка отделилась от берега и потянулась вдоль по течению. К счастью, моя мать была недалеко, в огороде. Она перепугалась, увидев меня среди узкой, но глубокой реки, радостно махающего ручонками. Кое-как уговорила она меня сидеть смиренно и позвала работника. Тот вплавь добрался до лодки и благополучно высадил меня на берег.

Но самый блестящий мой подвиг состоял в том, что я чуть не сжёг нашей хаты, а с нею, может быть, и всей деревни. Мой отец был страстный охотник. Смотря на него, и меня разбирало желание пострелять птиц. Однажды его не было дома; я обрадовался случаю, снял со стены ружьё, зарядил дробью и вышел на двор. Там, на вербе, беззаботно чирикала стая воробьёв: они-то и были предметом моих вождлений. Для лучшего прицела, я взобрался под кровлю нашего дома и оттуда произвел выстрел. Огонь с полки попал на камышовую крышу – и не миновать бы великой беде, если б на дворе не оказалось работников. Увидя, что я наделал, они бросились на крышу и залили огонь, пока тот ещё не успел разгореться. Вернулся отец, узнал о моей проделке и положил высечь меня так, чтобы я век это помнил: он с точностью исполнил своё намерение.

Нельзя сказать, чтобы я вообще был сорванец. Мне для этого не хватало ни смелости, ни развязности. Я, напротив, скорей был робок и застенчив, вероятно, от строгого обращения со мной отца. Но я легко увлекался и под влиянием увлечения или какого-нибудь пристрастия делал вещи, которые далеко превосходили дерзостью обычные шалости моих сверстников.

Печатается по изданию: Никитенко А.В. Дневник. – М., 1955-1956. – Т. 1-3.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

ПРОПОВЕДНИЧЕСКОЕ СЛОВО ИОАСАФА И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СЛОВО Ю.Н. ГОВОРУХО-ОТРОКА О ЛЮБВИ

«Слово святителя Иоасафа Белгородского о любви к Богу» – это проповедь, которую он произнес перед императрицей Елизаветой Петровной 28 ноября 1742 года в придворной церкви северной столицы. В нем Иоасаф говорил о евангельской заповеди любви к Богу и ближнему как о главной для спасения души человека и убеждал, что именно в этой заповеди «вся сила законов и пророков», и «исполняющий эту заповедь исполняет весь закон».

«Слово» Иоасафа – образцовый пример церковного торжественного красноречия, по внутрижанровой типологии может быть отнесено к «юго-западной схоластической школе», представителями которой в XVII – XVIII вв. были киевские ученые проповедники – Стефаний Славинецкий, Симеон Полоцкий, Димитрий Ростовский, Стефан Яворский.

Расцвету жанра проповеди в начале 40-х гг. XVIII в. способствовало правление Елизаветы Петровны. Правительница, взошедшая на трон в результате дворцового переворота, должна была работать с общественным мнением с целью убеждения в легитимности своего правления, утверждаясь в сознании современников как законная императрица. Публичной и церковной проповеди отводилась роль пропагандистского рупора государственных идей.

Возможно и этим тоже объясняется пристрастие, которое императрица питала к церковному красноречию: специальным указом она требовала произнесение проповедей духовными персонами в придворной церкви во все воскресные дни. Идеология проповедей сводилась к созданию культа Петра, и формированию образа благочестивой продолжательницы государственных дел Петра (Елизавета «дщерь Петрова»); созданию негативного образа правления царственных предшественников, осуждая их царствования, но не сами лица, т.е. созданию историко-политической мифологии.

Историками отмечалось, что при Елизавете тематика проповеди не оставалась неизменной, трансформировалась из государственно-политической в нравственно-религиозную. И хотя все таки государственная тематика продолжает играть большую роль вплоть до конца 1740-х годов, тем не менее и проповедь «богословских» проблем обретала политическую окраску, так как способствовала формированию стереотипа отношения к правлению Елизаветы, как благочестивому, а значит законному. Таким образом, апологетические задачи жанра проповеди обуславливали его публицистическую функцию.

«Слово» Иоасафа отмечено традиционализмом, построено по правилам ораторского искусства, которые, в частности, требовали соблюдения классической трехчастной композиции.

Вступительная часть должна была привлечь внимание слушателя к заявленной ораторской теме – у Иоасафа это воспоминание о Ветхозаветной заповеди возлюбить Бога, утверждение необходимости ее исполнения и «новоблагодатным людям», и традиционное сравнение любви к Богу и любви к ближнему с «двумя ступенями лестницы», которая «стоит перед старающимися дойти» до Вечной Жизни.

В центральной части тема развивалась, иллюстрировалась яркими примерами из Библии, а также из церковной и светской истории. В «Слове» Иоасафа разворачивается три основных тезиса, во-первых, насколько сильна любовь Бога к человеку, во-вторых, какова должна быть любовь человека к Богу, и, в-третьих, о любви к ближнему.

Утверждение «Бог нас возлюбил как Бог» аргументируется тем, что мир был создан Богом для человека, в которого он вдохнул жизнь, наделил свободною волею, «все покорил ему под ноги, возвысил и чуть не сравнял с Ангелами».

Человек же не был благодарен, пошел против Бога. Но вторично Бог явил милосердие к человеку – как царь, дал в помощь закон через Моисея. Люди же обратили любовь свою к твари, стали поклоняться изваяниям, и Бог отринул людей от своей любви.

И снова Бог явил милость, как Отец послал в мир Единородного Своего Сына и через него дал людям Новый Закон. «Таким порядком Бог, возлюбив нас, через исповедание нынешним евангельским законником ищет взаимно любви от нас».

Затем Иоасаф цитирует Евангелие от Луки: «Возлюби же Господа твоего от всего сердца твоего, и от всея души твоея, и всею крепостию твоею, и всем помышлением твоим, и ближнего твоего, яко сам себе». В контексте других заповедей Христа – четырех из десяти, непосредственно касающихся веры в Бога («Я есть Господь твой», «Не сотвори себе кумира», «Не упоминай имени Господа в суе», «Помни день субботний») – эта заповедь выделяется как главная. Иоасаф рассуждает о том, как надлежит любить Бога в сравнении с любовью к человеку: «Любить Бога закон велит в четыре раза более, чем любить ближнего – от всего сердца, от всея души, всею крепостию, всем помышлением».

И далее проповедник последовательно и обстоятельно с аргументацией из Писания комментирует: «Тот каждый любит Бога от всего сердца, кто ...»; «Всякий тот любит Бога от всей души, кто ...»; «Тот каждый любит Бога всею крепостию, кто ...»; «Тот любит Бога всем помышлением, кто ...».

И, наконец, завершая центральную часть «Слова», Иоасаф призывает возлюбить Бога ради ближнего своего, и комментирует, как именно мы должны его любить.

В заключении обычно следует обращение к Богу с похвалой к герою проповеди или с призывом – уроком к аудитории.

Проповедь Иоасафа завершается благодарностью Богу о даровании людям «венценосной Елисаветы» и цитатой из священного писания «Господи, спаси Царя и услыши нас, в онъже аще день призовет Тя. Аминь».

Иоасаф традиционен в том, что его проповедь нацелена на то, чтобы потрясти воображение слушателя своим пафосом, высоким стилем, ритмической организацией речи, активизацией восприятия с помощью риторических вопросов и восклицаний.

«Слово» насыщено цитатами и развернутыми сравнениями из библейских текстов, метафорическими образами и антитетическими построениями.

Высокое риторическое искусство способствует активизации восприятия слушателя за счет обилия риторических фигур.

Несомненно, проповедь Иоасафа как художественный феномен эпохи традиционализма ориентирована не на новое и оригинальное, а на типически повторяющееся – на «общие места», на топосы. При этом структура произведения организована в соответствии с ожиданиями слушателя, искусственного в церковном красноречии.

Естественно, что в таком произведении не могла не проявиться и рефлексивность. Автор не только читает проповедь, но и тут же толкует ее, что приводит к возникновению «метаобраза» типичного для рефлексивного традиционализма – к рассказу о том, как рассказывается: «Полагаю, что это рассуждение не будет противным писанному древне в законе ...»; «Итак, последуем этому порядку!»; «Думаю, что ни для кого не надо толковать, что значит ...»; «Я сказал об этом только для примера. Об остальном подумаем про себя...»; «Не надо много речей, как Его любить в этом смысле, чтобы изъяснить».

Само произведение тут как бы становится и поэтикой, и риторикой, являя пример риторической рефлексии.

В традиционалистской риторической культуре и слово дано автору «готовым». Слово «готово» в том смысле, что «уже было идеально высказано в акте творения, оно должно быть адекватным своему образцу (и всей традиции его интерпретации)».

«Риторическая философия слова радикально отличается от позднейшей уверенности в том, что слово искажает мысль... В силу подобного статуса слово не принадлежит автору или герою, оно преднаходится ими, задано божественным актом, культивировано культурой...».

Такое «преосуществленное» слово не предполагает возможности других существенных суждений о предмете, поэтому оно, по терминологии Бахтина, является одноголосым, зависящим от одного сознания автора, который приобщен к абсолютной точке зрения.

Слово проповедническое Иоасафа является вещающим, изрекающим, прямо направленным на свой предмет и выполняет публицистическую функцию.

* * *

В литературно-художественной форме выразил свое отношение к православной вере Ю.Н. Говоруха-Отрок (1854-1896). Литературный и театральный критик, публицист, Юрий Николаевич был родом из села Таврово под Белгородом, в котором находилось имение отца, Н.Ф. Говоруха-Отрока. Учился в Харькове – сначала в гимназии, затем в университете. За создание революционного кружка был арестован и два года провел в одиночном заключении в Петропавловской крепости. После освобождения из тюрьмы стал убежденным противником революционных идей, сторонником монархии и глубоко верующим человеком.

Свои прозаические произведения создавал на автобиографической основе. Так в очерке «Тюрьма и крепость. Из посмертных записок последнего арестанта» Юрий Николаевич рассказал о многочисленных допросах и своем пребывании по «процессу 193-х» несколько лет в одиночных камерах. За годы заключения Ю.Н. Говоруха-Отрок много пережил и

передумал. От самоубийства в крепости его удержало Евангелие, оставленное в камере его предшественником. Священное писание удержало его от смерти и укрепило дух. Жизнь Христа, его готовность пожертвовать собой, принять муки за человечество сделали бывшего революционера глубоко верующим человеком. Вера способствовала расцвету таланта, осветила жизненный путь и приобщила к жизни народа. Говорухо-Отрок стал убежденным православным идеологом, сторонником самобытного развития России и монархии как высшей формы государственной власти.

В своих произведениях на основе богатого жизненного опыта писатель имел право сказать правду о жизни и о себе. В статье о Достоевском он замечает, что «только великим страданием покупается благодать веры». «В наш век, – писал он, – человечество уверовало в свой разум, как в абсолютный критерий истины, и поклонилось ему: уверовало не в то, что этот разум, одухотворенный верою, может иногда проникнуть пути Божии и в тайны Божии, явленные в природе, а в то, что этих путей, этих тайн вовсе нет, и что человечество одним своим разумом должно и может устроиться здесь, на теперешней земле уже в совершенной и окончательной гармонии».

Говорухо-Отрок считает, что все усилия европейской науки, искусства и философии направлены не к достижению «правды Божией», а к достижению нравственного и материального комфорта, к достижению земных целей, к осуществлению земных желаний. «Душа человеческая, бессмертная душа отринута, и о ней уже никто не задумывается».

Задачу человеческого существования писатель видел в религиозно-нравственном становлении личности. В журнале «Московские ведомости» за 13 января 1891 г. им было сказано о том, что «человек существует не для счастья... жизнь его есть подвиг страдания и искупления».

Проблеме веры в Бога, спасительной для человека, посвящен рассказ Ю.Н. Говорухо-Отрока «Легенда о Сатане». Выбор легенды в качестве жанра придает произведению обобщающий символический смысл неуничтожимости веры в Бога... Сюжет легенды сосредоточен на противостоянии Сатаны Сыну Божию. Падший ангел соблазняет людей гордым неверием, убеждением в том, что нет Бога, нет вечности, нет Христа, нет воскресения. Но вопреки свирепой ненависти Сатаны люди, природа, все мироздание приходят к истине о том, что «есть Бог, есть вечность, есть Христос, есть воскресение».

«Дрогнул Сатана и скорчился, и завопил, и со страшными проклятиями ринулся в бездну.

А солнце все ярче и ярче светило на небе; а цветы, травки, былинки все громче и громче, все радостней и радостней звенели на земле:

«Есть Бог, есть вечность, есть Христос, есть воскресение».

Приложение к третьей главе

Иоасаф (Горленко)

«Слово святителя Иоасафа Белгородского о любви к Богу»

Как недалеко от нас Вечная жизнь, христоносный слушатель? Только с двумя ступенями лестница стоит перед старающимися дойти до нее, как слышали ныне из Евангелия от Луки, которое читалось. Эти ступени, я разумею, – любовь к Богу и сродная ей любовь к ближнему. Сказано: *возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего, и от всея души твоея, и всюю крепостию твоею, и всем помышлением твоим, и ближнего твоего, яко сам себе* (Лк. 10, 27). Заповедь эта не нового составления. Она древняя, была дана ещё давно через Моисея по случаю спасительного вопроса о том, что писано в законе. Если она была нужна для хранения ветхозаветными законниками, то новоблагодатным людям есть большая потребность её исполнять, потому что они получили от Бога большую любовь к себе. Заповедь эта – любить Бога и любить ближнего – кажется малою и лёгкою. Но если бы её исполнять, то желающим спастись не было бы более любезного, чем заниматься ею. В этих двух заповедях вся сила закона и пророков.

Как же это может быть? Так, когда кто первые четыре из десяти данных чрез Моисея заповеди принимает и исполняет, как-то: *Аз есмь Господь Бог твой; не сотвори себе кумира; не приемлиши имени Господа Бога твоего всуе; помни день субботний, еже святити его, – то какую добродетель исполняет, как не любовь к Богу? О Боге и речь идёт. Последние же шесть, как-то: не убиеш, не прелюбы сотвориши, не украдеш и другие, – эти же касаются любви ближнего. Таким образом, исполняющий эти две заповеди исполняет весь закон. Другого пути, который бы вёл более последовательно к наследованию Вечного Жития, кроме того, чтобы любить Бога и любить ближнего, мы не находим. Любить Бога закон велит в четыре раза более, чем любить ближнего: и от всего сердца, и от всей души, и всюю крепостию, и всем помышлением, а ближнего – однажды и так, как самого себя. О любви к ближнему мы скажем после. Указанные свойства любви к Богу: сердце и душа, крепость и помышление – находятся между собой в близком родстве. Ведь сердечное действие – что, как не душевное, и что душевное, как не мысль, и от них рождающаяся крепость? Но мне представляется, что четверица слов этих может основательнее показать, в частности с четырёх сторон, как любить Бога, достойного любви сверх меры. Что значит любить Бога от всего сердца, как не то, чтобы любить Его как своего Бога Создателя? От всей души любить как Царя, а всюю крепостию – как Отца, всем помышлением – как Судию. Полагаю, что это рассуждение не будет противным писанному древле в законе и что, справедливо требует от нас в новой благодати закон, исполнить свою любовь к Богу в четыре раза более. Никто не восстанет против этого, когда прежде всего вспомним про любовь Божию как нам, как сам Он такую мерю возлюбил нас. *Мы, – говорит апостол, – любим Его, яко Той первее возлюбил есть нас* (1 Ин. 4, 19). Отсюда научаемся усерднее любить Бога и ради Бога – своего ближнего. Итак, последуем этому порядку!*

Бог нас возлюбил как Бог. Спрашиваю вас, мудрые слушатели, кто вначале понудил Его создать столь прекрасный свет? Кто сотворил солнце и луну? Кто украсил небо звёздами и рассыпал цветы по земле? Кто пустил по воздуху птиц и по пустыням разогнал зверей? Кто излил воду и наполнил рыбами? Кто же насадил и рай и для кого всё это, как не для нас одних? Наконец, сверх всего этого персть взял от земли и от брения, из смрадного болота, создал столь дивное творение – человека, вдохнул в него дух жизни, почтил его свободною волею, дал естественный закон для его хранения, и сделал господином над тварию, всё покорил ему под ноги. Никакой Ему нужды в этом не было, то действовала одна только милосердная любовь Божия к человеку ещё прежде его создания. И когда так возлюбил и возвысил его, когда только что чуть не сравнял с Ангелами, *ибо умалил еси его малым чим от Ангел* (Пс. 8, 6), то какая была за это от человека благодарность? Ничем не был благодарен человек; он пошел против Бога, задумал быть равен Ему, как и сатана изначала. Но тотчас ту же и потерял к себе любовь Божию. По праведному суду Божию ненавидящий Бога бывает ненавидим. Господин твари переменяется в её раба. Хотевший сравняться с Богом осуждается с диаволом.

Но навеки ли так погибает? Нет, не забыл Милосердный Бог дело Своих рук, которое создал по любви, чтобы оно до конца было возненавидено. Опять явил Свою любовь к человеку и уже как Царь дал в помощь закон. Перстом своим начертал: *Аз есмь Господь Бог твой...да не будут тебе бози инии разве Мене* (Исх. 20, 2-3), объявляет торжественно, с трубами, в огне, среди великого трепета, в общее сведение народа, чрез избранника Своего Моисея, как бы говоря: забылся человек, не помнит, чьё он создание, и перестал любить Меня; итак, дай ему для напоминания на письме эту заповедь: *Аз есмь Господь Бог твой* – с прибавлением: *возлюбиши Господа Бога Твоего*, с таким под угрозю смертной казни предупреждением: *иже пожрет Богом убиен будет*. Этим привёл Израиль в трепет. Одержимые страхом, люди обращаются к нему и проявляют свою готовность послушания заповеди, только бы Сам Бог по нетерпимому для них ужасу не говорил, и сказали Моисею: *Глаголи ты с нами, да не глаголет к нам Бог, да не когда умрем* (Исх. 20, 19). Поэтому Моисей, ободря не бояться, указывает причину страха, проявленного при вручении закона. Уповайте, сказал, *держайте: искушения бо ради приде Бог к вам, яко да будет страх Его в вас, да не согрешайте* (Исх. 20, 20). То есь да не отступите от Него и не отпадете снова от Его любви. Так Бог как Царь вторично человека, заслужившего Его неблаговоление, суровым законом заставил возвратиться к Его любви. Но страх этот в отцах наших долго ли продержался, ужели они это царское повеление сохранили неповреждённым, ужели вошли в любовь Божию, ужели примирили? О какое бедствие! О жестокосердый народ! Дотоле была любовь, доколе страх был видим перед очами. Потом – горькое раздражение; пошли по страстям, оставили Бога, создавшего их, и обратили любовь свою к твари, стали поклоняться изваяниям. Снова стали мерзкими пред Богом, спали в лютейшую беду. Совершенно прогневался Бог, и чрез пророка Осию под образом сына отринул прочь от своей любви. *Прозови, – изрек, – имя ему, не людие Мои: зане вы не людие Мои, и Аз несмь Бог ваш* (Ос. 1, 9). О сколь лютое сиротство! Создание было уже отринуту своим Создателем!

Посмотрим же, что далее делает Бог. Когда уже по всем правилам справедливости нельзя было человеку быть помилованным, там Бог, вспомняв о нём, ещё большую являет милость. Как Отец, Он положил твёрдую любовь, Благий, Он послал в мир Единородного Своего Сына в очищение, да будет Он Примирителем и Ходатаем пред Ним за нас. Он, придя, закон Моисеев, начертанный перстом Отчим, подписал кровию Своею, нещадно за нас излиянною; запечатлев Своею смертию, преподал нам новый милосерднейший закон, без громов, без страха и в меньшем числе – только в семи Таинствах, и тем воссоединил нас в такую любовь, что не только примирил нас с Богом,

Отцом Своим, но исходатайствовал нам ещё и сыновство. *Елицы же прияша Его, даде им область чадом Божиим быти* (Ин. 1, 12).

Еяже ради вины не стыдится братию нарицати их (Евр. 2, 11). Отсюда-то мы и в нуждах наших прибегаем дерзновенно к Небесному Отцу и, как плачущие дети, просим у Отца на каждый день хлеба. *Отче наш...хлеб наш насущный даждь нам днесь*. И бывает слышимы в молитвах. *Иже убо Сына Своего не пощаде, но за нас всех предал есть Его, како убо не и с Ним вся нам дарствует* (Рим. 8, 32).

Итак, христороубцы, вникнем, сколь великую любовь явил нам Небесный Отец, когда не пощадил отдать за нас Своего Единородного Сына, чтобы сделать нас сынами. Каждый, размышляя об этом, внесет в отношении себя справедливое решение. Следовало бы нам, презиравшим эту любовь, вовеки не являть милости, но, не терпя более, воздать каждому по делам без пощады. Павел взывает: *Отверглся кто закона Моисеева, без милосердия при двоих или троих свидетелех умирает. Колико, мните, горшая сподобится муки, иже Сына Божия поправый и кровь завета за скверну возмнив, ея же освятися, и Духа благодати укоривый* (Евр. 10, 28-29). Не мы ли, освящённые Его кровию и пребывающие в нерадении, этой муки бываем ежечасно заслуживающими? Но и здесь Бог вконец всегда, как Судия на осуждённом, проявляет на нас любовь. Не взыскивает за грехи, избавляет от мучения, день за днем ожидая покаяния, как вертоград, плода на бесплодной смоковнице.

Таким порядком Бог, возлюбив нас и видя столько потерянную и теряемую нами Его любовь, опять её восстанавливает и по написанному древле в законе: *возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего, и от вся души твоея, и всю крепостию твоею, и всем помышлением твоим*, чрез исповедание нынешним евангельским законником ищет взаимно любви от нас. Ибо ему Иисус сказал: *Сие сотвори и жив будещи*. А в залог той любви от нас к Себе, чтобы, не видя Его пред глазами, не отпадали от неё, как бы некоего надзирателя, учреждает вторую любовь к ближнему, которого вы видим пред собою и подобострастного, как себя, любить. Именно себя любить и ближнего, сказал, яко сам себя. Думаю, что ни для кого не надо толковать, что значит любить Бога. Знаем апостола, говорящего: *Сия бо есть любви Божия, да заповеди Его соблюдаем* (1 Ин. 5, 3). Но время уже сказать, как Его любить: от сердца, всей души, и крепостию, и помышлением.

Тот каждый любит Бога от всего сердца, кто сердцем чистым нелицемерно исполняет Его заповеди, отсекая прочь исходящие из него, по слову Христову: *помышления злая, убийства, прелюбодеяния... татьбы, лжесвидетельства, хулы* (Мф. 15, 19) и другое сему подобное. Этот вид любви к Богу проистекает из самого естества. Возьмём подобие от четырёх стихий: как они стремятся к своему основанию, когда земля падает на землю, воздух растворяется с воздухом, когда огонь рвётся вверх к огню. Бог – средоточие сердца нашего. Как Сам Он чист, так по образу Своему и подобию соделал в нас сердце чистое и смыслящее разуметь доброе и злое. Когда по сердечному влечению без всякой угрозы и принуждения убегаем от зла и творим благое, от сердца тогда исполняем божественные заповеди, а исполняя их, проявляем любовь к Богу, любя от всего сердца как Бога своего Создателя. Какое Он сердце создал чистым, такое к Нему и обратим.

Всякий тот любит Бога от всей души, кто ради великой любви к Нему своей души, то есть живота своего, не щадит, по совету евангельскому: *иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю, и иже аще погубит душу свою Мене ради, обрящет ю* (Мф. 16, 25.) Этот вид любви к Богу воспримем от мучеников. Они так возлюбили Его, что и души за Него положили. Что же? Есть ли нужда воскрешать Нерона или Диоклетиана или предаваться Максимилиану, чтобы для любви Божией отрешили нас от живота? Нет! Не о таком мученичестве говорю, но о подобном ему; речь не о лишении живота, но о добровольном страдальчестве, о самоотвержении и умерщвлении живущих в нас страстей, которые, как душа в теле, живут и движутся в наших чувствах. Если их оста-

вим живыми – погубим душу; если же предадим их погибели ради любви Божией – обретём свою душу в Вечной Жизни. Но нам не будет нужды искать мучителей, когда начнем худшее покорять лучшему. Например, если любезна нам слава человеческая – побегим от неё прочь. Вот нам будет и Нерон, отсекающий ноги. Если богатство любезно – расточим его в раздаянии милостыни. Вот и Диоклетиан, отнимающий руки и всего раздробляющий колёсами на части. Если красота телесная веселит нас – отвратим от неё очи. Вот наш Максимилиан, выкалывающий очи. А сколь мучительно оставить любящим всё это, нельзя выразить. Лучше бы с душою расстаться, чем остаться без них. Я сказал об этом только для примера. Об остальном подумаем про себя, какие живут в нас страсти, и что с ними за борьба, и что это за мучители, когда начнётся попытка отстать от них и оставить. *Кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщедит* (Мф. 16, 26). Ни здесь пользы, ни в будущем веке. Здесь, хотя славен будет, да смерть лишит чести, когда сделает безобразным. Хотя и богат, да ничего с собой не возьмёт, разве три аршина земли. Хотя и прекрасен, да гроб покроет прахом, а бедной душе, когда окажется заключенной в аду, какая польза? Поэтому мы, желающие любить Бога, всегда должны мёртвость Господа Иисуса на теле своём нести и таким образом возлюбить Его от всей души, как Царя, ибо будем как хорошие воины, вооружившиеся в броню и за царскую любовь предающие свой живот.

Тот каждый любит Бога всю крепостию, кто не предпочитает Его любви ничего: ни отца, ни мать, ни братию, ни друзей, по завету евангельскому: *иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10, 37). Этот вид любви к Богу познаем от малых детей, питающихся молоком. Они, которым ещё руководительница – беззлобие, когда временно не видит пред глазами родивших и кормящих их, находятся в скуке и старательно ищут их, пока не найдут. Такой крепости любви научимся и мы, желающие любить Бога. Станем всегда помнить, как Он нас согревает, одевает, питает, более же всего – как Он неистощимою пищею предложил нам ежедневно в трапезу хлебом Тело, а вином – Кровь Своего Единородного Сына. Сколь велики приготовил сокровища в будущем нашем Отечестве. Памятуя это, взыщем Его с Павлом, желая более всего разрешиться от тела и к Нему пойти. Потужим с Псалмопевцем, говоря: *возжада душа моя к Богу Крепкому, Живому; когда приду и явлюся лицу Божию*. (Пс. 41, 3). Так, любящий Его, станем любить Его всю крепостию, как Отца.

Тот любит Бога всем помышлением, кто, нося в уме того неключимого евангельского раба, что ввержен был в тьму кромешную, и, сознавая на себе долготерпение Божие, исправляет жизнь покаянием. Этот образ любви к Богу воспримем от осуждённого на смерть злодея. Как он, когда уже нет никакой помощи и за свои дела достойно присуждается к смерти, и стоит уже связанным, и видит мучителей, готовящих орудия: встряски, огонь, рожны, колёса, топоры и прочее, весь трепещет и ужасается часа смертного. И когда к такому осужденному Судия внезапно изменяется и являет милосердие, освобождает от мук и смерти, то какой любви он исполняется к Судии? Об этом можно уразуметь из евангельского слова: ему же мало оставляется, меньше любит (Лк. 7, 47), а когда больше, то больше и любит Оставляющего грехи. Что же более оставить, как не то, чтобы, простив все злодеяния, даровать жизнь? Это и есть любовь превосходящая. Так и мы, желающие любить Бога, станем помышлять, как долготерпит к нам, достойным вечной муки, праведный Судия, как угрожает скрежетом зубным, червем неусыпающим, вечным плачем и как прощает невнимающим лютые согрешения, ожидая покаяния. Обратимся же наконец к исправлению и, созерцая как бы сущим пред очами грозного Судию, восплачем, взывая: *Господи, потерпи на мне, и вся Ты воздам* (Мф. 18, 26). Итак, по решимости станем исправлять день за днём развращённую жизнь, всегда держа в душе: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8). Так, себя исправляя, станем любить Бога как Судию всем помышлением, и эта любовь Бога удовлетворит нас.

Возлюбим же наконец ещё Бога ради ближнего своего. Не надо много речей, как Его любить в этом смысле, чтобы изъяснить. Ясное толкование – в самой Божественной заповеди, когда говорит: яко себе самого. Кто замечал, как мы себя любим, не спрашиваю. Хорошо знаю, что никого нельзя вернее любить, как самого себя. Что делается в человеке, когда он не хочет быть в наготе, не обещает быть нищим и попрошайкою, не желает терпеть никакой нужды? Всякий скажет мне, что благополучие наименее неприятнее злополучия. Откуда же расположение к первому, а не к последнему, как не от природной к себе любви?! Так и своего ближнего мы должны любить: чего не желаем себе, не станем делать ближнему, и не только не делать, но и желать. Какой судия желал бы быть судимым и входить чрез волокиту изо дня в день в убытки и беспокойство? Не думаю, чтобы кто-либо пожелал этого! И ближнему этого не делай. Кому приятно, чтобы с него сняли одежду? Никому. Так ближнему не делай обиды. Кто захотел бы алкать, жаждать и днём и ночью терпеть мороз в наготе? Никто. И ближнему своему не будь желателем подобного. Тот же будет не желающим этого ближнему, кто, видя слепых, хромых, нагих, бедных на улицах города, скитающихся ради пропитания, и, размышляя в себе, как бедно наше состояние, как все родились не в парче, нагими вышли из чрева, нагими и в гроб пойдём, да кто лучше припомнит, что Христос не за князей только и благородных, но и за нищих равно пролил кровь Свою, а мы не милосердствуем о нашей братии сотворить с ними милость. Словом, всякое дело милосердное, что евангелист Матфей достаточно полно показал, явленное ближнему, есть проявление любви к Нему: голодному дать хлеба, напоить жаждущего, ввести в дом странника, одеть нагого, посетить больного, посострадать сидящему в тюрьме – вот есть любовь к ближнему, от ближнего восходящая к Богу. Поступая так, и мы возлюбим Бога и ближнего своего, как себя самих, и так исполним закон Божественный. И в Боге пребудем, и Бог в нас пребудет. *Бог бо, – сказано, – любви есть, и пребываяй в любви, в Бозе пребывает, и Бог в нем пребывает* (1 Ин. 4, 16).

О Боже наш! Возлюбил нас и любишь, пребудь же в нас неотлучно. Когда любовь Твоя в нас пребывает, и Ты пребудешь, из того всё познаем, когда Тобою возлюбленную, по Тебе, Отце Небесном, нами обладающую, всем любезную и всех любящую мать нашу венценосную Елисавету даруешь нам в долготу дней, скипетр царства своего держащую. Уповающие на Тебя к Тебе взываем: Господи, спаси Царя и услыши нас, в оньже аще день призовем Тя. Аминь.

Печатается по изданию: Белгородский чудотворец. – М., 1997.

Ю.Н. Говорухо-Отрок

«Легенда о Сатане»

Когда Сын Божий сошёл на землю, чтобы взять на себя грехи мира, чтобы претерпеть крестную смерть, искупить человечество дорогой ценой, - сатана не поверил в Сына Божия. Сердце его зачерствело, давно утратило способность любить и верить, и он ничему не мог поверить, чего не мог объять и проникнуть умом своим. И хотя ум его был неизменно выше ума человеческого, он не мог объять и проникнуть умом своим того, что не могли объять и проникнуть умом и ангелы на небесах - тайны воплощения Божества. И смущённый явлением на земле сына божия, сатана, в гордыне своей, все же мыслил, что и сей, владеющий могуществом и властью сверхчеловеческими, не устоит против силы искушения его.

И искушал.

И отошёл со стыдом, не выдержав взгляда его очей, таких благих и ясных, каких не видел мир, каких никогда не видел сатана и у ангелов небесных.

И со звучащими в ушах словами: «Отойди от меня, сатана», - произнесёнными нездешним голосом, с неземными глубиной и силой, бродил сатана среди бесплодной и безводной пустыне.

Смеялся он и над гневом божьим, смеялся он и над обетованием божьим о том, который придёт и сотрёт главу змею; но теперь сей, сошедший на землю в нищенском образе, смутил его.

Не находя себе места, сатана бродил по земле.

Он слышал проповедь божественного учителя, он видел чудеса и воскрешение Лазаря, видел, как самые бесы повинуются слову сына божия. И злоба всё более и более накалилась в его сердце. Невидимо, силою бесовской, распался он ненавистью и страсти в ватаге фарисейской, невидимый ходил по пятам за Иудой, капля по капле вливал яд в его сердце.

И когда, наконец, сатана увидел его, покорившего мир, едущего на ослике, шествующего как царь среди несметной толпы народа, устилающей путь его одеждами и пальмовыми ветвями, когда он услышал громовое «Осанна», раздавшееся на земле и подхваченное хорами ангелов на небе, – тогда злоба его перешла меру терпения.

И, распалившись, князь тьмы употребил всю силу свою, всю власть свою над душами людей, уже ему подвластных. Он влил в отравленное сердце Иуды еще последнюю каплю, он рассеял последнее колебание в душах учителей народных и первосвященников.

И то, чему от века предназначено было совершиться, – совершилось.

С иступленным торжеством смотрел сатана, как судили сына божия; видел его, поруганного, оплеванного, задушенного; видел его в муках на кресте; присутствовал при тяжкой борьбе его духа. И улыбка гордого торжества проступила на мрачном лице владыки ада, когда он увидел всё это, и чело его разгладилось и засмеялся он тихим и долгим смехом, от которого вздрогнула всякая земная тварь... И в неслыханной гордыне думал он: «Вот умираешь сам, ты, побеждающий смерть и ад – раб смерти».

Но когда Христос умер на кресте, когда в то же мгновение и земля и небо потряслись от громового вопля серафимов и херувимов, возгласивших громовое «Осанна», – вздрогнул сатана, и побледнел и застыл на месте. И в страшной тоске бросился он в пустыню бесплодную, и бродил там, а громовое «Осанна» все звучало в ушах. Но он, ободряя себя, говорил: «Он умер и не воскреснет, – смерть никогда не отдаёт своих жертв, не отдаст и его, ибо он был из плоти и крови, был земля- и обратился в землю. Пусть гремят своё «Осанна». Это всё тот же обман, довременный, предвечный обман».

И так успокоив себя, пошёл он, влекомый как бы неведомою силой, ко гробу господню. И видел он, как ангел снизошёл с неба и отвалил камень у гроба; видел, как в беспомощности стража упала на землю; видел, как сын божий восстал и ожил. Слышал он, как и небо, и земля, и все мириады мира и вся вселенная сотряслись, когда силы небесные славил чудо воскресения сына божия, вопия:

Христос воскрес из мертвых,
Смертью смерть попра,
И сущим во гробех живот дарова!

И прислушавшись к звукам этой новой, неслыханной песни, сатана оледенел от ужаса. Он бросился бежать, сам не зная куда, будто кто за ним гнался по пятам, но вопли сил небесных, славивших Христа новою, чудесною песнью, всё преследовали его и жгли, и терзали и мучили каждым звуком, каждым словом. Сатана ринулся в бездну, но и там, в его царстве, звуки святой песни преследовали его и жгли и терзали...

Мёртвая тишина воцарилась в бездне ада; всё приникло, как приникает тварь земная, чуя близость грозы; приник сам сатана, чуя близость его, победившего смерть и ад.

И он уже был близок. Окружённый силами небесными, сошёл он в мрачную бездну ада, с лицом светлым, как солнце, в одеждах белых, как снег.

И остановился сын божий против мрачного трепещущего князя тьмы и взглянул он, распятый на кресте, в муках умерший за грехи мира, смертью смерть поправший. И не выдержал сатана его взгляда и поник, и будто окаменел, недвижимый...

И по манию сына божьего ангелы небесные наложили цепи на князя тьмы, ибо кончилось царство его.

И сын божий еще раз отверз уста, глаголя:

«Истинно говорю вам! Доколе в час моего воскресения хотя один человек на земле с верою и умилением скажет сии слова: «Христос воскрес», доколе не распадетсЯ цепь сия; писано бо есть: «тогда поглощена будет смерть победою! Смерть, где жало твое? Ад, где победа твоя?»»

И еще раз взглянув на поверженного сатану, вознёсся сын божий на небеса и святые ангелы с ним, вопия, взывая и глаголя:

Христос воскрес из мертвых,
Смертью смерть попра,
И сущим во гробех живот дарова!

II

И когда опомнился сатана, страшная злоба закипела в сердце его, ибо он видел и не поверил.

И скрежеща зубами и гремя сковывающею его цепью, в страшном ожесточении он начал пилить свою цепь. И пилил непрестанно, без отдыха, с пеною на посиневших губах, с ненавистью в помутившемся взгляде, со страшными проклятиями на устах.

Но цепь не распадалась. Прошло много времени, а он успел распилить цепь только до половины. Прошло время ещё время, и вот цепь уже почти распадалась. Поднял голову торжествующий сатана; страшные проклятия, обращённые к небу, удвоенною силой, он сделал ещё один взмах, долженствовавший разрушить цепь...

Но в это мгновение из глубины катакомб, с окровавленных арен цирков, из мрака темниц, тысячи голосов, со слезами и умилением возопияли: «Христос воскрес!»- а силы небесные вторили своим громовым воплем земным слезам, земным вздохам.

И в то же мгновение, как только были произнесены на земле святые слова, цепь, сковывающая сатану, снова срослась...

Страшно завопил сатана и в судорогах грохнулся о землю...

Шли года, а сатана всё продолжал свою бесконечную работу, потому что как только в храмах, во дворцах, в лачугах, тюрьмах люди восклицали: «Христос воскрес», – перепиленная цепь снова срасталась, и снова в тоске и отчаянии сатана падал на землю, потрясая бездну своими воплями и проклятиями...

Шли года, шли десятки лет, шли столетия и уже тысячи, не десятки, не сотни тысяч, а миллионы людей, во всех концах земли, каждый год, в час Воскресения Христова произносили святые слова...

И сатана отчаялся... Безнадёжно, с смертною тоской в душе пилил он свою цепь...

Отчаялись и служебные духи его, глядя на отчаяние своего владыки.

Не отчаялся только один любимый его аггел.

Он предстал пред трон сатаны и сказал:

«О, мой великий властитель! Снова и снова предвечный обман затемнил нам очи. Целые века ты пилишь свою цепь и не можешь распилить, потому что каждый раз, как она готова уже распасться, люди произносят слова, которые околдовывают твою цепь. Надо сделать так, чтобы они не произносили этих слов- и тогда цепь распадется, и ты освободишься, и победим.

Великий владыка, позволь мне идти на землю и сделать это. Люди всегда - люди и надо уметь искушать их. Я затрону их гордость, я затрону похоть плоти их; я скажу им, что нет Бога, нет вечности, нет Христа, нет воскресения; я буду смеяться над ними: я скажу, что их одурачили и что они сами себя дурачат; я уверю их, что все бед-

ствия их, все несчастья их, всё несовершенство их происходит от того, что они верят в Бога, в вечность, в Христа, в воскресение, в победу над смертью. И они поверят мне, и возмутятся и отвергнут Бога, и вечность, и Христа, и воскресение.

Пусть мой путь будет долог и труден, пусть пройдут века и века, пока я исполню всё, но лучше же достигнуть цели через века, которые для нас, бесплотных духов, всё равно, что мгновения, нежели всю вечность истощаться в бесплодных усилиях. Великий владыко, отпусти меня!»

И стана отпустил его.

Ангел пришел на землю. Он знал, что здесь миллионы людей славят Бога, вечность, Христа, воскресение, но не смутился этим. Осмотревшись, он избрал свою жертву.

Старик учёный, всю жизнь погружённый в книги, сидел в бедной своей келье и читал при свете убогой лампы. Он постиг всю мудрость человеческую, всю мудрость веков; он знал всё, что есть и было, и лишь тайны бытия не постиг он и не мог постигнуть. И сердце его разрывалось на части, когда он думал о том, что постиг всю мудрость веков для того лишь, чтобы узнать, что ничего не знает. Часто он плакал и молился, желая отогнать от себя эти тяжкие мысли, и тогда они таяли от силы молитвы и слёз, но иногда ещё более терзали его, и тогда слова молитвы мертвенно звучали в его душе, в его сердце.

И вот теперь, когда он думал о том же, ангел невидимо проник в его келью. Чем-то тягостным повеяло в келье, и голова старика затуманилась. Он хотел прилечь и уснуть, но сон бежал от его очей. Голова горела, в висках стучало, а мысли, одна другой мучительней, одна другой тягостней, шли, чередуясь, всё быстрее и быстрее.

И вдруг, среди мертвенной тишины ночи, старику почудилось, что кто-то стоит у его изголовья и шепчет тихо, но явственно, будто в легком дуновении:

«Нет Бога, нет вечности, нет Христа, нет воскресения...» Холодный пот выступил на лбу старого учёного, седые волосы зашевелились на голове; он хотел поднять руку, чтобы сотворить крестное знамение, рука будто оледенела; он хотел прошептать молитву, но помертвелые губы его шевелились беззвучно и безмысленно.

А странный шёпот всё не умолкал.

Медленно, тихо, но внятно, как слабый звук монотонно падающих одна за другую капель, проникал он в ухо старика тот же шёпот:

«Нет Бога, нет вечности, нет Христа, нет воскресения...»

И целую ночь преследовал оледенелого от ужаса старика страшный кошмар; а едва занялась заря, он вышел из дому и пошёл бродить, куда глаза глядят. Он прошёл город, прошёл поле, вошёл в лес, не замечая, куда идёт, с опущенной головой, углубившись в какую-то думу. Он и сам не мог бы сказать, о чём думает, только на сердце у него было тяжело, а в голове смутно. Наступило чудное весеннее утро; лес зеленел и благоухал, птицы пели, приютившись в ветвях деревьев, зелёный ковёр лужайки пестрел цветами. Не замечая ничего, старик присел на обрубок пня и сидел с опущенной головой, погружённый в свои странные думы.

И вдруг, помимо своей воли, сам не замечая, машинально, он тихо и медленно проговорил:

«Нет Бога, нет вечности, нет Христа, нет воскресения...» Но только что он успел сказать, как где-то, у ног его, множество тоненьких голосков, приятных, как звук крошечных серебряных колокольчиков, потихоньку, все хором, прозвенели: «Есть Бог, есть вечность, есть Христос, есть воскресение...»

Старик изумлённо оглянулся вокруг себя; а потом посмотрел вниз, на луг, и увидел, что это пестреющие на нём цветы, все хором, вновь и вновь повторяют:

«Есть Бог, есть вечность, есть Христос, есть воскресение...»

Все цветы, вместе и порознь, каждый со своего места: серебристые ландыши, обрызганные росой, из-под тени кустов, желтофиоли и голубенькие колокольчики- с середины луга, маленькие анютины глазки – с берега пробежавшего чуть ручья - все они хором, потихоньку, звенящими серебристыми голосками повторяли:

«Есть Бог, есть вечность, есть Христос, есть воскресение...»

И чем более старый учёный прислушивался к этим диким, сребристым голосам, говорившим о вечности, о Христе, о воскресении, тем светлее и светлее становилось у него на душе, тем ровнее и спокойнее билось его сердце, а прояснившиеся старческие глаза увлажнялись слезами.

Он поднял голову и посмотрел кругом на зеленеющий лес, на изумрудный луг, на серебристый ручей, на голубое чистое и светлое, будто бездонное, небо.

И показалось ему, что как бы тихое дуновение пронеслось по всему лесу, – и в этом шелесте леса, и в журчанье ручья, и в колыхании цветов, и в тихом чирикании перепархивающих с ветки на ветку птиц слышались те же раздававшиеся, Бог весть откуда, тихие слова:

«Есть Бог, есть вечность, есть Христос, есть воскресение...»

И раскрылась душа старого учёного, и спала тяжесть с сердца его, и он пал на колени среди зелёного луга, и заплакал, и плакал долго, неудержимыми, сладкими слезами – и плакал и молился, повторяя:

«Есть Бог, есть вечность, есть Христос, есть воскресение...»

И старик успокоенный воротился домой в свою келью.

Но наступила ночь, и снова чем-то тягостным повеяло в келье, и снова, кто-то стоял у его изголовья и снова раздавался тот же тихий, как дуновенье, но внятный шёпот:

«Нет Бога, нет вечности, нет Христа, нет воскресения...»

Так продолжалось много ночей.

Старый учёный привык к странному шёпоту и более не ужасался. Тысячи мыслей зароились в его голове. И вдруг ему показалось, что он проник в тайну бытия, и что эта тайна бытия заключается в том, что нет Бога, нет вечности, нет Христа, нет воскресения. Горделивая улыбка появилась на лице старика; он – первый он, узнал это; он – первый он, разгадал эту тайну бытия.

Он судорожно вскочил со своего бедного ложа и с загоревшимися глазами, с улыбкой гордого торжества на губах, упоенный одним предчувствием того, что он делает, с гордым восторгом произнес:

«Я первый возвещу миру, что нет Бога, нет вечности, нет Христа, нет воскресения! Я сниму слепоту с людских очей, я открою людям тайну бытия!»

И с этого часа старый учёный углубился в свою работу. Через несколько лет он написал книгу, в которой возвестил миру, что нет Бога, нет вечности, нет Христа, нет воскресения; что только без Бога, без вечности, без Христа, без воскресения становится понятна тайна бытия, становится понятным простое и ясное устройство мира.

И люди восстали на старого учёного. Они осудили и убили его- убили во имя Христа и правды его. Ангел торжествовал. Люди совершили злодеяние, нарушили завет Христов, уже не во имя плоти, а во имя правды Божьей, как они думали, совершили злодеяние во имя Христова...

III

Старого учёного убили, но осталась книга его, и её читали многие – и многие соблазнились.

Конечно, говорили они с гордостью, нет Бога, нет вечности, нет Христа, нет воскресения. Всё это сказки, годные для глупой черни, мы же понимаем тайну бытия и устройство бытия.

И гордясь, что они поняли всё это, сами стали писать книги, где говорили, каждый по своему, что нет Бога, нет вечности, нет Христа, нет воскресения.

Сперва такие книги читали немногие люди, потому что мало кто умел читать; но прошло много-много лет, читать научились все, и таких книг, написанных уже не учёными, а просто глупыми людьми, которые тоже хотели всем показать, что и они могут понимать вещи так точно, как они есть, без предрассудков – таких книг появилось множество и в таких книгах уже не писали, что нет Бога, нет вечности, нет Христа, нет воскресения, а просто смеялись над теми людьми, которые думали иначе.

И вот многие малодушные люди, которые и верили в то, что есть Бог, есть вечность, есть Христос, есть воскресение, боясь, что их засмеют, тоже стали притворяться, будто не верят. Им было очень тяжело это делать, но они были так малодушны, что больше боялись людской насмешки, нежели гнева Божьего. Но всё-таки много ещё было на земле людей, которые верили, что есть Бог, есть вечность, есть Христос, есть воскресение. И когда наступал праздник Светлого Христова Воскресения, эти люди с верой и умилением произносили: «Христос Воскрес» – и цепь, сковавшая сатану, вновь рассталась, и ангел видел, что его дело не скоро ещё будет окончено.

Но прошло ещё много-много лет, и люди уже перестали спорить о том, есть ли Бог, есть ли вечность, есть ли Христос, есть ли воскресение. Всё это было забыто, забыто было самое имя Божие... Только учёные, рывшиеся в старых книгах, знали, что люди когда-то верили в Бога, в вечность, в Христа, в воскресение. И вот люди стали жить без Бога, без веры, без надежды, без любви...

И всё потухло в мире.

Люди жили, ели, пили, женились и выходили замуж, рожали детей, ссорились и мирились, но смысл жизни был потерян, и жизни уже не было. Всё умерло в душах людей, кроме похоти плоти, и страшная неслыханная тоска овладела миром. Начались бессмысленные и беспощадные войны; никто не знал, из-за чего они происходят и к чему приведут, но все были уверены, что что-то знают, что-то хотят и, думая так, тосковали ещё более. Люди убивали друг друга, но ещё более убивали сами себя. Раздражённые, алчные, жадные к утехам плоти, бессильные добыть их, или утомлённые ими, люди убивали себя без сожаления, без раскаяния, без мысли о том, что будет там, за пределами земной жизни.

Тогда торжествующий ангел предстал перед скованным сатаной. Он думал, что дело его окончилось!

Он думал, что уже все люди забыли святые слова, ибо давно в их груди умерли чувства чистой радости и умиления.

«Великий владыко, – сказал ангел, – я совершил всё, что обещал тебе. Мир снова в твоей власти. Не успеет солнце обойти землю, как ты будешь свободен. На всей земле никто больше и никогда не произнесёт тех слов...»

Но ещё не пришли времена и сроки, и не сбылись слова аггела.

Далеко на краю света, в северных лесах спасался старец. Он сам уже не помнил, сколько ему лет – не помнил и того, сколько прошло лет с тех пор, как покинул он мир, спасаясь от скверны его. Распятие, которое он принёс с собою, да ветхие, святые книги составляли всё его достояние. Жил он в пещере, которую образовала сама природа, питался чем Бог пошлёт, непрестанно молясь и прославляя Христа. Об одном тужил ста-

рец: потерял он счёт месяцам и дням, так что не знал, когда приходился какой праздник, а больше всего печалило его, что он не знал, когда приходится Светлое Христово Воскресение. Праздновал он его наугад: как повеет теплом, весной, так он и празднует. И чувствуя приближение часа смертного, взмолился старец к Богу:

«Господи, хоть бы раз мне угадать, когда Воскресение Христово».

И тут же старец почувствовал, что завтра оно приходится, наверное, почувствовал и не усомнился.

И целый день и начало ночи простоял он на молитве, а как только пришла полночь, он взял в руки распятие и, весь в слезах, старческим, умилённым голосом проговорил и раз, и два, и три:

«Христос воскрес! Христос воскрес! Христос воскрес!»

И в то же мгновение старец увидел, что перед ним стоит человек, в грубых, как бы священнических одеждах, с длинными прядями падающих волос, с лицом изнеможённым, но неземной красоты.

И только лишь старец произнес в третий раз: «Христос воскрес!» – стоявший перед ним наклонился, облобызал его и тихо ответил: «Во истину».

И тут же старец узнал его, узнал, что стоящий перед ним и есть сам Христос. Ибо ещё раз явился он в земном своём виде, и в нищете своей, и в рубище своём, и в язвах своих, и поруганный и оплётанный.

И пал старец на колени, и заплакал от великой радости от великого умиления, и плакал, омывая слезами ноги сына человеческого, плача и повторяя:

«Ты еси Бог и Господь мой, смертью смерть поправший».

А когда поднял старец глаза, то увидел, что лицо его стало светло как солнце, одежды были, как снег, и сонмы ангелов окружали его, вызывая и глаголя:

Христос воскрес из мертвых,
Смертью смерть попра,
И сущим во гробех живот дарова...

И увидел старец, что небо разверзлось, и увидел, как он вознёсся и воссел одесную отца: и когда он возносился, услышал старец как бы веянии хлада тонка, божественные слова:

«Ныне будешь со мною в раю!»
И пал старец на землю, и ту же минуту тихо отошёл...
И снова, почти перепиленная, цепь сатаны срослась...

И теперь уже не застонал сатана, не завопил, не изрыгал хулы и проклятий, не грохнулся на землю с пеною рта; но страшно стало лицо его, так страшно, что вздрогнул и затрепетал весь ад. Любимый аггел сатаны стоял, опустивши голову долу, и не смел взглянуть на грозного владыку. Страшное отчаяние раздирало сердце аггела, – отчаяние, пересилившее и ужас перед гневом сатаны.

И манием руки давая знак аггелу, чтобы он удалился, сатана сказал:

«Прочь с глаз моих! Удались в место бесплодное и безводное, будь там вечно, ибо вечен гнев мой, ибо он неизменен я в гневе моём!»

Ангел удалился. Страшные муки терзали его. Всё дело, совершённое веками, погибло. Быть может, на земле кроме умершего старца, остался ещё только один человек, которого он не успел соблазнить, но он уже не может послушаться веления моего владыки, не может более приступать людям. Проклиная свою опрометчивость и поспешность, ангел удалился в место бесплодное и безводное и пребывал там в смертельном унынии.

Но не осталось ни одного человека. Со смертью старца всё потухло в мире. И когда снова наступил день Светлого Воскресения Христова, никто на земле не сказал «Христос воскрес», ибо не осталось ни одного, кто бы веровал в Бога, в вечность, в Христа, в воскресение...

И тогда сбылось слово Христово.

Распалась цепь сатаны, и князь тьмы с гордым торжеством расправил свои гигантские крылья, и взмахнул ими, и воспарил, и остановился между землёй и небом. И гигантскими крыльями закрыл небо от земли, закрыл солнце.

И наступила тьма, и люди ужаснулись. Смертельный холод объял землю, и люди в страшной неслыханной тоске метались, как безумные...

Но не просветлели сердца их...

Все средства науки и знания были испробованы, но ничего не могло заменить света и тепла солнца, блеска луны, мерцания звёзд...

В страшном отчаянии люди начали избивать учёных и мудрецов – и убили всех. И зажгли города, сёла, леса, – и пожар охватил всю землю. Случались поминутные убийства. Дрались из-за полена дров, из-за куска горячей пищи. И по всей земле наступала такая скорбь, какой не было до сотворения мира...

Но всё-таки не размягчились сердца людей...

Жил тогда один древний старик, учёный. Он избег общего избиения, потому что жил уединённо, не знался с людьми, весь свой век погружённый в изучение старинных хартий и книг. Знал он по этим старинным книгам, что люди когда-то верили в Бога, в вечность, во Христа, в воскресение. Каждый раз, когда ему приходилось читать старинную книгу – Евангелие, сердце его болезненно сжималось, как сжимается оно при воспоминаниях о чистых и непорочных навсегда утраченных днях юности; но, сын своего века, он считал всё это старою, прекрасною легендою легендой из времён младенчества людского рода. И вот теперь, когда великая скорбь охватила мир, сердце старика раскрылось: будто сверкнувшая молния осветила ему всё, и он прозрел и увидел.

И уверовал в Бога, в вечность, в Христа, в воскресение.

И стал он ходить повсюду, проповедуя Бога, вечность Христа, воскресение, возвещая людям, что всё случившееся случилось потому, что ни забыли Бога, вечность, Христа, воскресение; но люди слушали и не понимали его и считали безумцем. А потом, озлобившись, ибо он обличал ложь их жизни, – взяли и мучили его, и убили. И умирая, прославлял он Бога, вечность, Христа, воскресение. Но и тут не размягчились сердца людей, и они, сами погибая от тьмы и стужи, издевались над ним...

Прошло немного времени, и всё, что можно было сжечь, было сожжено. Кое-где догорали остатки костров. Люди дрались и убивали друг друга за каждый едва тлеющий уголь. И вскоре все погибли, – иные от стужи и голода, потому что земля перестала давать дары свои, другие убитые своими братьями. Остались лишь два человека и бродили, не зная один о другом, отыскивая хоть искру от огня. И один набрёл он на тлеющие ещё под пеплом костра угли и стал раздувать их; другой, увидя его, тихо подкрался и вонзил ему нож в спину, дабы одному завладеть сокровищем. Но, не перенесши клокотавшей в нём злобы, и страха, и Усилия, – тут же сам упал мёртвый...

И увидя это, засмеялся сатана таким же тихим и продолжительным смехом, как тогда, когда Христос умирал на кресте; но теперь уже некому было содрогнуться на

земле от этого сатанинского смеха. И опустился торжествующий князь тьмы на гигантскую скалу, выдвигавшуюся над морем, и сложил свои крылья, и с торжеством окинул взглядом расстилавшуюся у ног его опустевшую, мёртвую землю, усеянную пожарами и трупами, освещённую вновь ярко засиявшим над нею солнцем...

И стоял он так долго, долго и всё смотрел на дело рук своих...

А время всё шло и шло; солнце светило ярче и ярче, грело сильнее и сильнее; живительная теплота проникла в недра земли; наступила весна, всё зазеленело, запестрело цветами. Сатана, погружённый в свою думу, не замечал, что делается у его ног. Он вспомнил, как сын божий снизошёл в ад и сковал его; как предстал перед ним любимый ангел его; как соблазнил он людей своею нехитрою и простою выдумкой... И с искривлённым насмешкой лицом князь тьмы произнес:

«Нет Бога, нет вечности, нет Христа, нет воскресения...»

И только сказал, как у его ног будто зазвенели миллионы серебряных колокольчиков, раздались тихие голоса, хором прозвеневшие:

«Есть Бог, есть вечность, есть Христос, есть воскресение...»

В страшной ярости сатана наклонился к земле и увидел, и услышал, что это все цветы, все былинки, все травинки по всей земле хором повторяли:

«Есть Бог, есть вечность, есть Христос, есть воскресение...»

А солнце смеялось на небе, прислушиваясь к тихим звенящим голоскам, и светило, и грело, давая всему жизнь, радость и ликование...

С остервенелым безумием взмахнул сатана крыльями, чтобы снова затмить солнце; но не успел он ещё сорваться с места, как архангел божий с пылающим мечом преградил ему дорогу.

Дрогнул сатана и скорчился, и завопил, и со страшными проклятиями ринулся в бездну.

А солнце всё ярче и ярче светило на небе; а цветы, травки, былинки всё громче и громче, всё радостней и радостней звенели на земле:

«Есть Бог, есть вечность, есть Христос, есть воскресение...»

Печатается по изданию: Говорухо-Отрок Ю.Н. Собрание сочинений. – Белгород: Изд-во Шаповалова, 2005. – Т. 1.

Список иллюстраций

	стр.
1. Икона Иоасафа, епископа Белгородского начала XX в.	3
2. Икона святителя Иоасафа начала XX в.	7
3. Портрет Г.С. Сковороды (XVII в.).....	7
4. Архангел Михаил, попирающий Сатану.....	14
5. Икона с частицей мощей святителя Иоасафа Белгородского, переданная в Западноамериканскую епархию.....	67
6. Портрет М.С. Щепкина (художник Н.В. Неверов).....	67
7. А.В. Никитенко.....	67
8. Явление Богородицы отцу Иоасафа (иллюстрация к страницам жития святителя Иоасафа, составленного протоиереем А.И. Маляревским).....	73
9. М.С. Щепкин в роли Фамусова.....	76
10. А.В. Никитенко. Дневник.....	86
11. Духовный портрет Иоасафа, епископа Белгородского (неизвестный автор, XVIII в.).....	98
12. Фотографический портрет Ю.Н. Говорухо-Отрока (1850 г.)..	98
13. Сатана и змей, впоследствии искусивший Еву (иллюстрация Гюстава Доре).....	108
14. Сатана призывает мятежных ангелов (Уильям Блейк).....	109

Учебное издание

Жиленков Александр Иванович

**Святитель Иоасаф и писатели Белогорья:
компаративистика творчества**

Учебное пособие
в помощь учителю «Основ православной культуры»

В авторской редакции
Оригинал-макет *Ю.А. Лазебная*
Дизайн обложки *Д.С. Школенко*

Подписано в печать 06.11.2012. Times New Roman.
Формат 60x84/16. Усл. п. л. 6,97. Тираж 100 экз. Заказ 310.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИД «Белгород»
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85